

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ПЛОДЫ ТРУДОВЪ ПРОЗОИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

Г: Барона А: Галлера.

Вельможи Гуменскаго-Юкскаго и Еклагненскаго,
Кавалера Сѣверной Звѣзды,
Президента Королевскаго собранія наукъ
въ Гешпингѣ и экономического общества
въ Бернѣ.

Римской, и Россійской Импера :

и

Королев : Французской, Аглинской, Прусской и
Шведской; Голландской, Эдимбургской, Бо-
нонской, Аркадской, Баварской, Крейнской
и Упсальской Академіи, и словесныхъ
наукъ многихъ обществъ почтеннаго
Члена.

ЧАСТЬ II. я

содержащая въ себѣ
ИЗОБРАЖЕНІЕ АРИСТОКРАТИЧЕ-
СКАГО, или ВЛАСТІЮ ЗАКОНОВЪ
ОГРАНИЧЕННАГО ВЪ ГОСУДАР-
СТВѢ ПРАВЛЕНІЯ.

*въ образѣ жизни Алфреда Короля
Англо - Саксоновъ*

описанное.

Переводъ съ Нѣмецкаго языка тѣпаніемъ.

Н : П :

Печашана во градѣ Святаго Петра 1784го года
въ вольной типографіи у Вейтбрехта.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

АВТОРОВО ПРЕДИСЛОВІЕ.

Впунѣ уже было бы нынѣ скрывать старатся, что при изданіи повѣсти о Усонгѣ намѣреніе мое было сдѣлать нѣкоторое покушеніе въ томъ, не можетъ ли самовластное въ Государствѣ единоначаліе быть гораздо сноснѣе тогда, когдабъ Государь такое равновѣсіе ввести попытка въ различные отпроси Государственнаго правительства, кое бы никѣмъ изъ его подданныхъ не могло свободно быть поколеблемо какимъ либо образомъ, и удержатъ при томъ навсегда отверстымъ доступъ къ престолу истиннѣ. Предмѣтъ къ тому въ сей единоначальствующей власти изобразить за лучшѣе разсудилъ я изъ Восточныхъ странъ, гдѣ оная отъ прежнихъ еще древнихъ времянь

только одна была известною
всѣмъ. Чего ради и считатьъ
слѣдуетъ, что всѣ обузданіи
деспотической, или самодер-
жавной власти, коковою была
она на примѣръ въ Персіи,
приняты были, такъ какъ и
прочія тому подобныя, изъ
Китайскаго Государственнаго
правленія, или другаго сход-
наго съ тѣмъ источника; но
съ Европейскимъ самодержав-
нымъ правленіемъ сравнивать
оную никакъ не можно, кое по
причинѣ различныхъ учрежда-
емыхъ верховныхъ судовъ и
другихъ множайшихъ къ тому
средствъ, можетъ ограничено
быть нѣсколько, чего на противъ
того въ Восточныхъ странахъ
ни подъ какимъ видомъ сдѣ-
лать не можно. Итакъ, не
большее сіе изданіе имѣетъ
вропчемъ совершеннымъ пред-
мѣтомъ своимъ то только,
чрезъ чтобъ привлечь нѣкто-
рыхъ

рыхъ читателей, кои не утѣшались еще никогда въ чтеніи сочиненія, слослѣшествоващаго весьма много въ ихъ знаніи, ко вниманію онаго.

При семъ случаѣ, вознамѣрился я описать предѣлами огражденное Монархическое правленіе и притомъ такое, которое совершенно основаніе свое имѣетъ на правилахъ справедливости, будучи весьма отдалено отъ того, что воображалъ я въ мысляхъ токмо прежде, для подкрѣпленія единственно моего намѣренія. Въ четвертой книгѣ сего изданія описано подробно нынѣшнее Государственное правленіе Англіи съ небольшою токмо перемѣною, что также имѣетъ свои причины въ повѣствованіи: ибо, прежде утверждаемы бывали тамъ годовые Государственные доходы какъ отъ избирващаго, такъ и избираемаго, хотя въ поз-

днѣйшія времена ни на едино изъ сихъ учрежденій ни малѣйшаго уваженія не имѣется болѣе.

Пятая книга онаго содержитъ въ себѣ болѣе извѣстіе, изображающее одно токмо мореплаваніе Оэара на берега восточной Гренландіи и дѣйствительную бытность Норманца сего на маломъ островѣ Слицбергенѣ, изъ коихъ каждому описаніе совершенно основано на правдѣ, хотя я и не изъ Оэарова повѣствованія выбирать по тщился.

Напротивъ того шестая и послѣдняя книга творенія сего, имѣетъ тотъ же самый предметъ въ себѣ, каковой и первая часть моего сочиненія, то есть, любовь къ Ліосуи въ Усонгѣ, заслуживающая всякое уваженіе.

Подробноежъ извѣстіе о Алфредѣ, взялъ я особливо изъ Іоанна Спельмана меньшаго, такъ

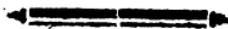
такъ называемой книги, о Жизни Великаго Алфреда, Короля Аглинскаго, напечатанной въ Оксфордѣ 1678 года въ листъ мѣроу. Въ сочиненіи семь выбирать щился я болѣе изъ описанія жизни Генриха II^{го}, изданной достойнымъ почтенія Лордомъ Липшлепономъ и Гуменовою сокращенной гисторіи; а притомъ также нѣкоторыя мѣста, кои я только могъ приламятовать, и изъ Аглинской гисторіи.

Сверхъ того, намѣренъ я также подъ заглавіемъ повѣсти. о Фабіи и Капонѣ коснуться и Республиканскаго правленія; но сіе послѣднее изданіе имѣетъ содержать въ себѣ токмо одно гисторическое сочиненіе, такъ что самая гисторія довольно уже кажется мнѣ быть достаточною, не имѣя вовсе почти ни малѣйшей

шей нужды въ вымышляемыхъ
въ ономъ украшеніяхъ.

Въ заключеніежъ всего выше
упомянутаго мною, открываюсь я здѣсь между тѣмъ
предъ всѣми чистосердечно, что
намѣреніе мое свершилось бы
совершенно тогда, когдабы
удалось мнѣ вслѣдствіе
вѣтъ къ тому хотя нѣсколько,
дабы сильныя въ каждомъ родѣ
правленія сообразовать себя не
упускали съ правилами добро-
дѣтели, усердствуя всевоз-
можнымъ образомъ ко все-
общему благу рода человѣче-
скаго.

ГАЛЛЕРЪ

АЛФРЕДЪ.

К Н И Г А I.

По смерти славнаго *Эгберта*, *Эдельвольфъ*, сынъ онаго, наслѣдовалъ ему непосредственно въ правленіи всего Государства; но не имѣя впрошчемъ ни подобнаго ему духа, ниже самой бодрости. *Эдельвальдъ*, сынъ *Эдельвольфа*, лишивъ его вскорѣ половины Государства, обладалъ шакже короткое время оставленнымъ родителемъ его престоломъ, въ продолженіе владѣнія коего, возмѣнили совершенно начало свое всѣ несчастія Англїи.

Жители оной не составляли уже тогда болѣе древнихъ неуспрашимыхъ Саксонскихъ воиновъ; живши долгое время подъ крошкимъ начальствомъ, смягчились и ихъ нравы ошупительнымъ образомъ. Презрѣніе къ смерти и алчность къ побѣдамъ и завоеваніямъ, были порабощены шамъ вовсе верховною власнію духовныхъ; Государи посещали токмо прилѣжно храмы приченныхъ

чпешныхъ къ лику Свяшыхъ иноковъ; испрашивали у начальспвующей духовной особы побѣды, кою предки ихъ чаяли получить посредспвомъ единого своего меча; они не урѣжали бздись въ споллицу главы духовенспва, какъ настоящего испочника всего блага, и подвергали добровольно свои владѣнїи шяжкимъ налогамъ, за кои покупывали защипу силы помазанной главы сей. Мирюлюбно желали они наслаждашя плодами земли, кою предки ихъ приобрѣли для нихъ своею кровїю, шакъ, чшо война учинилась уже въ Англо-Саксонахъ болѣе должноспїю, принуждаемою самою не-обходимоспїю, а не врожденнымъ прежнимъ побужденїемъ и прїяшнымъ упражненїемъ бодрости.

Но далѣ на Сѣверѣ въ жестокой Скандинавїи, пребывала еще безпреспанно древняя свирѣпоспть нравовъ и обычаевъ. Нѣкоторой народъ, спрашившейся оканчивашъ жизнь безъ покрышаго многими ранами тѣла, ожидавшей въ самой вѣчноспи награжденїя во удовлетворенїе своему мужеспву и чающей искупить милосердїе *Одиново* единспвенно про-лїянную свою кровїю, обипалъ шогда сіи опдаленныя спраны, куда сильныя Римляне никогда не доспавляли иску-
спва

спва своихъ художествъ, ниже смягченныхъ просвѣщеніемъ нравовъ ихъ подобія. Народы сіи, говорю, почитали по симъ самымъ причинамъ миролюбивыхъ жипелей полуденной часши Европы совершенною себѣ добычею, кои какъ будшо бы опъ ешесства нарочно шокмо для нихъ и сошворены были. Норманны, такъ назывались обсеяне морскихъ береговъ, далѣе на Полдень лежащихъ пространной Скандинавіи, обѣзжали все моря на легкихъ судахъ своихъ, выхаживали на сухой путь, причаливая обыкновенно въ рѣкахъ къ разнымъ пристанямъ, нападали на селеніи безъ всякой обороны находившіяся и на неукрѣпленные ничемъ города, похищали имѣніе жипелей, и находили варварское удовольствие въ разореніи и умерщвленіи мучительнымъ образомъ побѣжденныхъ собою: ибо не знали они вовсе, окромъ мужества, никакой другой добродѣтели. Смиреномудріе миролюбивыхъ духовныхъ казалось имъ презрительнымъ нарушеніемъ единой должности человека, коя влекла мужей къ пріобрѣтенію безсмертной славы имени ихъ: они презирали науки наподобіе упражненія въ пражѣ, и почитали оное дѣломъ слабого дужа людей:

по

по опустошеніи одной страны, когда вокругъ спана ихъ курилось все въ пресрашномъ дыму, и когда плоды прудовъ невинныхъ земледѣльцевъ изпроблены ими были всѣ безъ ошпапка, вступали они паки въ свои суда, и спарались искашь другижъ странъ, странъ шакихъ, кои не испытывали еще жаждущихъ кровію мечей ихъ и испребляющихъ все пылавшихъ факеловъ ихъ безчеловѣчной ярости. Такимъ по образомъ причиняли свирепыя сїи дикіе смерть и гибель въ свѣтѣ и каждой странѣ, посещаемой ими, копорая служила непремѣнною по всѣмѣспному злощастію жертвою. Упомясь же отъ жестокости, и обременивъ себя сильно добычею прудолоубивыхъ, возвращались они наконецъ въ свои пристани, воспѣвали побѣды ихъ прекраену полу страны своей, и наслаждались попомъ всеобщимъ почтеніемъ отъ прошчихъ согражданъ своихъ. Часто случалось похищать начальникамъ сихъ варваровъ молодыхъ красавицъ, и привозить оныхъ въ свои дикія пустыя жилища, гдѣ никакіе источники слезъ не въ силахъ бывали спасти цѣломудріе оныхъ, и гдѣ, говорю, ни малѣйшей не оставалось надежды имъ узрѣть нѣкогда паки дражайшего

жайшего имѣ опечесства, ниже услышеть когда пріятнаго гласа возлюбленныхъ ихъ родителей.

Учинившись такимъ образомъ искусными въ управленіи мепалломъ, и будучи взрослены въ безпрестанныхъ бипвахъ, не знали неуспрашимые вишязи сіи никакого другаго искусства, кромѣ обожаемаго ими знанія во всегдашнихъ браняхъ. Они не ужасались вовсе никакихъ смертносныхъ язвъ, и взирали на смерть подобно, какъ на испинный пущь, влекущій ихъ прямо къ жершвенникамъ обогшворяемыхъ ими кумировъ; не смолрѣли никогда на число ихъ непріятелей, въ маломъ количесствѣ нападали они на цѣлыя войска, и съ угрызающею шѣло змѣю въ пазухъ воспѣвалъ непоколебимо Рагнаръ оныхъ смерпный свой спихъ (*). Сіе ожеспоченіе подкрѣпляемо было силами, возраспавшими обыкновенно съ безпрестаннымъ упражненіемъ и совершеннымъ знаніемъ въ искусствѣ оружія.

Они

(*) Сей Рагнаръ, попавшись нѣкогда въ пльнѣ Агличанамъ, брошенъ былъ въ яму, наполненную змѣями, гдѣ бѣдспвенно, но при всемъ помѣ мужеспвенно, окончаль оиѣ жизнь свою.

Они превосходили всѣхъ Европейскихъ народовъ своимъ презрѣніемъ къ смерти, при нашествіи коихъ разпространялся страхъ по всѣмъ и сосѣдственнымъ Государствамъ даже. Безнадежные об-сеяне, оставяя свои пасшва, удалялись немѣдленно въ огражденные стѣнами города, гдѣ крѣпкія насыпи и огромныя башни удерживали нѣкопое время жестокое усиіе варваровъ сихъ, у коихъ не доставало принадле-жащаго орудія къ скорому опроверже-нію укрѣпленій оныхъ.

Слабые Карловинги не въ силахъ были также прошивостоять журчащему силь-но стремленію Норманновъ сихъ. Часто покупывали они серебромъ у оныхъ совсемъ ненадежный и непродолжи-тельный миръ: ибо Скадинавы не зна-ли вовсе никакой надъ собою верховной власти, пошому что каждой полны начальникъ сражался и похищаль все, единственно шокмо для одного себя; обремененная искупленными деньгами успрашенной спраны парштя, едва успѣ-вала отспупашъ шокмо, какъ другая, подобная во всемъ ей, насшупала пош-часъ съ неменьшею бодростію, опѣ-емля, нешолько оставшееся все, но и самую жизнь даже спрадавшихъ въ не-давномъ времени злощасныхъ жите-лей,

лей, которую опкупили было они за дорогую цѣну у прежней, во всемъ ей равной. Сопрошвленіе и преклоненіе, равно опасны были для нихъ оба, изъ коихъ первое служило для непріобыкшихъ совершенною погибелью, а послѣднее опспрочивало нещасіе на весьма короткое время.

Во владѣніе *Эдельберта*, брата *Эдельвальдова*, вступили вооруженною рукою въ Англію *Губба* и *Ингварь*, дѣши *Рагнара Лодброга*, напавъ съ начала на *Йоркъ*, пространѣйшій городъ: удѣльные Князя спраны шой, не преминули выдши имъ на встрѣчу съ многочисленнымъ хопя числомъ, но слабо пріугоповленныхъ къ пому войскъ; однакожъ храбрые Скандинавы побили безъ всякаго пруда безсильныхъ Саксонъ на голову, низложивъ припомъ большую часть дворянства, и наложя на побѣжденныхъ исполненіе шяжкихъ условій и поносную сверхъшого подашь. Они не оставили напасшь шакже вскорѣ и на воспочную часть оспрова. *Эдмунтъ*, Государь *Оспъ-Саксонъ*, былъ шакже побѣжденъ, и взявъ припомъ въ плѣнь, коего дикіе умершвивъ скоро, оросили попомъ всю Англію кровопившвеннымъ своимъ орудіемъ.

Новое

Новое войско укрѣпилось паки въ Реадингѣ, по близости бывшего посредственнѣмъ еще въ то время города Лондона. Эдельредъ, Король Англо-Саксоновъ и братъ наслѣдника Эдельвальдова, напалъ было на засѣвшихъ въ окопахъ Норманнъ съ большимъ мужествомъ, нежели щастіемъ; но былъ наконецъ отъ оныхъ прогнанъ съ величайшимъ урономъ.

При мѣстечкѣ Асгдовнѣ, неподалеку отъ Реадинга, сразились вновь оба войска другъ съ другомъ. Англо-Саксоны раздѣлены были тогда на два корпуса, изъ коихъ однимъ предводительствовалъ самъ Король, а другимъ повелѣвалъ меньшей братъ онаго, мужественный *Алфредъ*, начавшій обращать впервые шокмо оружіе свое противъ враговъ опечесства его. Сей самый *Алфредъ*, любимецъ родителя своего Эдельвольфа и меньшій изъ всѣхъ сыновей онаго, приобрѣлъ отъ природы величайшія дарованія, подобныхъ коимъ весьма рѣдко совокупными найсти можно въ чловѣкѣ. Пріятный видъ и почтенія достойные его поступки плѣняли всѣхъ, знавшихъ сего младаго Принца, сердца къ оному. Онъ былъ посланъ отъ родителя своего въ Римъ, столицу нѣкошорыхъ наукъ, кои осшавались еще шамъ

шамъ отъ раззорительныхъ побѣдъ Сѣверныхъ народовъ въ Европѣ. Младый Князь сей, былъ наставляемъ шамъ безпрестанно въ сихъ вовсе почти забытыхъ уже въ Англїи знанїяхъ, коему приложенъ было былъ и духовный санъ шамъ даже; но Левъ II^й, Папа Римскїй, предвидя будущее величество благороднаго сего юноши, помазалъ его на Королевское достоинство, не смотря на то, что шрое спаршихъ его братьевъ находились между имъ и престоломъ.

Въ бытность же его въ Англїи, приобретаемъ онъ былъ къ различнымъ упражненїямъ тѣлодвиженїя, кои единственно считались тогда достойными человека равнаго его сосноянїю. Онъ упражнялся въ верховой ѣздѣ, учился скакать на охотѣ за соколами, и приобыкалъ ко всѣмъ необходимостямъ многопрудной жизни, какъ то, сносить шерпѣливо голодъ, несносный жаръ и чрезмѣрное испощенїе силъ тѣлесныхъ. Будучи еще осмнадцати лѣтъ юношею, подалъ онъ уже не малую надежду брату своему Эдельреду, признавъ себя способнымъ въ порученїи ему предводительства надъ войскомъ, который не зналъ до того вовсе великихъ душевныхъ дарованїй сего достоинствами

Часть IIя.

Б

про-

процвѣшавшаго *Алфреда*, и надѣясь
 вѣще обольстивъ въ опасности, угро-
 жавшей тогда шолко Англїю, для
 большего поощренїя къ великимъ пред-
 прїятїямъ юноши сего, обѣщавъ ему
 наконецъ уступивъ половину шей
 страны, кою завладѣвъ ему удастся
 шолько.

Но *Эдельредъ* поступилъ вѣроломно
 однакожъ прошивъ сего великодушнаго
Алфреда: онъ удержалъ за собою, не
 шокмо оставленную часть ему на
 удѣлъ отъ родителея, но и въ шомъ
 отказалъ ему попомъ совершенно, что
 обѣщавъ оному самъ прежде. При всемъ
 шомъ предпочитавъ *Алфредъ* любовь
 къ опечесшву всѣмъ огорченїямъ отъ
 прешерпбнной имъ шаковой несправе-
 дливости, и служилъ нарушителю увѣ-
 ренїя своего, брашу его, въ наиопаснѣй-
 шихъ походахъ весьма ревностно.

Онъ чувствовавъ безпрестанно еди-
 ное шокмо побужденїе къ добродѣ-
 шели: желанїе, избавивъ опечесшво
 свое отъ гибели, воспалало часъ отъ
 часу его мужество. Норманны, выступя
 между шѣмъ въ полѣ прошивъ онаго,
 принудили его съ своими непрїобык-
 шими къ войнѣ войсками съ ними къ
 сраженїю. *Эдельредъ* молился между
 шѣмъ въ своей спавкѣ; никакая прозьба
 Англо-

Англо-Саксоновъ его и ниже самый звукъ воинскій вызывающихъ къ брани музыкѣйскихъ орудій, не могли его пронуть нарушить обычая, безъ чего не осмѣлился онъ надѣяться приобрѣсши себѣ Божеской помощи. Видя его такую мѣдленность, принужденъ былъ наконецъ *Алфредъ*, подвергнувъ себя очевидной опасности, вступить съ непріятелями въ бой; чего ради, выступилъ онъ на открытое ровное мѣсто противъ сильнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ такъ сказать *Норманновъ*. Его чрезмѣрная неуспрашимость и учиненной собою примѣръ при семъ случаѣ воспалили шопчасъ сердца робкихъ изъ его подчиненныхъ къ мужественному сопротивленію. Луки оныхъ изъ писоваго дерева содѣланные, пускавшіе желѣзные стрѣлы, и кои спуская еще многія сполѣтшія попомъ доставляли *Агличанамъ* не малое преимущество предъ храбрѣйшими ратоборцами въ Европѣ, содержали долго сраженіе въ равновѣсїи; они низложили безчисленное множество до половины обнаженныхъ сражавшихся при семъ случаѣ *Норманновъ*, крикъ орудій вблизи шокмо вредить были въ силахъ; но упрямые *Нордландцы* не робели припомъ ни мало: мщеніе распалило шѣмъ паче ихъ бо-

Б 2

дросшь,

дрость, они наступали ничего не спрашась на Саксоновъ, коихъ выспрѣлы напрошивъ шого вблизи недѣйствительными были, и доводили оцыхъ почти уступивъ ихъ непреодолимоу силѣ; но при всемъ шомъ, пребывали оны неподвижными: присудшвіе и примѣръ младаго ихъ ироя, удерживали ихъ долго при своихъ знаменахъ. Превосходная сила непріятелси окружила оныхъ пошомъ со всѣхъ споронъ, и опчаяніе заступило уже совершенно мѣсто шогда мужесшва, какъ Эдельредъ предшаль наконецъ самъ, посвящая много время своему благочестію, кое къ защищенію народа его непремѣнно употреблено бышь слѣдовало бы Ишакъ, войско его, которое ничего еще не прешерѣло впрошчемъ, видя погибель собратій ихъ уже весьма близкою, доказало болѣе съ спороны своей къ ихъ спасенію, нежели шо самъ Государь ихъ чаяшь могъ. Часъ онаго встрѣшила мужесшвенно одно крыло Норманновъ, а пропчїе напали на сражавшихся непріятелей со спороны; ишакъ, между двумя корпусами Соксонцевъ заключены будучи совершенно, учинились они наконецъ настоящею жертвою мщенія *Алфредова*, что видя и другїе, шоявшїе еще неподвижно,

подвижно, поколебались попомъ немѣдленно. Такимъ образомъ, побѣдители не преминули преслѣдовать Норманнъ по всѣмъ мѣстамъ страны той, покуда ночь не заградила совершенно оставшихъ изъ нихъ. Многія тысячи пали разсѣянными на мѣстѣ, и земля написалась свѣдѣніемъ тогда кровію ужаснѣйшихъ ея злодѣевъ.

Но Сѣверъ преисполненъ былъ изобильно скипавшимися толпами грабителей, и мужество жителей онаго превосходило по весьма далеко, чѣмъ одно пораженіе ихъ со товарищей могло успрашивать ихъ отъ обыкновенной добычи, кою находили они споль часто въ Англіи. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, войско ихъ подкрѣплено будучи множествомъ судовъ, прибывшихъ изъ Скандинавіи, обратилось паки противъ обоихъ Князей Саксонскихъ. При мѣстечкѣ Марденѣ въ Графствѣ Вильшскомъ находящемся, дошло вновь дѣло до сраженія, на которомъ Эдельредъ былъ раненъ, а Саксоны обращены въ бѣгство. Преимущественнѣйшее искусство въ войнѣ и усилившееся паче прежняго презрѣніе къ смерти, доставили Норманнамъ совершенный перевѣсъ при семъ случаѣ, коему вся

Б 3 *Алфре-*

Алфредова храбрость не въ силахъ была нимало прошивостоять болѣе.

Эдельредъ умеръ между тѣмъ въ скорбь отъ полученной имъ раны, оставивъ Государство въ такомъ положеніи, кое каждаго желаніе къ пресполю опъвращишь довольно имѣло силы. Побѣдоносные Норманны обипали въ самомъ средопочіи всего Государства, Саксоны испощены были въ силахъ своихъ отъ частыхъ великихъ поражений, и совершенное оныхъ опчаяніе, сооружавшееся на искусномъ превосходствѣ силъ ихъ непріятелей, вредило ихъ несравненно болѣе, нежели самое умаленіе числа ихъ воиновъ. Государь народа сего, приведеннаго въ наивеличайшее изнеможеніе, не видалъ ничего инаго шогда предъ собою, какъ шокмо сомнишельныя весьма сраженіи, чаемыя пораженіи, сильное уничтоженіе и покрывающія тѣло смертоносныя язвы его подданныхъ.

Алфредъ хопя и былъ еще молодъ въпропчемъ; но постоянство мыслей онаго укрощало уже въ самыхъ пылкихъ лѣтахъ его всякое стремленіе еспрасней человѣческихъ. Будучи еще въ ребячествѣ, оставался онъ единымъ отрошемъ великаго рода, оживошворявшаго безпрешанно пресполь Саксонскій,

скій , начиная отъ благочестиваго Водана до побѣдоноснаго Эгберта даже. Ему назначилъ уже Эдельредъ наслѣдство престола, потому что удержалъ онъ за собою во время правительства своего все принадлежащее оному законнымъ образомъ. При томъ , Алфредъ сражался всегда усердно за народъ свой, одерживалъ многія побѣды, и при самыхъ пораженіяхъ войскъ его пребывали мужество и благоразуміе онаго безъ наималѣйшаго ожуленія. Ипакъ , всѣ Саксоны обрапили совокупно глаза свои на него при семъ случаѣ , уповая несомнѣнно чрезъ его преизящныя добродѣтели получить совершенное избавленіе отъ угрожаемой имъ всѣмъ скорѣ погибели. Долго пропивился было премудрый юноша убѣждавшему его дворянству и совѣщовавшему ему сильнымъ образомъ всему духовенству , дасть на то свое согласіе, и нехотя уже принужденъ будучи уступить прозьбѣ ихъ наконецъ , допустилъ возвести себя на престолъ въ Винчестерѣ , колеблемый споль часто побѣдоносными варварами.

Не прошло еще съ мѣсяць времени, какъ уже онъ принужденъ былъ при мѣспечкѣ Вильсонѣ дасть непріятелямъ своимъ генеральную башалію, хотя и

лучше бы было гораздо, естлибѣ премудрый Государь сей приугоповилъ и приобучилъ прежде народъ свой небольшими сраженіями взирать на ужасный образъ неустрашимыхъ Норманновъ; но безпрестанныя опустошенія варваровъ сихъ и распроспранившееся по всему Государству пламя, принудили его покориться неизвѣстности случая, и идти съ малыми силами прошивъ сильныхъ непріятелей. Долго, по шѣхъ самыхъ поръ, покуда солнечные лучи освѣщали шокмо почти поверхность земли, сражались Саксоны съ равною удачею прошивъ Норманновъ. Хорошія Королевскія распоряженія означали уже наконецъ поверженную побѣду въ руки его; Норманны ослабѣли, но не предались однакожъ бѣгу, а опешупили шокмо назадъ. Саксоны бросились неоспорожно на нихъ при семъ случаѣ; многіе изъ нихъ разсыпались отъ жадности къ добычѣ, и прогнали непріятелей совершенно до нѣкотораго возвышеннаго мѣста, откуда однако могли оные обозрѣть свободно слабые ряды преслѣдовавшихъ за ними въ безпорядкѣ Саксонъ; и какъ храбрые Норманны удерживали обыкновенно и при самыхъ своихъ пораженіяхъ бодрость свою, то послѣшали не теряя времени

возвратишся тогда назадъ: они напали на удосповѣренныхъ весьма успѣхомъ побѣды Саксонъ, и испоргнули скоро потомъ изъ рукъ оныхъ всю честь, прѣобрѣтенную ими въ продолженіе прекратившагося дня. Мракъ нощи спасъ ослабѣвшихъ припомъ оиъ меча Норманнъ, и хотя мало изъ нихъ пало на мѣстѣ; но побѣда была между шѣмъ поперяна, и бодрость народа была снова паки поработчена совершенно.

При всемъ томъ однакожъ, искупили Норманны побѣду сію безцѣнною такъ сказашъ кровію, и военное искусство *Алфреда* возбудило въ нихъ споль сильное къ нему почтеніе, что заключили съ нимъ потомъ совершенный миръ; они ославивъ Вестъ-Саксонію, обратили оружіе свое противъ другихъ мѣстъ острова, коими управлялъ тогда между прочими удѣльными владѣльцами *Гурргедъ*, Князь Миддлесекскій. Опустошая его земли, и принуждая онаго къ различнымъ съ ними сраженіямъ, покорили они наконецъ по смерти его все Государство онаго подъ свою власшь. Воспочная же Саксонія и Норшумберландія лежали и безъ того уже пѣгруженными въ ихъ развалинахъ, изъ

коихъ не большія обищаемыя еще мѣ-
спа заняшы были всѣ Скандинавами.

Между тѣмъ Гормундъ и Амундъ
напали паки вскорѣ съ новыми силами
изъ неизчерпаемаго Сѣвера на оспо-
рожнаго весьма впрощемъ Алфреда,
копорый защищалъ тогда токмо безо-
пасность однихъ западныхъ Саксоновъ.
Но премудрый Государь сей довесть до
шого Норманновъ и при семъ случаѣ,
что они принуждены были удалиться
оттуда немѣленно, давъ кляшву имя-
немъ боговъ своихъ оспавишь вовсе
владѣніе Алфредово; однако кляшво-
преступники сіи, напавъ не много
спуся времени попомъ на Королев-
скіе конскіе заводы, и снабдя себя
шамъ довольно лошадьми, вспунили
въ Экчесперъ.

Въ слѣдствіе чего, не преминулъ
предсхавишь Король удрученнымъ шру-
дами и опчаснымъ въ надеждѣ сво-
имъ Саксонамъ, что когда никакой
союзъ, ниже самая кляшва варваровъ
не могли обуздашь уже оныхъ опъ
коварныхъ ихъ намѣреній, то въ ша-
комъ случаѣ оспаешся имъ возвимъшь
единое токмо прибѣжище къ себѣ
самимъ и мужеству всего народа, и
когда не оспавалось уже имъ болѣе ни-
каковаго другаго спасенія, то опчаяніе
ихъ

ихъ долженствовало само подкрѣпить ихъ руки, представляя имъ припомб живо, что гораздо достойнѣе было пастъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели допускать умерщвлять себя на подобіе скрывающейся дичины опб гонящихся за нею ловцевъ безъ всякаго онымъ сопротивленія. Ободренные шѣмъ Саксоны принялись паки за оружіе, и начали чинить прежнее усиленное сопротивленіе Норманнамъ. Семь разъ въ одномъ году имѣлъ *Алфредъ* кровопролитнѣйшія сраженія съ сими грабителями; и жопя достойная кровь Саксонъ текла по истиннѣ настоящими рѣками по полямъ; но и Норманны напрошивъ шого лишились до половины также своихъ соповарицевъ, принуждены будучи согласиться наконецъ на прежніе договоры, учиненные ихъ предшественниками, по еспь, оставить вовсе западную Саксонію, и не прибъзжать никогда впредь съ новыми силами съ Сѣвера въ Государство *Алфредово*.

Непобѣдимый *Ролло*, начальникъ сильнаго поколѣнія Королей Норманскихъ, для коихъ пресполь *Алфреда* предоспавленъ былъ совершенно чаятельно высочайшимъ Провиденіемъ, пребылъ вѣрнымъ навсегда сему условію :
онъ

онъ оставивъ Англію, перенесъ оружіе свое въ Ниспрію, кою учинилъ онъ собственнымъ своимъ владѣніемъ, и гдѣ попомки его владычествовали попомъ со славою и величествомъ.

Между шѣмъ не ушло ничего отъ прозорливости великаго *Алфреда*; бесполезно считалъ онъ испрашивать дружелюбія отъ Норманнъ, покуда проспранство водъ морскихъ, окружавшее его Государство, пребудеть имъ опверстымъ. Ихъ ничемъ неукротимая алчность и спремящееся безпреспанно безмѣрное желаніе къ чести, пролиштемъ крови непріятелей своихъ, не допускали оныхъ упражняться въ наукахъ и художествахъ; жизнь сихъ варваровъ спановилась имъ въ шягосъ, когда не разбудалъ ихъ отъ сна, шакъ сказать, звукъ оружія и надежда скорой побѣды. Ишакъ, *Алфредъ* предвидѣлъ дѣйствительно гораздо болѣе впередъ, нежели всѣ его предшественники, Короли Саксонскіе, способны къ шому были когда либо: ибо, Англія не имѣла вовсе спрашиться инаго непріятеля, кромѣ шого, которой напасъ предприметь на оную со стороны морской. Чего ради, повелѣлъ онъ во всѣхъ своихъ пристаняхъ строитъ немѣдленно корабли, принималъ избъ
рыбо-

рыболововъ охотниковъ и искусныхъ мореходцевъ къ себѣ въ службу, нагружалъ новопостроенныя свои суда воинами, и раздѣлялъ оныя по разнымъ усшьямъ рѣкъ, куда Скандинавляне обыкновенно приспавашь и вѣбзжашь сдѣлали уже привычку.

Саксоны начели выходитьъ попомъ изъ гаваней своихъ всегда бодрыми и довольно вооруженными на-вспрѣчу своимъ непріятелямъ, когда разбойники сіи изъ опдаленной Скандинавіи, будучи чрезъ обширныя моря утомлены и обезсилены, старались доспичь всячески береговъ Англїи. И тогда уже, говорю, неискусные еще вовсе почти въ мореплаванїи Саксоны, превосходили довольно супоспашовъ своихъ Норманновъ; они разбили два большіе флотша оныхъ, попопили многія изъ нихъ суда, а остальныя ушли возвратно на Сѣверъ. *Алфредъ* же между тѣмъ поспѣшалъ сужимъ пушемъ въ Экчесперъ, окружилъ тамъ сухопутное войско Норманновъ, и принудивъ оное дасть себѣ порукъ, выгнавъ его попомъ изъ всей западной Саксонїи.

Но не многіе изъ Норманновъ пребыли вѣрными своему обѣщанїю: большая часть оныхъ не находила другаго себѣ содержанїя, кромѣ какъ ошъ еди-наго

наго грабительства. Они учинили вновь нападеніе на *Алфредовы* земли, завладѣли нечаянно Киппенгамомъ, весьма надежнымъ городомъ прише-
 сненныхъ Саксоновъ, и причинили вскорѣ испребляющее повсюду пламя, окровавивъ мечи свои во всѣхъ мѣ-
 стахъ Государства всего. Отъ долго-
 временной войны и отъ частыхъ по-
 раженій ослабѣвшіе, а припомъ и самы-
 ми побѣдами даже упомянутые Сак-
 соны, потеряли наконецъ всю надежду
 къ ихъ спасенію: они разсыпались по
 лѣсамъ, по пустымъ мѣстамъ и по
 неприкосновенному еще отъ общихъ
 непріятелей ихъ Герцогству Валли-
 скому, и искали безопасности у самыхъ
 своихъ прежнихъ враговъ, копорой ни-
 какое сопротивленіе не въ силахъ было
 доставить имъ. Сіи обезоруженные,
 преклоня такимъ образомъ выи свои
 подъ иго, покорились добровольно всѣ
 ихъ злодѣямъ.

Итакъ *Алфредъ*, будучи оставленъ
 отъ всего народа, не находилъ болѣе
 средства собрать паки разбѣянныхъ,
 или возстановить по прежнему обуяв-
 шихъ спражомъ его подданныхъ; ему
 не оставалось самому ничего болѣе,
 какъ только спасать себя въ такое
 время, когда съ нимъ вкуцѣ исчезала

■

и вся надежда доспичь прежняго состоянїя нѣкогда Саксонскому Государству. Чего ради, сложивъ съ себя Царское украшеніе, переобразовался онъ въ гнусное рубище проспаго чоловѣка, замаралъ прекрасное свое лицо сокомъ нѣкоихъ плодовъ, и возвѣмѣлъ наконецъ прибѣжище къ одному преспа-рѣлому паспужу, служившему при спадахъ еще предковъ его, Королей Саксонскихъ. Вѣрный сей рабъ, упалъ достоинство Государя своего и отъ своей жены даже, которая съ неизвѣспнымъ ей Монархомъ обращалась съ приличною ей состоянїю жестокою грубостїю, въ коей *Алфредъ* искалъ тогда своей безопасности. Цѣлый годъ скрывалъ себя младый Государь въ семъ порабощенномъ состоянїи; но ревностный дужъ онаго не оставался и подъ симъ бременемъ безпрестанно празднымъ.

Норманны имѣли разсѣяннмъ спанъ свой въ болописной спранѣ Аеельнея и разбишымъ между двумя рѣками въ Графствѣ Соммерсетскомъ: они считали себя въ семъ кленовомъ лѣсу между шиниспыми мѣспами совершенно безопасными, и чинили изъ немудрыхъ сихъ укѣпленій свои набѣги на злополучную спрану Вестъ-Саксонскую:

скую: въ непроходимой сей пустыньѣ сохраняли они свою добычу и всѣ вкупѣ сокровища шезаемой Англіи.

Часто нападалъ *Алфредъ* съ малымъ числомъ Саксонъ, или вооруженныхъ паспужовъ на спанъ Датскій, разбивалъ нерѣдко партіи сихъ разбойниковъ, и производилъ въ дѣйство надъ ними свое будущее мщеніе, о коемъ помышлялъ онъ безпрестанно для сихъ варваровъ; и часно опѣмая у нихъ похищенной ими скопѣ, раздѣлялъ добычу сію по своимъ усерднымъ сошварницамъ кои помогали ему причиняшь вредъ врагамъ его опечесшва. Единый, оспавленный опъ всѣхъ Государь сей, служилъ Норманнамъ вмѣсто цѣлаго войска, поражавшій сошни изъ оныхъ, и не будучи видимъ припомъ никогда. Многія изъ шаковыхъ малыхъ преимуществъ надъ непріятелями пріобрѣтенныхъ, распространили вскорѣ служъ о смѣломъ паспушьемъ имяни повсюду, и имя *Вульфа* учинилось немѣленно во всѣхъ мѣстахъ весьма страшнымъ.

Такимъ образомъ, ожидалъ *Алфредъ* съ прискорбіемъ и неперпѣливостію время избавишь народъ свой онъ сильного пришѣсенія, въ коемъ томился оной безпрестанно. Вѣрный ему впрошчемъ хозяинъ его, былъ чрезмѣрно бѣденъ,

бѣденъ, попому что грабишели изъ Дашчанъ похишили и у него весь скопѣ; въ слѣдствіе чего, принужденъ былъ *Алфредъ* питанся съ нимъ весьма умѣренною пищею, да и ша не рѣдко опѣемлема бывала опѣ него шакже чрезъ разные случаи. Ишакъ, одинъ жабѣ соспавлялъ шогда весь споль Королевской и его пипомца; и какъ нѣкогда, будучи онъ одинъ дома, увидѣлъ пришедшего къ жижинѣ одного скишавшегося бѣднаго человѣка, и сказывающаго о себѣ приномѣ, что онъ умиралъ съ голоду, шогда сердце *Алфреда*, не бывъ споль жестпоко, чшобѣ могло прошивосшояшъ подобному предмѣшну, принудило шопчасѣ его раздѣлишь весь свой жарчѣ съ симъ незнакомымъ нещасшнымъ, предавшисъ самѣ произволу Пшавшего пшицѣ небесныхъ. Послѣ шаковаго знака великодушія вздремалъ шопчасѣ младый Государь сей, и по свидѣшельству гисшоріи, будучи въ пріятной забыши, кою производишь часто душевное спокойствіе, узрѣлъ представшимъ будшо бы предъ нимъ вдругъ всевысочайшее Существо. „Твоя злая учаспъ досшигла нынѣ конца, Государь Саксонскій, вѣщало ему Оное, и пушь къ пресполу швоему спалъ уже опвершымъ. шебѣ паки, будь

Часть IIя. В шокмо

шюкмо въ щаспїи шѣмъ же самымъ ,
каковымъ былъ шы и въ злополучїи
своемъ.,,

Услышавъ слова сїи *Алфредъ*, воз-
чувспшвовалъ надежду свою возбужден-
ною по маломъ послѣ шого времени
упрненнею зорею. Ишакъ, усердный ловчїй
учинился щаспливымъ потомъ въ его
ловаѣ, а паспухи обрѣли паки заблуд-
шую овцу изъ ихъ спада; но важнѣй-
шее извѣспїе опозвало между шѣмъ
великаго *Алфреда* къ большему еще
предпрїяшїю. *Одунъ*, Графъ *Девонскїй*,
заклучилъ себя, услышелъ онъ, въ
замкѣ *Кинвиескомъ*, куда великое мно-
жество разсѣянныхъ повсюду *Саксо-
новъ* собралось подъ его покровитель-
ство; а *Губба* и *Ингваръ*, возвращаясь
назадъ изъ *Валлиса* обремененные до-
бычею, гнались со всѣми ихъ силами
за бѣгущими шуда *Саксонами*, надѣясь
легко принудить *Кинвиесъ* къ здачѣ,
гдѣ для многочисленной шолпы осаж-
денныхъ, знали они, не доспавало до-
вольнаго числа припасовъ; чего ради,
окруживъ шощасъ замокъ сей, пре-
сѣкли они находящимся въ немъ всю
воденую коммуникацію.

Алфредова кровь волновалась ша-
кимъ образомъ часъ ошъ часу болѣе
при приближавшейся необходимости
его

его народа. Онъ оставивъ уединеніе Аеельмейское, пошелъ прямо въ станъ Норманновъ, переобразовавъ себя скомо-рохомъ. Будучи шамъ, пѣлъ онъ, играя припомъ на люшнѣ, древнія пѣсни славнѣйшихъ богашырей спаринныхъ; а Норманны слушали его напрошивъ шого со вниманіемъ, препроводя даже онаго къ самой спавкѣ ихъ предводителя. Король пробывъ цѣлыя двои сушки въ непріятельскомъ стану, узналъ между шѣмъ все положеніе войска ихъ, видя величайшую во всемъ безопасность Норманнъ и сущее презрѣніе оныхъ къ поражаемымъ ими споль часто Саксонцамъ. Чего ради, чрезъ вѣрныхъ посланныхъ отъ себя, вызвалъ онъ немѣдленно изъ Графствъ Вильпскаго, Генпскаго и Соммерсепскаго разсѣянныхъ своихъ Саксонъ; собралъ ихъ въ одно мѣсто въ лѣсу Селлвоодскомъ, и при мѣспечкѣ Эгбрижспонѣ принелъ надъ ними полное начальство. Въ семъ мѣспѣ предсталъ онъ предъ всѣми въ Королевскомъ его одѣяннѣи и въ полномъ сѣяннѣи непобѣдимаго вождя, ведущего ихъ со знаками преисполненной надежды прошивъ общаго всѣхъ непріятеля, говоря имъ припомъ приличную речъ къ шому случаю, чрезъ которую возбудилъ онъ каждого изъ нихъ

В а

къ

къ мужественному нападенію на враговъ своихъ.

„Предъ вами предлежишь нынѣ, говорилъ Король между прочимъ, наступающій выборъ, допускашь погубляшь себя варварами, или пресѣчь единожды всѣ несчастіи. Ипакъ, намбрены ли вы долге подвергашъ женъ вашихъ добычѣ ихъ, дѣшей вашихъ поработашъ неволѣ, и все опечесство покоряшь подъ бремя наипягчайшаго ига, или желаете опасностію одинаго шокмо дня, нѣсколькихъ часовъ даже, освободить всю опчизну вашу, дѣшей своихъ, женъ и самихъ себя наконецъ? Не спрашишь впрошчемъ, возлюбленные мои соповарищи, продолжалъ говорить *Алфредъ*, воинской бодрости и дѣйствія искусства непріятелей вашихъ, я самъ видѣлъ ихъ, видѣлъ оныхъ въ самой близи, они не пріуготовлены нимало къ оборонѣ, не ожидаютъ вовсе къ себѣ непріятеля, и гошovy къ совершенному своему пораженію, увѣряю васъ: вашъ мечъ вонзился въ сердца ихъ прежде, нежели безопасные сіи воздвигнутся еще отъ сна, обременяющаго сильно ихъ чувствы.,,

Все Саксонское войско сомкнуло шокчасъ щипы свои по окончаніи речи сей,

сей, и всеобщее восклицаніе дасязало до небесъ даже при семъ случаѣ. *Алфредъ*, не допуская между шѣмъ ошпынуть жару сему, слѣдовалъ всю ночь неушомимымъ образомъ съ своими войсками къ *Норманнскому* стану, и при слабомъ еще сіяніи наспушающаго свѣта, когда огни непріятелей погасли лишь только, и большая часть изъ оныхъ погружены были еще въ пріятномъ снѣ, испунилъ онъ со всѣми силами въ незагражденный ничемъ ихъ лагерь.

Въ самое то время напалъ и *Одунъ*(*) съ другой стороны съ засадою своею изъ крѣпости, кошорый совершеннымъ во всемъ недоспашкомъ и самымъ опчаяніемъ даже воспалилъ былъ къ презрѣнію всякой опасности. Жестоко-сердые *Норманны* побиты были безъ наимаалѣйшаго сопрошивленія; вышитое изображеніе ворона на большемъ знамѣ *Скандинавлянъ*, работа сесперъ *Губбинныхъ*, опъ волшебнаго искусства коихъ,

В 3

по

(*) *Спельманъ* упоминаетъ вмѣсто сей баталіи о двухъ разныхъ сраженіяхъ, изъ коихъ на первомъ *Одунъ* одинъ одержалъ яко бы побѣду, завладѣвъ и большимъ знаменемъ *Норманновъ*, а на другомъ *Алфредъ* побилъ будшо бы разбойниковъ сихъ на голову, принудивъ оныхъ вскорѣ потомъ къ здачѣ.

по суетвѣрїю Норманнѣ, зависѣла будто бы всегда побѣда оныхъ, доспалось въ руки *Алфреда* при семъ случаѣ: не многіе изъ нихъ успѣли уйти на свои суда, большая часть побѣжденнаго войска ушвердилась было крѣпко на мѣстѣ; но на малое лишъ весьма время отшвращала она совершенное свое паденіе.

Алфредъ не преминулъ окружить потчасъ побѣжденныхъ швердою заградю побѣдоносныхъ своихъ войскъ, и на послѣдующей попомъ недѣлѣ принудилъ, какъ недоспалокъ, шакъ и несносная спужа опчаенныхъ всякой надежды чужеземцевъ предашя Королю совершенно въ руки, въ соболѣзнованїи о родѣ человѣческомъ вообще коего, полагали они еще нѣкошорое для себя спасеніе. Ушѣшаемъ будучи шаковымъ уничиженїемъ спрашныхъ завоевашелей, предложилъ онъ имъ выгоднѣйшія условїи. *Гормундъ* одинъ изъ начальствовавшихъ надъ оными, избѣгшїй удачно смерти, и прїдесять знаменишѣйшихъ ихъ вишязей возпрїяли немѣдленно попомъ православную вѣру; *Алфредъ* далъ самъ при семъ случаѣ Сѣверному Князю имя *Адельстана*; онъ одѣлилъ всѣхъ своихъ новыхъ единовѣрцевъ бога-

богатыми дарами, а Гормундъ получилъ во владѣніе свое Остѣ - Саксонію и Норшумберландію.

Всѣ народы впрощемъ достигаютъ обыкновенно съ начала по степенямъ къ познанію истинны. Долго остаются они еще варварами, и желаніи ихъ обуздываются шокмо одною необходимостію; копорую у нихъ совершенно общею со звѣрьми неложно почестъ можно. Но упрення заря нравовъ и совершенное познаніе вещей начинаетъ восходить попомъ понемногу. Слабо увеличиваетъ свѣтъ, и полдень слѣдуетъ шамъ послѣ ноци вдругъ посредствомъ сумерекъ и охлаждающихъ упреннихъ часовъ. Алфредъ принудилъ Норманновъ къ принятію православной вѣры, попому что намѣреніе его было наипохвальнѣйшее; онъ часъ припомъ довести дикихъ завоевателей къ подражанію хранишь обѣщаны ихъ силою союза вѣры, и опкрышь имъ различные нуши шакже, избавишь наконецъ отъ злощасной для нихъ вѣчноспи; но достойный сей мужъ не могъ шого предвидѣшь, шакъ какъ и его по мірски мыслящіе дужовные не знали вовсе, что одно окропленіе водою не дѣлаетъ никого истиннымъ христіяниномъ, что страхъ и

мечь побѣдителя не служащъ никакъ къ искреннему признанію какихъ либо доказательствъ достойными, и что безцѣнный даръ Святаго крещенія, яко знакъ воспріятія въ сообщество людей правовѣрующихъ, презрѣвъ бываетъ не рѣдко наигнуснѣйшимъ образомъ погда, когда оный преподаваемъ бываетъ властію тому, коего понятіи не носигають нимало истинны, и кошораго воля, не предана совершенно правиламъ благочестія Христіянскаго. Не только самъ *Гормундъ*, но ниже единый изъ его *Норманновъ* пребылъ непоколебимымъ въ вѣрности къ Королю Саксонскому, шакъ что всѣхъ ихъ принуждено было покоряшь паки новыми кровопролитнѣйшими завоеваніями. Между душоу веншвомъ Саксонскимъ не было ни единого, кошорой бы изобиловалъ усердіемъ и доспащочною премудростію, принадлежащими дарованіями къ истинному обращенію споль сильно въ похищеніи и пролитіи крови челоуѣческой ожесточенныхъ воиновъ.

Торжественное обращеніе въ Христіянскую вѣру спрашныхъ *Норманновъ* привлекало Саксонское дворянство сильно въ *Вадморъ* въ то самое время, когда *Алфредъ* приступалъ между шѣмъ къ олшарю, и произносилъ имя,
кое

кое Гормундъ какъ Христїянинъ носить на себѣ долженствовалъ впредь, уговаривая припомъ новообращавшегося бытъ непоколебимымъ въ вѣрѣ, кою оный принималъ тогда на себя.

Между тѣмъ однакожъ, не выпускалъ Король Саксонскій ни на часъ изъ мыслей своихъ и пользу народа его; онъ предложилъ законы, кои Гормундъ своеручно подписать принужденъ былъ тогда, и кои Норманнамъ, яко имѣвшимъ поселишся въ Остѣ-Саксоніи и Нортумберландіи, впредь совершеннымъ правиломъ служить были должны.

Гормундъ отправился попомъ немѣдленно въ назначенные для него предѣлы; а Норманны, нехотѣвшіе принять законъ Христїянскій, переѣхали во Францію, и начели опустошать тамъ худо защищаемыя провинціи, спрашась впролчемъ покусишся паки всупить въ брань съ Саксонами, ошъ слѣдствія коей ничего не обѣщали они полезнаго себѣ впредь.

Напрошивъ того Алфредъ продолжалъ безпрестанно производить въ дѣйство свои стараніи о благополучіи его подданныхъ; онъ старался учредить въ Государствѣ своемъ морскую силу, чрезъ чтобъ могъ онъ свободно удерживать

живашь поспороннихъ разбойниковъ ошъ продолженія ихъ набѣговъ; понеже не безвизвѣсно ему было, что каждая приспань на Сѣверѣ нагружала суда охопниками къ добычѣ, кои все почипали своимъ собшвеннымъ, что не въ силахъ было шолько прошивишя ихъ оружію. Онъ одержалъ въ послѣдующемъ году уже славную побѣду надъ нѣкоторымъ съ Сѣвера прибывшимъ великимъ флотомъ, захопилъ много кораблей изъ онаго, и принудилъ оспальные бѣжашь къ чужимъ берегамъ, гдѣ слабые преемники Карловингскаго преспола обладали имъ безъ силы и всякой славы, оспавая подданныхъ своихъ поспороннимъ въ добычу; но другое войско прибыло между шѣмъ съ самыхъ шѣхъ же береговъ въ ближайшую рѣку Тгемзу, и осадило городъ Рочесгеръ: однако ошпорожный всегда *Алфредъ* успѣлъ скоро и сему мѣстцу на помощь; Норманны предались бѣгству, не смѣя всшупишь съ нимъ въ сраженіе, и вся добыча оныхъ досшлась пошомъ на раздѣлъ Саксонамъ. Другая ѳскадра нашла между шѣмъ на *Алфреда* въ успѣ рѣки Сшурь, захопила часть судовъ онаго, и принудила оспальныхъ съ собою къ согласію, кое однакожъ вѣроломные паки нарушили,

шили, сколь скоро страшное Королевское присудствіе не спало только удерживать ихъ отъ того болѣе.

Между тѣмъ, *Алфредъ* занявъ былъ построениемъ и укрѣплениемъ надлежащимъ образомъ раззореннаго Лондона, коему одному пространный городъ сей обязанъ былъ совершенно воздвиженіемъ своимъ паки изъ его развалинъ, такъ какъ и другіе многіе города, укрѣпленные симъ премудрымъ Государемъ, копорый предвидѣлъ то довольно, что съ Сѣвера прѣвзжающіе грабишели не могли защищаемыхъ башнями и стѣнами его подданныхъ, какъ дѣлывали они обыкновенно въ отверстныхъ селеніяхъ, разорявъ въ конецъ прежде, покуда не придетъ къ онымъ войско его на помощь; но важнѣе и того еще попеченіе занимало сильно безпокойныя мысли Короля Аглинскаго.

Ужаснѣйшая буря предшояла впереди еще, кою благоразуміе *Алфредово* опшрашило однакожъ заблаговременно. *Арулфъ*, соединя всю силу Государства своего съ Франками, принудилъ Норманнъ наконецъ оставить его владѣніе, по шщепномъ осажденіи оныхъ Парижа, многолюднѣйшаго острова. Триста судовъ нагруженныхъ сими храбрыми разбойниками напали на городъ
Дпле-

Апледорѣ при гавани рѣки, и укрѣпили себя попомѣ въ мѣстечкѣ Беамфлеашѣ. Многіе изъ Скандинавлянъ, клявшихся непоколебимою вѣрностію *Алфреду*, принявъ оружіе при семъ случаѣ, соединились для добычи съ сими пришельцами; но *Алфредъ* не преминулъ поспѣшить на помощьъ прищѣсеннымъ тогда Оспѣ-Саксонамъ, съ коимъ присоединились также и граждане населеннаго тогда вновь города Лондона. Укрѣпленіи Беамфлеаша были взяты вскорѣ присшупомъ, *Гастингова*, Сѣверныхъ войскъ полководца, супруга и дѣти доспались со всею похищенною ими добычею въ руки Саксонамъ; но *Алфредъ* не пресупилъ и тогда врожденнаго своего великодушія: „Не съ женщинами воюю я, говорилъ добродѣтельный сей Монархъ.“, Осправивъ къ удивившемуся пому весьма *Гастингу* супругу его со всѣми женщинами Норманнскими обратню; однакожъ и сіе великодушіе не могло пронуть сердца варвара, онъ продолжалъ похищать и опусшашъ Англію ошъ самой рѣки Темзы до гористаго даже Королевства Валлискаго, укрѣпивъ себя вновь при Буншингшонѣ въ провинціи Стропѣ; а упомянутые Норманны, оспавивъ обнаженнымъ ошъ всѣхъ припасовъ замокъ,

по-

поспѣшали между шѣмѣ немѣдленно къ Тгемзѣ. Они приведя суда свои въ небольшую рѣчку Лѣю, въ то самое мѣсто, гдѣ она впадаетъ въ большую рѣчку Тгемзу, и обнеся оныя крѣпкими шанцами, ожидали неустрашимо тамъ прибытія неупомимаго въ трудахъ *Алфреда*, который, прибывъ туда попомъ вскорѣ, почелъ укрѣпленіи сіи неприступными вовсе съ начала; но обѣжавъ самъ весь непріятельскій станъ вокругъ, вздумалъ вдругъ то, что нѣкогда *Куръ* произвелъ въ дѣйство съ величайшимъ успѣхомъ, то, есть, приказалъ войску своему опвесити воду рѣки Лѣи. Ипакъ, всѣ суда Сѣверныхъ жителей очутились вдругъ на пещаной землѣ, низкая долина, по сторону лежавшая рѣки той, учинилась вскорѣ плодороднѣйшею жазвою, и опчаенные всякой надежды Скандинавы принуждены были оставишь топочасъ укрѣпленный ихъ лагерь: многихъ изъ нихъ изпребилъ мечъ Саксонскій при семъ случаѣ, а прочіе, нашедъ въ Оспѣ Саксоніи суда, покушались было врѣдись всячески Агличанамъ на открытомъ море; но и въ сей спихѣ превосходила силы ихъ премудрость *Алфредова*: онъ свѣдавъ, что суда Сѣверныхъ странъ, будучи весьма малы, снабдены

снабдены были припомѣ и не большимъ числомъ людей; чего ради, приказавъ построишь суда гораздо превосходнѣйшими въ величинѣ предѣ оными, ашаквалъ наконецъ ихъ съ многочисленнѣйшею силою. Малыя суда Норманновъ не въ силахъ были прошивоспояшь великой силѣ военныхъ кораблей Саксонскихъ, многія изъ нихъ были захоплены, другія захвачены въ полонъ; а спасшися онъ шого и другаго несчастія принуждены были во всю жизнь *Алфреда* не приближашся болѣе къ берегамъ острова, надѣ коимъ пребывала неусыпною безпреспанно непоколебимая премудрость онаго.

Огорченный употребленіемъ во зло споль часто великодушія своего *Алфредъ*, возспановилъ шогда надѣ Нортумберландіею и Остѣ-Саксоніею двухъ Саксонскихъ Графовъ начальниками, ошнравъ чрезъ шо у Сѣверныхъ жипелей всю несшь уничтоженіемъ власпи ушвердившихся въ Англій Скандинавлянъ. Князья Валлискіе, коихъ великій *Эгбертъ* не могъ покоришь никогда, предались шогда сами добровольно въ руки Саксонскому Королю, и некали уничиженнымъ образомъ его покровишельства. Ишакъ, учинился онъ съ сего времени всеобщимъ Государемъ полуденной

денной части Брипаніи, кошорая долго послѣ того еще все Англіею имяновалась, и владычество его было совершенно безпредѣльнымъ, пошому что оно основывалось на единомъ шокмо почшеніи и любви.

Такимъ образомъ, распроспранилась *Алфредова* слава и по сую спорону моря. Будучи непобѣдимымъ въ войнѣ, великодушнымъ прошивъ побѣжденныхъ и сущимъ опцемъ подданныхъ своихъ, служилъ онъ испиннымъ удивленіемъ его времени. Ушедшіе изъ пришѣсеннаго своего опечесшва Соксоны и разсѣянные по всѣмъ спранамъ Европы, собрались цаки скоро всѣ подѣ покровѣ возлюбленнаго ихъ Государя. Норманны, владѣвшіе разными мѣспами оспрововѣ Брипанскихъ, покорились добровольно правосуднымъ его законамъ. Земля, оспававшаяся многія лѣша пустою и необработываемою, покрылась вдругъ повсюду богашою жашвою. Словомъ, миръ и изобиліе прошекали вездѣ по обнищавшимъ спранамъ Государшва.

Годвинъ, уроженецъ дворяншва Саксонскаго, будучи изъ давныхъ еще времянъ въ цвѣшущемъ его возрастѣ похищенъ нѣкошорымъ сб Сѣвера морскимъ разбойникомъ, находился долго въ Скандинавіи; но чрезъ непоколебимую
вѣрность

вѣрность и безпримѣрную свою храбрость, приобрѣтя милость его начальника, получилъ наконецъ совершенную себѣ свободу въ то время, когда Норманны преспали чинить нападеніи на Англію. Воспользовавшись шѣмъ, прибылъ онъ, пробѣжавъ между шѣмъ многіе острова, въ Винчестеръ, и предсшавленъ былъ Королю немѣдленно.

Жалосплавый Государь слушалъ со вниманіемъ повѣсть нещастія припѣсненнаго сильно благороднаго Саксонца во время онаго рабства; и Годвинъ заключилъ речь свою наконецъ истиннымъ свидѣпельствомъ, приписываемымъ имъ единственно премудрости Государя своего. „Моя свобода, говорилъ усердный рабъ сей, вдвое для меня пріятна тогда, когда нахожу я опечесство мое при шоль благополучной перемѣнѣ. Во время похищенія моего изъ онаго, большая часть городовъ Англіи находилась превращенною въ пепѣлъ: злощасные жители искали тогда съ величайшимъ желаніемъ сокровенныхъ уцеливъ въ горахъ, непроходимыхъ оврагахъ и темныхъ пещерахъ, служащихъ обилалищемъ различнымъ звѣрямъ, гдѣбъ шолько сокрылся имъ можно было опъ жестокой ярости побѣдоносныхъ ихъ злодѣвъ.

Пустыя

Пустыя поля оставлены были на произволъ дикому шерню; украшеніе садовъ было неизвѣстно болѣе вовсе; нигдѣ невидно спало слѣдовъ ушѣшающей жапвы; спрахъ и опчаеніе владычеспвовали на унылыхъ лицахъ скрывающихся повсюду жишелей; учебныя мѣспа, гдѣ и мнѣ преподаваемо было нѣкогда въ различныхъ наукахъ насшавленіе, покрышы были пепломъ; руки художеспвѣ пребывали неподвижными; и исполкованіе премудроспи нигдѣ не было приемлемо уже: самое всевысочайшее Сущеспво должны были злощаспныя сіи обожашъ шайнымъ образомъ, пошому чшо яроспъ невѣрныхъ преслѣдовала съ алчною ненавистпю всѣ увѣщаніи служишелей Божіихъ; шакъ чшо забывали мы даже и самое ушѣшеніе, кое бы въ споль спрашпныхъ бѣдспвіяхъ могло возспановишъ насъ можешъ бышъ нѣкошорымъ образомъ.,

„Но несравненна разность нынѣшняго соспоянія Англїи съ прежнимъ: города воздвигнушы изъ ихъ развалинъ съ сугубымъ великолѣпїемъ; мѣспа спеченія православныхъ Хреспіянъ приняли прежнее паки доспoinспво, заслуживаемое поиспиннѣ службою Божіею; всѣ училища наполнены спали людьми

Часть III.

Г

уче-

учеными, и юношество въ Государствѣхъ наславляется въ премудрости и добродѣтели; нивы, покрывающѣ плоды изобильныхъ сѣмянъ; гласъ радостнаго земледѣльца оживошворяетъ всю его работу, и распускаетъ восхищающее ухо при собираніи даровъ земныхъ; непроходимыя болоты учинились наипряшнѣйшими долинами; и сіе обиталище опочающаго покрыто нынѣ многочисленными стадами, кои шрудолобиваго земледѣльца питающъ своимъ неизреченнымъ изобиліемъ.,

„Напрошивъ того, прежніе завоеватели Саксоновъ живущъ и понынѣ еще въ пещерахъ между намешанныхъ кучъ необсѣченныхъ камней; поля ихъ лежатъ пусыми, и земля, кою обрабатывающъ дѣлаясь они, лишаетъ ихъ даровъ своихъ; оныхъ великому нерадѣнію не осмѣется инаго средства, какъ шокмо икупать кровію своею для себя пропитаніе, кое раченіе оныхъ не въ силахъ вовсе приобрѣщать себѣ.,

„Кшождъ содѣлалъ различіе сіе между Англіею и оными, и кшо утвердилъ различные предѣлы сіи между ею и Скандинавіею? конечно *Алфредъ*, *Алфредъ* самъ причиною всему тому; онъ одинъ переобразовалъ всю землю, и учинилъ глухую пусыню настоящимъ вершоградомъ

градомъ всемъ безвизвѣстїа избыточешвующимъ.,,

Сколь ни скромень былъ *Алфредъ* впрошчемъ, однакожъ не могъ удержашся онъ ошъ искреннѣйшаго удовольствїа, ощущаемаго имъ сильно при семъ случаѣ ошъ возбужденїа правоучительной сей испинны. Скрышно восхищалось тогда сердце его, и онъ обнадеживалъ себя всячески, пецись еще вяще о благополучїи Саксоновъ, своихъ подданныхъ.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА II.

Въ шеченіе цблыхъ шидесяти лѣтъ рѣдко выпускалъ между шбмъ *Алфредъ* оружіе изъ рукъ своихъ, общая мало помалу нѣчто къ его завоеваніямъ, покуда наконецъ не покорилъ онъ всей Англїи подъ свою державу, ошвращая безпреспанно набѣги чужеземцевъ на спраны оной, и приобрѣшя чрезъ шо совершенную власшь на море: на большихъ изъ пяшидесяти двухъ происходившихъ главныхъ сраженіяхъ, одержалъ онъ верьхъ и побѣду надъ его непріашелями, въ чемъ единшвенно онъ собшвенному своему распоряженію былъ обязанъ, достигнувъ наконецъ совершенно до желаннаго намѣренія, и искупя непрерывный миръ продолжштельнѣйшими шудами и проліянною въ многочисленномъ количествѣ источникѣ благороднѣйшей крови его вѣрноподанныхъ. Ишакъ, по преодоленіи всего шого желаемымъ образомъ, ошдохнувъ *Алфредъ* нѣ-
сколько

сколько отъ всего безпокойствія, понесеннаго имъ въ жизни своей, началъ паки прудиться о внушреннемъ поправленіи Государства его, такъ какъ и о доставленіи оному надлежащаго спокойствія.

Но безпримѣрною поистиннѣ дѣлаетъ славу *Алфреда* то, что онъ ни чрезъ какія побѣды не допустилъ себя прельстись ни мало, любить и почитать войну. Весьма часто видалъ великодушный сей Государь увядавшимъ скоро славнѣйшій лавровый цвѣтъ лучшей крови воюющихъ; совершенно зналъ онъ, говорю, сколь великое зло производитъ война въ тысящахъ тысящей; какимъ образомъ пожищаетъ она въ настоящемъ цвѣту лѣтъ бодрыхъ юношей всю надежду опечесства, и какъ прощѣе получали въ награду великихъ дѣлъ, учиненныхъ ими, горчайшую еще предъ сими участь, помясь безпреспанно подъ несноснымъ игомъ мучительнѣйшаго спрданія и непрекращающейся никогда хвороспи; ему извѣстно было, сколь испребляло неугасяемое пламя все имущество цѣлыхъ милліоновъ людей, и сколь всеобщая нищета и гладъ въ препровожденіи оной, а испребляющая зараза въ послѣдствіи, посѣщали къ неизбѣжи-

мой погибели народовъ. Чего ради, никогда не начиналъ *Алфредъ*, *Алфредъ* премудрый, нападашь самъ на своихъ непріятелей; всѣ его походы были ничто иное, какъ шокмо однѣ отраженіи коварныхъ нападеній; невинность подобныхъ насилій могла одна подвигнуть челоуколюбивое онаго сердце посвящать кровь его соотчичей общесшвенной пользѣ.

Но онъ нашелъ и во время мира раздробленнымъ на многія часши Государство свое, въ коемъ сила меча владычешствовала единешвенно многія лѣта, и законы не защищали уже никого вовсе; гдѣ слабая невинность должна была сносить все; и гдѣ спяжаніе гражданъ споль же мало, какъ и самая жизнь оныхъ, были не безобасны. Для извлеченіяжъ изъ сего Лабиринеа своего народа, учинилъ глубокомыслящій Государь сей извѣсшными себѣ законы просвѣщеннѣйшихъ народовъ, какъ по, въ началѣ Еврейскіе, происпекавшіе отъ самой всевысочайшей Премудрости, а попомъ Греческіе, Римскіе, Данскіе и наконецъ Саксонскіе. Онъ почишалъ законы сіи сущею для себя работою, сошворенною для него единешвенно разумнѣйшими мужьями, выискивая изъ нихъ по шолько, что находилъ онъ

онъ способнымъ и полезнымъ для своего народа.

Государь сей родился впрощемъ въ самое время совершеннаго невѣжества, въ такомъ шлобшійи, когда Западныя спраны позабыли вовсе языкъ и науки древнихъ Римлянъ, когда Карлъ великій принужденъ былъ заимствовать въ швореніяхъ премудрости Аравійскаго Аарона, когда суевѣрїе пребовало помѣшпшь себя на прешлобъ благочеспія, и дужовный санъ искалъ всемірнаго владычеспвованія. Самъ Король воспианъ былъ въ шаковыхъ предразсужденіяхъ: ибо, большая часпъ изъ его приближенныхъ и учпшелей были однѣ шолько дужовныя люди. Сверхъ же шого и обычаи Саксоновъ учинились ему нешолько привычкою, но и самымъ правиломъ даже. Ипакъ, Алфредъ, хошя и былъ премудрымъ законодавцемъ, но изъ неминуемыхъ недоспашковъ времени онаго, происпкали многія еще несовершенспва, прошивъ коихъ никакія человѣческія дарованіи не могли защишпшь его.

При всемъ шомъ однакожъ, сколь ни преданъ онъ былъ Римскому Епископу (*), подъ присмотромъ коего

Г 4

пре-

(*) Подъ симъ разумѣтся глава всего духовенства, шо есть, Папа.

препроводилъ онъ большую часть его перьвыхъ лѣтъ юности, но не забылъ *Алфредъ*, что онъ былъ самъ Государемъ, и что вся власть въ Государствѣ его поручена была ему отъ верховнаго Властелина всѣхъ властей земныхъ. Чего ради, покорилъ онъ все духовенство самымъ строгимъ же законамъ, кои предписаны имъ были и прочимъ его подданнымъ, не осмѣивалъ Епископамъ ни малѣйшей власти въ мѣстахъ судебныхъ, и наказывалъ пресшупниковъ въ духовенствѣ, не испрашивая согласія въ наказаніи оныхъ изъ Рима, такъ какъ сильный его правнукъ *Плантагенетъ* перьвый дѣлалъ по принужденію бывалъ нѣкогда.

Итакъ, законы *Алфредовы* учинились совершенно законами *Эдуарда* и истиннымъ источникомъ всего Англинскаго права, въ коемъ вольный и непобѣдимый при томъ народъ полагаетъ перьвѣйшее свое преимущество. Онъ былъ перьвый, который пославилъ каждому гражданину другихъ подобныхъ ему во всемъ судіями; обвиняемые не могли ожидать отъ того никакой несправедливости, коего судіями могли они учиниться послѣ паки, и коихъ безопасность основывалась на самой той же справедливости, кою бы они

они сами оставили ихъ сотоварищу. *Алфредъ* учредилъ также, чшобъ каждой благородной судимъ былъ всегда двенадцашью шакимижъ благородными; а къ прослоюдинамъ опредѣлилъ одинадцашъ человѣкъ гражданъ подъ начальствомъ одного благородной крови мужа, шакъ чшо и понынѣ еще пребываетъ право сіе въ полномъ употребленіи въ Англїи, жопя ни одинъ народъ не принялъ за благо сіе равенство судей съ обвиняемымъ; да и дѣйствительно имѣли причину обвиняемые опасатся, какъ ошъ незнанія судей ихъ вопервыхъ, шакъ и ошъ упрямства единого между оными, а пришомъ и ошъ коварства неправосуднаго Государя, шогожъ самаго, чшо въ другихъ спранахъ происходитъ ошъ коловратно шолкующихъ судей. Сей образъ сужденія прешупникамъ предписалъ *Алфредъ* какъ своимъ Саксонамъ, шакъ и Норманнамъ вкупѣ.

Не менѣе всѣхъ прошчихъ законовъ вольныхъ народовъ, на Сѣверѣ живущихъ, были и опредѣленіи въ наказаніи по обшпояшельствамъ прешупленія учреждены *Алфредомъ* весьма умѣренны. Весьма не многія изъ нихъ простирались до пролишя крови

человѣческой. Возмущеніе, измѣна прошивъ Государя и нарушеніе всеобщаго покоя, подвержены были шокмо однѣ лишенію живоша, да и шо можно было, по древнему обычаю Нѣмецкихъ народовъ искупашь возложеннымъ за шо вѣсомъ злаша. Прелюбодѣяніе, учиненное съ замуженю женою, какъ прошивное всеобщему благососпоянію пресшупленіе, заслуживало по каждаго предразсужденію шягчайшее наказаніе предъ прошчими съ нимъ сходными, пошому чшо оное, полагалъ *Алфредъ*, разрывало священнй союзъ общества, и разлучало пришомъ шѣхъ другъ съ другомъ, коихъ соединеніе ешь шѣснѣйшее и нужнѣйшее къ надеждѣ всего пошомства. Духовная особа, обличенная во лже свидѣшельствѣ, вѣ омоченіи рукъ кровію невинности и вѣ пресшупленіи предѣловъ цѣломудрїя, жошя и наказывана бывала Епископами, шо при всемъ шомъ долженъ былъ шаковой пресшупникъ предшашь и предъ гражданскій судъ, заплашивъ Государю за вину свою предписанное за шо взысканіе.

Тѣ, кои подпадали подозрѣнію вѣ какомъ либо пресшупленіи, должны были для общей безопасности сыскивашь себѣ порукъ, или допускашь взяшь себя

себя подѣспражу; но какѣ Норманны наполнили весь островъ столь многими примѣрами явныхъ насилій, что грабительство и опустошеніе чужаго имѣнія наглымъ образомъ, были уже всеобщимъ повсюду порокомъ, то и сію опасность зналъ *Алфредъ* истребить до основанія; упопребленноежъ имѣніе къ тому средство, не извѣстно было и самымъ просвѣщенѣйшимъ народамъ вовсе. Въ началѣ раздѣлилъ онъ все Государство на различныя Графства, изъ коихъ каждаго предѣлы были означены и утверждены припомѣ. Каждое Графство раздѣлено было попомѣ на сотни, кои ошъ воспріятія оружія имѣли и свое имя (*), и каждая шакъ-вая сотня состояла изъ десяти начальниковъ семей. Каждой десятокъ обязанъ былъ ручаться за всѣхъ, принадлежавшихъ къ оному, а припомѣ и за всѣ пропчіе десятки вообще, шакъ какъ всѣ напротивъ того должны были дѣлать то за каждой особо, съ шаквымъ припомѣ обязательствомъ, чтобъ каждой обвиняемой не могъ предпринять чего въ противность учрежденныхъ законовъ въ Государствѣ, и предсшавленъ бы былъ непремѣнно предъ судъ

(*) По Аглински называется то *Wearptake*.

судъ въ случаѣ, какъ скоро шокмо по-
шребованъ шуда будешъ ; но никшо
не пользовался болѣе защищеніемъ
правосудія шѣхъ , коихъ имяна впи-
саны были въ сіи десяшки. Кшожъ
не хотѣлъ подвергать себя симъ обя-
зательнымъ условіямъ , шотъ бывалъ
исключаемъ отъ охраненія Государ-
спвенныхъ законовъ , и могъ бытъ
не шолько пришѣсняемъ безъ всякаго
за шо наказанія , но лишенъ имѣнія
своего и самой жизни даже. Когда
кто изъ помянушихъ десяшкѣвъ впа-
далъ случалось въ подозрѣніе , по при-
чинѣ каковаго ниешъ преступленія ,
и сошварищи онаго оприщались дѣ-
лашь за него въ шомъ поручительствѣ,
чшобъ оной явился самъ собою къ суду
шогда , когда дѣло до шого доидешъ ,
шо шаковой заключаемъ бывалъ немѣд-
ленно въ шюрму. Въ случаежъ побѣга
онаго , до взяшья его еще подъ спражу,
обязаны бывали не шокмо шотъ деся-
шѣкъ , въ коемъ онъ числился , но и
вся сошня за нерадѣніе въ шомъ пла-
тишь Королю ушановленную пеню.
Впрощемъ , могъ и избѣгать шакже
десяшѣкъ скрывшешогося отъ возложенія
на него сего наказанія , когда всѣ онаго
начальники доказашъ шолько могли еди-
ногласно , и подшвердишь шо кляшвою ,
что

что преступникъ шомъ учинилъ преступленіе по вовсе безъ ихъ вѣдома, и самъ попомъ скрылся; но сіе утвержденіе должно было подтверждено бышь и другихъ сосѣдственныхъ десятковъ свидѣтельницами; естлижъ не учинено бывало по прошими, по подпадалъ весь десятокъ проступившего подъ тяжкое изпязаніе; имѣніе бѣжавшего бывало обыкновенно отбираемо въ казну, и когда изъ онаго налогу сей не могъ составить всей суммы, по весь шомъ десятокъ, въ которомъ преступникъ находился, долженъ былъ непременно дополнить недоспашокъ собственнымъ своимъ иждивеніемъ; а припомъ и обязанъ бывалъ виновнаго представить суду, сколь скоро только узнаешъ о мѣстѣ его пребыванія.

Когда изъ постороннихъ нѣкто приспавалъ въ домъ къ кому внесшь изъ подданныхъ, по долженъ бывалъ почишаемъ шаковой бышь двое супокъ за гостя, и преступленіе его не относилось нимало въ вину хозяину, когда оной подтвердитъ только могъ клятвою, что онъ не имѣлъ прежде никакого свѣденія о его поступкахъ; Но будешъ посторонній сей проживалъ шрой сущки у кого въ домѣ, по хозяинъ

заяви́ онаго долженъ былъ отвѣчашь за него уже во всемъ, какъ бы за своего домашнего.

При всемъ помѣ однакожь, не осмѣлился еще *Алфредъ* предприняшь обуздашь нѣсколько по наследству пріобрѣтаемую власшь Графовъ, попому что оная довольно глубоко вкоренена была въ Государственномъ правленіи; но обезсилилъ вмѣсто того весьма власшь знатныхъ, опредѣля къ каждому Графству по особому Бургграфу, кошорого назначалъ самъ Король въ сіе достоинство, и кошорой при каждомъ Графствѣ означалъ бышь его надзирашеля, исправляя шужь самую должносшь, каковая поручаема бывала и посланникамъ у Карловинговъ. Подъонимъ назначилъ Король бышь судье, въ присудствіи коего въ судѣ каждого Графства всѣ дѣла до правосудія относящіяся должны были предлагаемы бышь, и сей самый судія имѣлъ право ограничивашь власшь какъ Бургграфа, такъ и Графа припомѣ.

Дѣйствіе учрежденій сихъ служило всѣмъ совершеннымъ чудомъ въ погдашнѣе время. За нѣсколько до того времени не смѣлъ никшо появившяся на большихъ пробѣжихъ дорогахъ, не будучи вооруженъ исправно; ибо, каждой
долженъ

долженъ бывалъ защищать самъ себя, пошому что законы не въ силахъ были охранять онаго; но вдругъ воцарилась во всемъ Государствѣ всеобщая безопасность. Пробъжій взиралъ безъ страха на мракъ ночи, покрывающей землю, пошому что его имѣніе и жизнь оставались безъ наималѣйшей опасности; и жопя Король повелѣвалъ нарочно вѣшать на дерева сдѣланныя изъ злапа различныя дорогія ушвари; однако стремленіе къ добычѣ не побуждало никого подвергать себя всей строгости законовъ, и служилели Царскіе приносили сокровища обратно во всякой цѣлости. Сполъ было премудро строгое милосердіе правосудія, бдящее безпрестанно за невинность и доказывающее ясно порочнымъ то, что всякая слабосъ, есшь совершенное шокмо дурачешво.

Послѣдующій за симъ шрудъ Алфредовъ состоялъ въ томъ, чтообъ учинишь всеобщую подробную опись всѣмъ деревнямъ и уѣздамъ цѣлаго Государства со всемъ ихъ имущешвомъ и доходами, шакъ какъ и съ возложенными на нихъ поборами. Сей неудобопоняшмый шрудъ приведенъ Королемъ къ концу въ самое обнаженное ошь наукъ сполѣшїе въ Винчестерѣ,
Виль-

Вильгельмъ, завоевателемъ прозванный, возобновилъ сію Государственную опись, и попомство наслаждается почти уже тысящу лѣтъ премудрымъ симъ трудомъ великаго *Алфреда*, который при тысящи случаевъ къ удобнѣйшему обложенію подати и прекращенію всякихъ тяжбъ съ величайшею пользою всегда служилъ можетъ.

На сей Государственной переписи и на раздѣленіи на Графства, сошны и десятки всего Государства, основывались всѣ суды, учрежденные *Алфредомъ* въ каждомъ Графствѣ, въ каждой сошнѣ и въ каждомъ десяткѣ; доскупъ правъ облегченъ былъ чрезъ по весьма каждому гражданину, и полная власть въ правосудіи ошнана была вовсе изъ рукъ несмысленныхъ, преданныхъ единственно военному оружію большихъ. Бургграфы и судьи имѣли первое начальство въ сихъ правосудственныхъ мѣстахъ правосудія, и каждый Саксонецъ долженъ былъ получать свѣденіе о правѣ предъ его десяточнымъ судомъ, а попомъ предъ судомъ сошненнымъ и Графскимъ.

Алфредъ, хотя и нашелъ впрошчемъ весьма не многихъ, кои въ производствѣ дѣлъ сихъ были искусными; но благоразуміе его знало однакожъ

ШВО-

хопя между двенадцатью сообщниками прое и найдены имъ были невинными въ шомъ дѣлѣ. Галею стоило по жизни, что пощадила онъ нѣкошораго знашнаго вельможу, кошорой опшнялъ силою земли у одного Саксонца, присовокупивъ оныя къ Государственнoй казнѣ. Другой судя долженъ былъ умереть, пошому что онъ заключилъ нѣкогого обвиняемаго въ шюрму, пресѣкши ему случай защищать себя въ показанномъ на него доносѣ. Оскителль поспрадалъ самъ за шо, что осудилъ на смерть нѣкогого подозрительнаго человѣка, кошорой подъ пышкою, учинилъ признаніе въ преступленіи, заслуживавшемъ непремѣнную смерть, кое впротчемъ никакими доказательствами не могло ушверждено бышь вовсе. Ибо довольно извѣстно было *Алфреду*, что ожесточенный духъ злодѣя часто презиралъ всю силу мученія, и издѣвался послѣ надъ самымъ правосудіемъ, кое не хотѣло осудить онаго къ досшойному наказанію, когда не обвинилъ онъ самъ себя въ чемъ либо; но напрошивъ шого человѣкъ слабаго сложенія, кошорой, не въ силахъ будучи перенести несноснаго мученія, охотнѣе оговорилъ самъ себя вознамѣрился во всемъ, и осудилъ себя шѣмъ

шѣмъ скорбе къ воспріятію смертно-
носнаго удара, нежели согласится прод-
линѣ нѣскольکو нестерпимыя спра-
даніи: понеже пристрастные допросы
служушъ часпо къ обоимъ симъ сред-
ствамъ, шо естъ, къ наказанію невин-
ности и совершенному освобожденію
преступленія.

Сущее въ помѣ удостоѣреніе,
что Король усмопритѣ послѣ наруше-
ніе въ правосудіи и самую невозмож-
ность приговора; а припомѣ и великій
страхъ, что оный не преминетѣ въз-
скивашъ строга за учиненный про-
шукъ, принуждали каждаго судію при-
дѣжашъ рачительнѣ какъ въ познаніи
правъ, такъ не менѣе и въ пребытій
непоколебимо вѣрнымъ предписаннымъ
ему законамъ. Они воображали себѣ
безпрещанно, что имъ должно было
производити судъ какъ будто бы въ
присудствіи самаго Государя. Ишакъ,
вмѣсто незнающихъ воиновъ начали
вскорѣ попомѣ заспуашъ. мѣста въ
правосудіи однѣ шокмо свѣдущія законы
Государства и порабощенныя наусерд-
нѣйшимъ образомъ должностнымъ сво-
имъ люди.

Самъ Король былъ наставникомъ
во всемъ народу своему, онъ зналъ вели-
кое свое искусство въ наукахъ и свое

знаніе въ стихотворствѣ, употребляя оныя надлежащимъ образомъ къ исправленію всѣхъ нравовъ его подданныхъ, такъ какъ и выражая припомъ съ пользою нравоученіе посредствомъ различныхъ примѣровъ, повѣстей и оспрыхъ выдумокъ. Ему извѣстно было, что пріятность стихотворства доставляла рачительнымъ подражателямъ добродѣтели свободно ко всему доступъ, и что смыслъ содержанія крапкихъ правилъ премудрости можно онымъ непремѣнно свободнѣе внушить въ память людямъ: понеже онъ самъ былъ не только прой и законодатель, но и великой пійтъ своего времени. Безпримѣрное уваженіе, оказываемое имъ всегда къ ученымъ и достойнымъ мужьямъ, учинило науки совершеннымъ предмѣтомъ всеобщаго почтенія и необходимостію усерднѣйшаго старанія въ его Государствѣ. Пономство имѣетъ предъ очами своими еще и понынѣ нѣкія древнія преданія, въ коихъ *Алфредъ* изображается наславляющимъ своихъ вельможъ истинной премудрости, открывающей прямый путь къ блаженной вѣчности. Вельможѣ, Епископу и судѣ предписалъ онъ каждому особо изъ сихъ званій свою должность, и открылъ настоящее вели-

величештво, основывающееся на исполненіи ими оной; а припомѣ, подшверждаешъ то и послѣднее его завѣщаніе юному Эдуарду, преемнику престола его, коего онъ призналъ за достойнаго Государя Государству Аглинскому.

Алфредъ испышалъ самъ надъ собою, что науки дѣлають насъ съ начала способными бытъ добрыми: ибо, кто проникаешъ внутреннюю пріятность добродѣтели, шощъ имѣешъ и склонность конечно любить оную; но опъ кого сокрыша сія прелестъ, яющъ ищешъ благополучія своего шокмо въ мысленныхъ его желаніяхъ. Книги премудрой древности изображають всѣ безъ извѣшя добродѣтель достойною почшенія, а пороки заслуживающимъ всеобщее презрѣніе: и опъ сихъ то самыхъ книгъ приемлетъ нечувствительна душа вкусъ къ безцѣнному добру, которой сильно вперяющъ онъ въ оную; понеже свѣшъ ничто иное естъ, какъ шокмо самое наивеличайшее пагубное училище, гдѣ весьма часшо превозноштся съ успѣхомъ пороки, и опмѣтаешся вовсе обличающая добродѣтель, презирающая весьма души, чрезъ кои шаспте возноштся допускаешъ себя. Въ преданіяхъ мудрецовъ изображаешся живо

Антонинъ; но во времена мрака, когда науки пребывали еще сокрытыми, исчезла совершенно вся истинная добродѣтель, все великодушіе и все человѣколюбіе. У самыхъ самовластныхъ властелиновъ даже рабскаго Кипая, бывающъ попомки дикихъ Скивовъ, чрезъ внутреннее ученіе древнихъ мудрецовъ и блестящіе примѣры добродѣтели, истинными попомцами чадъ своихъ, между самыми сими варварами, говорю, произошелъ великій *Ганчи* и достойный *Кіенлонгъ*.

Чрезъ долговременныя войны, опустошившія сильно Англію, истреблены были науки вовсе. Въ сіи злощасныя времена забыли шамъ люди все, что ни принадлежало шокмо оцущишельнымъ образомъ къ повседневному оныхъ содержанію. Не было ни единого во всемъ Государствѣ *Вестъ-Саксоновъ*, копорой бы зналъ перевести хотя смыслъ *Латинской* книги на свой природной языкъ, не смотря на то, что вся Божія служба *Саксонъ* основывалась на *Латинскомъ* письмѣ, стихахъ и проповѣданіи. Чего ради, *Алфредъ* долженъ былъ непременно искашь путей къ наученію народа своего по сую спорону моря. Въ *Ирландіи*, гораздо менѣе почишаемой тогда *Ирландіи*, нашель

шелъ онъ нѣкоего *Іоанна*, Гибернаца родомъ, копорой въ Аѳинахъ и въ Италіи препровождалъ многія лѣта жизни своей, копорой зналъ совершенно давно позабышой уже языкъ сѣранъ Воспочныхъ, и копорой *Карла*, по прозванію плешиваго, носилъ на себѣ величайшую милость и даже самую довѣренность онаго; шакого челоуѣка, сказашь можно, копорой разумѣлъ припомъ и шупишь весьма оспроумно, и коего собствєнные его ученики умершвили наконецъ, пошому что онъ обрашилъ ихъ на себя совершенную ненависть. Въ обишель Аѳелингскую призвавъ онъ изъ древней Саксоніи, яко наспоящего испочника народа своего, нѣкопороаго ученаго игумна, и *Ассеръ Монмуѳъ*, шакъ назывался оный, преданъ былъ споль къ своей должности, что Король не могъ удержашъ его при себѣ долѣе, какъ шокмо полгода времени, не смотря на шо, что поручилъ его пасству Епископшво Винчесперское.

Будучи оспроумнымъ и свѣдущимъ въ познаніи людей, могъ Государь сей познашь свободно въ пасушемъ спадо свиной юношѣ преизящныя дарованіи совершеннаго мужа, коего освободилъ онъ изъ сего низкаго сосшоянія, и копорый чрезъ

пріобрѣшенное имъ воспитаніе учинился наконецъ достойнымъ Епископомъ.

Причтенный же къ лику Праведныхъ *Недтъ*, былъ впрощемъ уроженцемъ изъ Корнваллиса; его безпримѣрное благочестіе, приобрѣло ему еще при жизни его всеобщее опъ всѣхъ почтеніе. Онъ самъ воспиталъ Короля, и носилъ всегда онаго на себѣ величайшую милость, шакъ что увѣщаніямъ и совѣщаніямъ сего имянишаго мужа приписываютъ многія великія предпріятія, произведенными *Алфредомъ* потомъ въ дѣйствіе.

Помощію ученыхъ и глубокомысленныхъ шаковыхъ мужей, довелъ *Алфредъ* мало помалу всеобщее просвѣщеніе народа въ лучшее состояніе. Онъ всступилъ на престолъ въ шакое время, когда ни единой Епископъ въ Англіи не разумѣлъ своего на Лашинскомъ языкѣ писаннаго молишвенника, и дожилъ потомъ до шого, что ни одинаго изъ нихъ не было болѣе въ шомъ Государствѣ, которой бы не зналъ разсуждать о вещахъ до Божества касающихся, сколько претовало шокмо достоинство его званія. Король облегчилъ весьма припомъ всему духовенству изученіе нужныхъ знаній,

при-

приказавъ перевести употребительнѣйшія книги на Саксонскій языкъ, трудясь между прочимъ и самъ надъ нѣкопорымъ сочиненіемъ, въ коемъ описаны были подробно должностнн, принадлежащія до Священнаго сана.

Но къ спасительному его намѣренію попребны были между шѣмъ непременно особыя училища: чего ради, распочилъ *Алфредъ* всѣ свои сокровища къ сему полезнѣйшему изъ всѣхъ его учрежденій: ибо, взрослые люди, зналъ онъ, сущь, наподобіе спарыхъ древесъ, весьма негибки, и не могушъ доведены бышь вовсе уже къ лучшему состоянію; но младость допускаешъ себя напрошивъ шого преклоняшъ ко всему, къ чему бы ни предприяло шокмо довести оное премудрое воспитаніе; чиснѣйшійжъ дужъ оной приемлешъ обыкновенно съ равною скоростію любовь добра и истинны, когда предоспавлено будешъ сіе при недоспашкѣ спрогосши не укропимымъ стремленіемъ различныхъ спрасшей.

Итакъ, изъ всѣхъ дѣлъ, учиненныхъ *Алфредомъ*, не превозношишь ни единое сполько Государшво его, какъ учрежденіе верьховнаго училища въ Оксфордъ: штысяща ученыхъ и штысяща учиселей истинны и добродѣ-

шли изображены въ полномъ сїяніи на семъ престолѣ музъ, похвальные подвиги коихъ имѣють неоспоримо начальныя свои корни въ *Алфредовомъ* смиренномудрїи и великодушїи, посвященные имъ плодороднымъ семянамъ добродѣтели и премудрости. По прошествїи многихъ сотъ лѣтъ ничего не было открыто въ Оксфордѣ полезнѣйшаго, никакая не доказана была спасительнѣйшая истина, и никакое душеполезное наставленїе не было преподаваемо, чрезъ кое бы слушатели могли бытъ побуждены къ своему исправленїю; словомъ, нима лѣйшая частица наукъ не объяснена была какимъ либо замысловатымъ сочиненїемъ безъ того, чтобъ *Алфредъ* не имѣлъ участїя въ содѣянномъ добрѣ своихъ подданныхъ.

Учрежденїе сего новаго вышняго училища, служило совершеннымъ подражанїемъ духовныхъ обителей, кои во времена *Алфреда* единыя были шокмо пристанища наукамъ. Король соорудилъ при большихъ зданїя, гдѣ восемдесять числомъ юношей опредѣленными онымъ доходами во всякое время должны были содержаны бытъ, и подчинилъ ихъ особливымъ законамъ, кои съ наукою и вѣрою вкупѣ служили пред-

предмѣшомъ въ подражаніи душеспасительныхъ упражненій пишомцамъ, наставляемымъ въ ономъ; такъ что училище сіе было всему попомству на послѣдокъ совершеннымъ примѣромъ; а благошворительные мужья и благоразумные Государи приумножили его послѣ еще большимъ числомъ различныхъ учрежденій, кое процвѣтаешъ даже и по среди самой владычествующей пагубы, особливожъ въ разсужденіи преизящныхъ наукъ, языковъ и Богословіи.

Цѣль порядка, коя преимущественно изображаешъ премудраго *Алфреда* предъ всѣми прочими Государями въ Англіи, распроспранялась на всѣ опросли Государственнаго правленія: онъ сдѣлавъ всѣхъ своихъ Саксонъ совершенными должниками ихъ ошечеству, не допуспя однако нимаго шерпешъ чрезъ шо земледѣлю или содержанію домощадцевъ. Всѣ жишели каждаго Графства были пришомъ исчислены и переписаны имъ; часть изъ оныхъ находилась въ городахъ и замкахъ, служба шамъ вмѣсто засады, изъ конжъ *Алфредъ* укрѣпилъ немалое число, дабы оныя каждой части Государства могли служить настоящею защитою; но прочіе граждане должны были пре-

пребывашь всегда въ готовности для всякихъ нечаянныхъ случаевъ, кои открывались весьма нерѣдко при неспокойномъ духѣ Скандинавлянъ. Одна половина оныхъ принуждена была немѣленно шуда слѣдовать, гдѣ нужда требовала того шокмо, а другая оспивалась всегда готовою для вспоможенія перьвой, и засшупала мѣсно шѣхъ, коихъ оканчивалось время службы. Такимъ образомъ наспавляемы были всѣ Саксоны въ упражненіи оружія, и *Алфреду* не было уже нужды болѣе вести съ смущеннымъ духомъ и прежнимъ опчаяніемъ зараженныхъ своихъ соопчичей, противъ неустрашимыхъ Норманнъ. Каждое Графство имѣло собственнаго у себя полководца, подъ присмотрѣ коему поручена была вся военная сила. Съ помощію врачевавшихъ послѣшно законовъ и безпрестаннаго упражненія въ военномъ искусствѣ приобрѣли Саксоны паки потеренную къ себѣ довѣренность, и шли съ неперѣблливостію уже прошивъ спрашныхъ Норманновъ, коя часно предводителами ихъ должна была даже обуздываема бышь. Сія великая перемѣна у злощасныхъ споль прежде впрошчемъ Саксоновъ, служила новымъ въ шомъ доказательствомъ,

что

что премудрый Государь могъ свободно все произвестъ въ дѣйство, попому что нравы народа его соспавляютъ настоящій звукъ въ рукахъ онаго, копорой онъ при всякихъ случаяхъ перемѣнять свободно можешъ.

Корабли его были по тогдашнему обычаю шокмо вѣсельныя суда; они построены были чрезмѣрной величины, и каждое шакое судно приводимо было въ настоящее движеніе сорокью вѣслами, вышина коихъ превосходила вдвое предъ судами Норманновъ, а воины, находившіеся на оныхъ, пуская съ преужасной высоты сей стрѣлы на своихъ непріятелей, превосходили совершенно во всемъ Норманнъ, коимъ никакая бодрость прошивостояшь не въ силахъ была. *Алфредъ* достигнулъ припомъ наконецъ и успѣха въ его сердечномъ желаніи; онъ привелъ въ настоящую безопасность Государство свое отъ Сѣверныхъ разбойниковъ, кои прежде, учиня столь много тысящей злощасными, были вовсе попомъ изгнаны, ужасаясь даже и береговъ шого Государства, кое охраняемо было сильною морскою силою. Но *Алфредъ* приобрѣлъ и шого еще болѣе, онъ, пошъ самый, копорый лишенъ былъ до шого всего владѣнія, достигъ

достигъ вскорѣ послѣ верховной власти и на море, яко природнаго преимущественства Государя Англичскаго, кое попомки его распространили попомбъ по всѣмъ морямъ, обшекавшимъ обѣ часши всего свѣта.

Наподобіе великихъ своихъ премниковъ въ правленіи, искалъ и Алфредъ также для подданныхъ своихъ новыхъ путей къ открытію полезныхъ и весьма нужныхъ упражненій; попеченіе, поиспіннѣ премудрѣе и достойнѣе гораздо, нежели единое шокмо великодушіе; попому что сіе пишашъ подданнаго нѣкопорое шокмо время; но оное приводитъ какъ его самаго, такъ и все его попомство даже, въ сосшояніе, промышляшъ всегда безъ заботы ихъ содержаніе.

Какъ всѣ художества вообще сопряжены между собою весьма шѣснымъ союзомъ, то и обязаны онѣ слѣдовательно подкрѣпляшъ другъ друга взаимно. Ибо, къ самому военному искусству пошребна штысяца другихъ различныхъ художествъ, производимыхъ обыкновенно въ мешалѣ, деревѣ, парусной работѣ и живописной наукѣ, помощію коей сосшавляется весь чершежъ ко всѣмъ пріугошовленіямъ въ оной; но во всѣхъ сихъ знаніяхъ недо-

недостаточною была тогда весьма Англія, пошому чшо въ продолженіе цблыхъ тридцати лѣтъ висѣлъ спрашннй мечъ жищныхъ Норманновъ надъ главою оной, и всѣ силы жителей ея сопряжены будучи взаимно, спремились къ единому шокмо предмѣшу, служащему къ опшращенію неминуемой погибели. Ишакъ, сіи по самыя художества воцарилъ паки *Алфредъ* по прежнему въ свое Государство.

Его безпримѣрная щедрота обѣщавала художникамъ достаточное для нихъ содержаніе, а величайшее онаго милосердіе приумножало во всѣхъ надежду пребыванія ихъ въ Государствѣ его. Изъ всѣхъ спранъ проспранной Германіи, Государства Франковъ, помятагося подъ игомъ жестокаго правленія зависливой Шопландіи, примирившегося съ *Алфредомъ* Валлиса и шщательныхъ къ шрудамъ Нидерландовъ, поспѣшали чрезвычайнымъ образомъ художники и рукѣсленники покорить себя зацщѣ знавшего награждать за услуги Государя, у коего никакой недоспойной немилоспи и никакого безвиннаго оприновенія опасатся вовсе не можно было. Почему наполнилась вся Англія въ корошкое время людьми искусными и знающими, кой сами для
Короля

Короля сего приводили различныя работы до настоящаго совершенства, доводя при томъ и Саксонское юношество до лучшихъ руководблй и равнаго себѣ во всемъ искусства.

При всемъ шомъ однакожъ, зналъ *Алфредъ* и то, что Государь, будучи сходнымъ съ прочими человекмъ, не въ силахъ былъ самъ собою, какъ постигать все, такъ и избирашь при всякихъ случаяхъ надежнѣйшіе пупи, ниже вымышляшь ко всѣмъ намбреніямъ удобнѣйшія средства. Чего ради, спрашивалъ онъ охотно у тѣхъ совѣта, коимъ свѣдомо было довольно предложенное дѣло, слушалъ съ перпбнѣемъ и великимъ вниманіемъ cadaго, копорой предлагалъ ему заключеніи своего знанія, сравнивалъ мысли различныхъ знашакоевъ, и могъ чрезъ то слѣдственнo свободно избирашь наилучшій изъ всѣхъ совѣтѣ, поступая безъ наималѣйшаго ошлагашельства по оному.

Въ его владѣніе получила Англія при настоящія присудствія, гдѣ всѣ дѣла исправляемы были въ наилучшемъ порядкѣ. Верховный Государственный совѣтъ рѣшилъ важнѣйшія дѣла, касавшіяся до Государства, управлялъ учрежденіемъ оныхъ, и исправлялъ недоспашки въ законахъ. Епископы,
Графы,

Графы, Бургграфы и судьи засѣдали въ семъ совѣтѣ, такъ какъ и шѣ, кои получали жалованныя вошчины отъ правленія въ награжденіе за военные свои подвиги, будучи обязаны посвящать себя пользѣ опечества ихъ.

Другой, болѣе власпи предъ вышеупомянутымъ имѣвшій судъ, имѣлъ попеченіе о дѣлахъ, кои требовали большаго сохраненія тайны и поспѣшнѣйшаго припомъ рѣшенія и исполненія; въ ономъ разсмапривано было и по также, что въ вышеозначенномъ мѣспѣ должно бывало изслѣдовано бытъ. Къ сему дѣлу употреблялъ *Алфредъ* обыкновенно Епископовъ, игумновъ и прочихъ духовныхъ, кои безпресанно пребывали около его особы, копорыхъ преизящныя качества ему довольно извѣсны были, и коихъ разумъ припомъ изоцренъ былъ различными науками. Ибо въ злощасное столѣтіе, въ кое царствовалъ *Алфредъ*, какъ благородные, такъ и самые Государи иногда, исключаемы были изъ числа упражнявшихся въ чпеніи полезныхъ книгъ, и оплучаемы даже отъ самаго изслѣдованія важнѣйшихъ дѣлъ въ Государствѣ, по причинѣ ихъ неучености. Весьма немногіе изъ нихъ разумѣли едва чашашъ шокмо,

Часть IIя.

Е

счи-

считая всѣ должности къ опечесиву до-
спашочно удовлетворенными уже тогда,
когда они мужеспвенно подвизались за
оное, и безбоязненно умирали припомѣ.

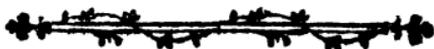
Не смотря однакожъ на то, не
жохѣлъ *Алфредъ* нимало лишашь себя
случая въ заимствованіи изъ каждой
спраны Государства и каждаго горо-
да испиннаго познанія о томѣ, что
принадлежало до исправленія его под-
данныхъ, или при упущеніи того ка-
кимъ либо образомъ могло бышь вред-
нымъ онымъ. Чего ради, учредилъ
онъ навсегда въ своей силѣ оспаю-
щимся особый законъ, дабы впредь еже-
годно весь верьховный Государственый
совѣтъ, Епископы и прочіе знатные
вельможи собирались два раза къ Ко-
ролю. Въ семъ многочисленномъ собра-
ніи разсуждаемо бывало вопервыхъ о
законахъ, кои однакожъ самъ Государь
преподавашь всегда имѣлъ власшь; по-
томъ разсмашриваны были шяжебныя
дѣла людей знатныхъ; а въ заключе-
ніе всего пеклись и о общеспвенномъ
благоденствіи Государства.

Но какъ *Алфредъ* довольное уже
имѣлъ въ тогдашнѣе время о всѣхъ
вещахъ понятіе, то не могъ онъ и
не ощущать того вовсе, сколь опасна
была сила Графовъ власши Королевской.

Они

Они достигали, зная онъ, гораздо близко къ предѣламъ оной, и возносили себя весьма предъ шакъ называвшимися Фанамми(*); въ разсужденіи чего, употреблялъ сей премудрый Государь различныя средства къ поколебанію преимущества Графовъ оныхъ. Всѣ дѣла большей важности требовалъ онъ для того обыкновенно предъ себя на разсмотрѣніе, къ чему причислялось также и душегубство: судьи его судили всякія насилія, происшедшія по дорогамъ, и разбирали разныхъ тяжбы гражданъ различныхъ Графствъ, не великой важности спойвшія. Частныя же дѣла, правосудія пребующія, препровождаемы бывали изъ суда каждаго десяшка въ судъ сотни, и помомъ предлагаемы были въ судъ Графства, гдѣ Графы, Епископы, Бургграфы, судьи и помянутые Фаны имѣли засѣданіе и голоса свои; но изъ сего мѣста переносимо бывало уже наконецъ и къ самому Королю для рѣшенія. Всѣмъ Графамъ предоспавлено было шамъ право преимущества, шакъ какъ и въ предводительствѣ войскомъ, а припомъ поручаема имъ бывала также и должность сообщать всѣмъ подданнымъ въ Государствѣ волю Государя ихъ.

(*) Проименованными въ послѣдствіи времени Баронами.

АЛФРЕДЪ.

К Н И Г А III.

Упавшее Государство было приведено такимъ образомъ паки въ надлежащій порядокъ. Военная сила, науки, художества и Государственныя учрежденія исправлены были въ ономъ попрежнему, такъ что *Алфредъ* могъ свободно уже помышлять попомъ о попеченіи украшеніемъ его, къ чему приугошовлены были имъ и всѣ нужныя распоряженія. Начальное его спараніе, кое припомъ и къ защищенію Государства относилось немало, состояло въ томъ, чшобъ воздвигнушь вновь сожженные и въ развалины превращенныя нѣсколько времени назадъ тому города и замки, изъ коихъ Лондонъ особливо обязанъ ему вшоричнымъ своимъ воспановленіемъ: ибо, изъ укрѣпленной окопами пристани Нормановъ сдѣланъ онъ былъ паки городомъ, и попомъ учинился уже мало помалу неизмѣримымъ въ свѣщѣ престоломъ правленія, купечества и различныхъ манифактуръ.

Городъ

Городъ Винчесперъ, будучи при Королѣ Эдельредѣ раззоренъ до подошвы, воздвигнушъ былъ также Алфредомъ объ вѣщимъ предъ прежнимъ его великолѣпїемъ и крѣпостїю; попомучно города Саксоновъ соспавляли съ начала однѣ покмо жижины, кои пылающимъ факеломъ разсѣянныхъ повсюду Скандинавлянъ могли свободно въ одинъ день всѣ превращены быть въ пепелъ; но Алфредъ обнесъ столицу Государства своего, кою соспавлялъ тогда городъ Винчесперъ, изсѣченными чешвероугольными плитами изъ дикаго камня.

Устья большихъ рѣкъ и берега морскїе укрѣпилъ Король новыми крѣпостями и окопами, гдѣ безпрестанно находились сильныя засады, и могли удерживать свободно первыя стремленїи нападенїя прїѣзжавшихъ грабителей столь долго, покуда прошче Саксоны, вооружа себя исправно, и собравшись вкупѣ, съ достапочною силою могли идти прошивъ сихъ хищниковъ. Сїе легкое средство, служащее къ удержанїю своевольства морскихъ разбойниковъ, презирали прежде Саксоны, и плашили слѣдовательно чрезъ шо самое за сїе нераденїе своею благороднѣйшею кровїю весьма дорого.

А какъ *Алфредъ* жилъ въ такое время, когда законъ естественный и науки возможно было найти покаяние между одними монахами, потому что оные одни считались тогда премудрыми, и почишаемы были за Святыя мужей, но и самъ Король сей даже не могъ избѣжать совершенно оубъ предразсужденія своего столѣтїя: его склонное къ благочестїю въры сердце соединило почтенїе, заслуживаемое Словомъ Божїимъ, съ подобостраспїемъ къ произносимымъ служителямъ Оное, и онъ преданъ былъ искренно духовнымъ, кои составляли его тайныхъ и ближайшихъ совѣтниковъ. По сей самой причинѣ соорудилъ онъ множество монастырей, и подѣлалъ убожища для тѣхъ, кои оплачаша предпринимали оубъ всѣхъ суешъ мѣрскихъ, и посвящаша хощѣли себя въ тишинѣ кельи здравому разсужденїю о вѣчности. Первымъ изъ построенныхъ имъ монастырей, былъ Аелинскїй, чемъ учинилъ онъ безсмертную память своему униженїю, кое претерпѣвать принужденъ онъ былъ въ семъ мѣстѣ, соорудя на самомъ болотѣ, сохранявшемъ жизнь его нѣкопорое время оубъ побѣдоносныхъ *Норманновъ*, на высокихъ столпахъ обитель сїю. Для

дщерей

дщерей благородныхъ людей, основалъ онъ въ Шафтсбурѣ особый храмъ, и построилъ въ Винчестерѣ пространное кладбище, какъ для самаго себя, такъ и прощихъ изъ своихъ преемниковъ, въ нѣкоторомъ вновь же сооруженномъ имъ монастырѣ.

Онъ опдалъ также Епископству Дургамскому и другимъ многимъ обителямъ прилежащія къ нимъ земли въ независимое ихъ владѣнiе; но сей подашливый Государь не могъ проникнуть того довольно, что онъ въ похвальнѣйшемъ его намѣренiи приуговорялъ всему духовенству сущій ядъ симъ несмѣшнымъ богатствомъ, какъ какимъ напишкомъ, кошорой упоилъ ихъ всѣ чувствуя, и чрезъ то самое вкоренилъ глубоко въ сердца корыстолюбивыхъ гордость и властолюбiе, сопряженныя со властiю.

Не забылъ онъ однакожъ при всемъ томъ и того, сколь ни былъ впрощемъ преданъ вѣрѣ, что Государю должно учинится непремѣннымъ наружное великолѣпiе, попому что народъ не по внушренной цѣлѣ сердецъ своихъ, но по знакамъ единственно силы и власти почиашъ обыкновенно своихъ повелителей. Въ слѣдствiе чего, приказалъ *Алфредъ* воздвигнуть паки

раззоренныя Королевскія чертоги избъ избъченныхъ камней, и украсилъ загородныя дома наилучшимъ образомъ, въ коихъ Государя искали иногда себѣ убѣжища отъ несноснаго бремя дѣлъ Государственныхъ.

Какъ общій шворецъ порядка, учредилъ онъ и собственное свое жилище на премудрѣйшихъ основаніяхъ: всѣ его прислужники раздѣлены были на три часши, избъ коихъ каждой исправляя свою должность принужденъ бывалъ чепыре мѣсяца въ году только, а остальные восемь бывалъ свободнымъ.

Добродѣшель его не заключала въ себѣ ничего спрогаго, а шѣмъ менѣе еще ошягощавшаго собою чѣмъ либо. Онъ любилъ спрасшно какъ орудіа, шакъ и самое дѣйствіе всѣхъ звукъ производящихъ художествъ, къ пріятному удовольствію коихъ почерпнулъ онъ вкусъ во время пребыванія своего въ Римѣ, и привлекъ шѣмъ самымъ искуснѣйшихъ мастеровъ и ушладяющее служъ журчаніе ко Двору своему: ибо зналъ онъ довольно, что земляныя орудіа приводящъ въ сильное изнеможеніе существо силъ челошѣческихъ, и безпрешанная работа оными бываетъ на-
конецъ

конецъ безплодную, производя припомъ во всемъ величайшія неустройства.

Будучи оиъ природы Саксонцемъ, преданъ онъ былъ совершенно во время своей младости различнымъ охотамъ и пищеловству: упреннее прожлажденіе, чистый воздухъ и различное пблдвиженіе, дбляли упражненіе сіе весьма полезнымъ; но *Алфредъ* зналъ и оное удовольствіе обращать къ общественной пользѣ. Онъ употреблялъ оружіе свое и при самой даже охотѣ противъ однихъ звѣрей, причиняющихъ величайшій вредъ, испребляя коихъ, защищалъ онъ чрезъ то подданныхъ своихъ отъ расточителей ихъ имущества, будучи самъ припомъ искуснѣйшимъ изъ всѣхъ Саксонцевъ въ сихъ упражненіяхъ.

Король сей не забывалъ также и соное великолѣпіе, служащее единственно къ прославленію величества Двора своего. Онъ первыиъ былъ изъ всѣхъ Государей Саксонскихъ, который приобрѣлъ довольное число художниковъ въ свою службу, знавшихъ искусно обрабатывать золото и драгоценныя каменя, коимъ приказалъ онъ между прочимъ къ совершенному щеславію именипбйшихъ торжествъ сдѣлать великолѣпную Королевскую корону. Въ

сихъ художествѣхъ былъ онъ не только самъ довольно свѣдущимъ, но и весьма способнымъ даже наславаясь въ шомъ другихъ.

Первому ему также изъ всѣхъ предмѣстниковъ его пришло на мысль о учрежденіи у себя нѣкопорого числа Кавалеровъ; понеже награжденіе за военные подвиги, состоитъ обыкновенно во власни единого Государя : оно не истощеваетъ его сокровищъ, и не можетъ никакъ учиниться налогомъ, наподобіе другихъ награжденій, кои сплошъ бѣдной оплачивають послѣ принужденъ бывають; но приносятъ приномъ удостоившемуся шого неменѣе благополучія, какъ злопо и сребро : оно служитъ, когда только сообщаемо бывають сходно съ учрежденіемъ своимъ, явнымъ свидѣтельствомъ уваженія Государя, на коемъ основывається почтеніе всего народа, и сославаяють чувствительнѣйшее удовольствіе, могущее желать токмо нѣжное сердце. Ипакъ, наградилъ *Алфредъ* перваго знакомъ достоинства кавалерскаго внука своего *Адельстана*, давъ ему при семъ случаѣ пурпуроваго цвѣща одежду, и препоясавъ онаго драгоценнымъ поясомъ, къ которому привѣшенъ былъ короткій мечъ Саксонскій въ позлащенномъ

номъ влагалище; а *Адельстанъ* съ стороны своей подтвердилъ совершенно собою всю надежду весьма проницательнаго своего дѣда, учинясь потомъ сильнымъ и многопочитаемымъ Государемъ въ Англіи.

Не смотря на то, что *Алфредъ* умѣлъ раздѣлять себя въ познаніи споль многихъ художествъ, принимая на себя споль величайшіе труды, оспавался онъ въ каждомъ изъ нихъ весьма великимъ. Съ трудомъ найши можно было одного челоука во многихъ тысячахъ людей, равныхъ его соспоянію, которой бы зналъ употреблять съ поликимъ искусствомъ душевныя свои дарованіи при споль многихъ и припомъ различныхъ упражненіяхъ, и всѣ слѣдствіи ясно предвидѣть еще сверхъ того. Изъ всѣхъ же сихъ предпріяшій его, не было ни единаго, кое бы не заключало въ себѣ искреннѣйшаго спремленія ко всеобщему благу народа онаго.

Но преимущественное попеченіе сердца сего Монарха, соспояло въ угожденіи особливо всемогущему Создателю шварей всѣхъ; такъ что никто безсомнѣнія не въ силахъ помрачить нисколько и въ наши, споль непосредныя времена впрошчемъ, безсмертной

славы

славы великаго *Алфреда*; понеже благочестивое Богопочипаніе его, по образу тогдашняго сполбштя, имбѣло въ себѣ нѣчто иноческое. Но всесильный Сердцевѣдецъ будетъ и щбмв доволенъ, когда человекъ въ жизни своей соотвѣшшво-вать въ силахъ тому соспоанію, въ кое воздвигнушъ онъ былъ всевысочайшею Премудростію: ибо, смбшенное плево не помрачишъ никакъ доброты прекраснаго зерна пшеницы предъ сильно проникающими Очами всевѣдущаго Существа.

Хотя въ самомъ премудромъ благочестіи Государя сего и оставался впрошчемъ примбшнымъ образъ того сполбштя; но *Алфредъ* былъ однакожъ гораздо благоразумнѣе многихъ изъ тѣхъ великодушныхъ Государей тогдашняго времени, кои, оставляя народу ихъ нужное свое правленіе, удалялись въ монашескія обители, дабы пецись токмо собспвенно о себѣ самихъ; пребывъ навсегда шрудолюбцвымъ и неушомимымъ къ пользѣ народа своего Государемъ.

Онъ раздблялъ съ вѣрою его все свое имбніе, а пришомъ и самое время даже. Изъ своихъ доходовъ, дбывалъ онъ обыкновенно двѣ равныя части, изъ коихъ одна была назначена для усерднаго

усерднаго подаянїя, и раздѣляема бывала паки по бѣднымъ, монаспырямъ и училищамъ; а другая, оставленная имъ для себя, была подобнымъ же образомъ опредѣляема по равнымъ частямъ для его придворныхъ, художниковъ и упражнявшихся въ различныхъ работахъ рукобсленниковъ, такъ какъ и постороннихъ, поселявшихся въ его Государствѣ людей. Собственное же содержаніе Королевское сославляли вмѣстѣ того казенныя земли, кои отдаваемы были природнымъ жителямъ на урочныя времена за нѣкопорыя токмо выручки, состоявшія въ различныхъ земляныхъ плодахъ и ловѣ различныхъ звѣрей, кои должны они были спавить обыкновенно ко Двору его.

Свое время, кое сославляетъ единственный предмѣтъ токмо здѣсь нашего намѣренїя, раздѣлялъ *Алфредъ* также пополамъ съ Богослуженїемъ; онъ присовокуплялъ къ оному справедливымъ образомъ иногда нѣкопорыя, достойныя вниманїя своего, примѣчанїи, кои почерпая онъ частїю изъ преданїй Святыхъ овецъ, или и изъ собственнаго своего понятїя сославляя, замѣчалъ и вписывалъ своеручно въ его памяшныя книги, изъ коихъ сославлялись наконецъ пространнѣйшія сочи-

сочиненіи , въ которыхъ упражнялся *Алфредъ* съ немалымъ удовольствіемъ. Раченіе его къ трудамъ, простиралось столь далеко, что, не жоя опняшь нисколько часовъ отъ опредѣленнаго имъ время для упражненія въ законѣ, принужденъ онъ былъ въ такомъ столѣтїи, когда не было еще никакого свѣденія о какихъ либо часахъ, употреблять удивительнѣйшее средство къ соразмѣру времени, по нарочно сдѣланымъ имъ для того изъ воска свѣшамъ, вѣся оныя, и раздѣляя ихъ по часамъ супокъ. Ему приписываютъ также сверхъ того изобрѣшеніе, кое жоя древнимъ народамъ и не безъ извѣстно было можеть бытъ, но во времена невѣжества истреблено въ конецъ, въ снабженіи сего выдуманнаго имъ средства въ раздѣленіи время прозрачнымъ рогомъ; понеже стѣкло не знаемо еще было тогда вовсе, на что учинилъ онъ будто бы нарочный обѣтъ по одержанной имъ побѣдѣ при *Асселѣ*.

Сверхъ того, весьма далеко простиралось усердное желаніе и попеченіе *Государя* сего въ томъ, дабы нѣки болѣзненные припадки, или какое безпреспанное терзаніе мыслей не могли удерживать его иногда отъ его предпріяшій, вдаваясь

воображаемымъ ушѣхамъ. Во время его юности, служило сіе желаніе совершеннымъ плодомъ спраха его въ огорченіи величества Божія, и было соблюдаемо имъ во всякой почности; цѣлыя двадцать пять лѣтъ спрадалъ онъ безпреспанно почти внутреннюю и вовсе неизвѣсною припомъ болью, копорая была и причиною безсомнѣнія скорвременному концу безцѣнной его жизни. Но возможно ли было сомнѣваться *Алфреду* о неисповѣдимой премудрости Того, у Коего испросилъ онъ себѣ даръ безпримѣрнаго во всемъ воздержанія? и не имѣлъ ли *Подашель* благъ всѣхъ непоспимаго умомъ смертныхъ изобилія въ другихъ средствѣхъ, кои бы не сокращая дней *Алфредовыхъ*, моглибъ учинить жизнь его бесполезною и шогда, когда болѣзнь не преодолевашъ все шепеніе человѣка?

Совершеннымъ плодомъ живѣйшаго чувствія долга въры, была непоколебимая его кропость, копорая посреди даже шоликихъ спрашныхъ браней, во время явнаго нарушенія кляшвы и самыхъ опышовъ гнуснаго вѣроломства, пребывала непремѣнною нерѣдко. Ничто не въ силахъ было преодлѣшь намѣренія онаго въ упущеніи

щеніи имѣ вины каждому, дабы и ему равнобѣрно платимо было тѣмъ же самымъ отъ прошчихъ : ибо, никогда не отрекался онъ отъ учиненія безпристрастнаго прощенія болѣе десяти разъ восплававшему прошивъ себя по наикровопролившійшей побѣдѣ врагу, и не допускалъ себя ни въ какое время до дѣйствія каковаго либо мщенія оному.

Во всю свою жизнь пребывалъ онъ вѣрнѣйшимъ и любезнѣйшимъ супругомъ, милосердымъ опцемъ и милостивымъ Государемъ уповавшихъ на него его подданныхъ. Чѣмъ болѣе принужденъ онъ бывалъ употреблять время на спасеніе своего народа и на неминуемыя брани съ его непріятелями, тѣмъ наче превосходили подвиги его во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ предъ прошчими, и тѣмъ вяще рождалось въ немъ при томъ съ начальными лѣтами его младости ревностное желаніе къ познанію различныхъ знаній. Уже на второмъ надешать году возрасша своего, когда еще не обученъ онъ былъ въ злополучныя времена грамоши, пѣнилъ его нѣкоторое сочиненіе споль сильно, что онъ не прежде успокойся могъ, покуда не научился читашъ оное свободно, и не достигъ до того, говорю,

по-

покамѣстѣ не могъ онѣ понимать содержаніе его совершенно.

Сколько впрочемъ ни грубо былъ еще тогда языкъ Саксонскій, однако во устахъ и на перѣ *Алфреда* почестся могъ оный при всемъ томъ красноречивымъ и весьма пріятнымъ; онѣ перевелъ на Саксонскій слогъ преданіи древней премудрости съ такою точностію и выраженіемъ, что никто изъ ученыхъ того времени не могъ съ нимъ сравниться въ томъ. Сіе упражненіе его относилось болѣе до законовъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, всеобщей гисторіи, обыкновенныхъ другъ съ другомъ взаимныхъ разговоровъ и различныхъ подобій и всѣхъ вообще дѣлъ до духовства касающихся: однимъ словомъ, все сіе собраніе откровенныхъ сочиненій переложилъ онѣ весьма исправно на собственннй свой языкъ. Онѣ писалъ также между прочимъ и собственную свою гисторію со всѣми обстоятельствомъ его многотрудной и шолкимъ превращеностямъ подверженной жизни; но и при сей маловажной работѣ, не нарушалъ онѣ нисколько постоянной своей привычки, чшобъ не начинать никогда того, чегобъ не могъ онѣ привести къ концу совершенно.

Часть III.

Ж

Вѣ

Въ болѣзняхъ, въ безпокойствїяхъ и въ самыхъ найчувствительнѣйшихъ несчастїяхъ, кои сносишь ему случилось немалое время, пребывалъ *Алфредъ* всегда равнодушнымъ и чело-вѣколюбивымъ. Добродѣшель поиспиннѣ рѣдкая, подражаемая однѣми шокмо избраннѣйшими сердцами, и немогущая произвести по крѣпости своей нималѣйшаго огорчительнаго смущенїя! понеже весьма часто должны бывають успунать прощя души сему послѣд-нему внушенїю, онѣ приходятъ въ волненїе отъ малѣйшихъ причинъ, и не чувствуютъ вовсе при перевѣсѣ влады-чествующаго огорченїя важности уликъ прошчихъ. Чѣмъ менѣе прогало его нѣчто непрїянное, тѣмъ сильнѣе про-цвѣтало щастїе *Алфредово*, и тѣмъ паче умножалось въ немъ ощущенїе соб-ственнаго его достоинства: онъ сражался, шрудился съ неушомимою бодростїю, и шайлъ отъ всѣхъ о безпримѣрныхъ подвигахъ своихъ, какъ будто бы они не ему принадлежали вовсе. Весьма часто удерживалъ онъ самъ собою шокмо колебавшихся своихъ поддан-ныхъ онъ побѣга, выславляя муже-ственную свою грудь напиравшему сильно на него непрїяшело; да и тогда почиалъ онъ жабросшь свою не болѣе, какъ

какъ шокмо за одно случайное и какъ бы спрванное нѣчто, попому что вся душа его возносилаь къ Богу, и на Него Единого уповала совершенно.

Его величайшая слава облъшела въ малое время довольно крашкой жизни онаго по всѣмъ предѣламъ Европы. Не принужденный гласъ народа приписалъ ему имя великаго *Алфреда*, что прошче Государи напрошивъ шого, присвоили себѣ единымъ ласкашельствомъ придворныхъ своихъ. Римъ чешествовалъ его преизящныя добродѣтели, и Папрѣярхъ Иерусалимскій не преминулъ оказашъ ему за шоликимъ проспранствомъ морскихъ водъ своего искреняго почшенія, кое величайшія преимущества и въ самыхъ опдаленнѣйшихъ спранахъ привлекали сему Королю Саксонскому. Опшсюду поспѣшали воины, художники и ученыя люди къ прешолу, на копоромъ прешудствовалъ Хрештіянинъ, мудрецъ, прой и покровишель всѣхъ полезныхъ наукъ въ одно время.

Опъ прекрасной *Алсвиет* имѣлъ Король сей двухъ сыновъ, *Эдварда*, или *Эдуарда* старшего, Государя премудраго, а кшомужъ и законодавца своего времени, и *Эделварда*, Князя весьма ученаго, копорый еще въ

Ж а

мла-

младыхъ своихъ лѣшахъ умеръ въ Оксфордѣ, и припомъ мужеспвенную *Адефреду*, бывшую супругою Графа Мерсійскаго, управлявшею по смерти онаго проспраннѣйшею его спраною, припѣснявшею сильно возмущительныхъ Норманновъ, и соорудительницею многихъ различныхъ городовъ, изъ коихъ между прочими сущь, Чесперь, Стаффордъ и Варвикъ. Она покорила также немалую часть оплавшего паки ошъ Англїи Валлиса, и заслужила названіе Короля, дарованіями коего одарена она была въ совершенствѣ.

Аелсвиѳа, другая дочь онаго, была выдана за *Балдина*, сильнаго Графа изъ Фландрїи: одна изъ ея правнукъ, *Матгилдою* имянуемая, была супругою *Вилгельма*, прозваннаго Завоевателемъ. Ошъ нее ведушъ родъ свой Планшагенешы чрезъ другую *Матгилду*; а ошъ оныхъ, кои болѣе прехъ сошъ лѣшъ правительствовали въ Англїи, произошли *Тудоръ* и *Стуартъ*, конхъ права проспирокшя на свѣнѣйшій Домъ Вельфовъ. Еще и претїя *Матгилда*, дочь перваго изъ Планшагенешовъ, была супругою *Генриха*, Львомъ прозваннаго, и начальника рода Вельфовъ, изъ коихъ одинъ совокупилъ родъ *Стуартовъ* съ родомъ *Планшагенешовъ*,

нешовъ, и чрезъ оба начальныхъ поколѣній Королевскою кровію *Алфреда* и *Бодуина* оживошворилъ наконецъ сильныхъ Государей Великобританніи. Скипетру оныхъ опредѣлило премудрое Провиденіе неизмѣримыя спраны въ новой часпи свѣша, копорая во времена *Алфреда* шарому вовсе еще не была извѣстною. Нигръ и Гангъ имѣють шеченіе свое подъ владѣніемъ оныхъ, и величайшее Государство Индоспанское почиаетъ уже нынѣ благополучно владычествующего *Потомка Алфредова*. Но доспохвальнѣе гораздо наслѣдства земель было наслѣдіе добродѣшелей, любовь къ наукамъ и художествамъ, великое преимущество, доспавленное спасительному миру предъ побѣдами и шріумфами, и наконецъ блаженное благополучіе въ царшвованіи; всѣ сіи высокопочтенныя свойсшва соединились вкупѣ нынѣ въ *Георгѣ IIIмъ*, доспославномъ *Потомкѣ Вельфовъ* и *Алфреда*.

Ощупишельно слѣдспвенно подшверждаешъ премудрое Провиденіе всеобщее увѣреніе сіе шѣмъ, что семяна богугоднаго смершнаго цвѣшупъ еще надлежащимъ образомъ, и что чрезъ пятьдесяшъ поколѣній достигло наконецъ

Ж 3

бла-

благословеніе заслуженнаго сего предка и до достойнѣйшаго изъ его преемниковъ.

Алфредъ умеръ отъ слѣдствія нѣкаго зла, коему самъ онъ былъ причиною по увѣренію многихъ, и его достохвальная жизнь продолжалась шокмо всего пятьдесятъ два года. Смерть онаго случилась почти въ самомъ концѣ десятаго столѣтія, въ то самое время, когда родъ Карловинговъ склонялся уже къ своему совершенному паденію, и внучата *Роберта*, Крѣпкимъ прозваннаго, приближались день ото дня къ престолу Веспъ-Франковъ. Безпримѣрная крошость, служащая истиннымъ правиломъ жизни онаго, не оставила *Алфреда* даже и при кончинѣ его; онъ низшелъ съ престола своего на подобіе того самаго, какъ бы отъ единаго Царскаго мѣста отвѣзжалъ онъ въ другое, будучи удостовѣренъ весьма въ томъ, что тамъ еще вѣще счастливъ онъ бытъ могъ! Онъ уповалъ несомнѣнно отъ высочайшаго Судіи несравненно лучшей жизни предъ сою, куда никакія земныя преимущества не могли послѣдовать за нимъ, зналъ онъ, и что самое непремѣнно служивъ имѣло величайшимъ награжденіемъ посвященной благосостоянію порученнаго ему

ему народа свыше временной его жизни; да и никто не сомнѣвался въ томъ даже, чшобъ при столь оплчныхъ добродѣтеляхъ, малые неминуемые въ смертномъ пороки милосердіемъ правосуднаго Судіи вселенной не были зашмѣнены совершенно.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА IV.

Содержащая въ себѣ
БЛАГОРАЗУМНЫЕ СОВѢТЫ ИСКУСНАГО
АМУНДА.

Сей *Амундъ* произошелъ онѣ нѣ-когого вишезя, поймани *Арвида*, жившего при подошвѣ Севенскихъ горъ, на бѣрегу рѣки Дали находящихся. Большую часть лѣтъ юности своей препроводилъ онѣ наподобіе Сѣверныхъ ироевъ въ упражненіи различныхъ шѣлдвиженій. Онѣ былъ сильный боецѣ, искусный стрѣлокѣ и отважный ловчій; нападая на развяреннаго медвѣдя въ его бѣрлогѣ, вонзалъ онѣ ему, предѣ спрашнымѣ его зѣвомѣ споя, остріе ножа своего прямо въ сердце, умѣлавъ воспѣвать пѣсни славныхъ богатырей, и всегда восхищался духѣ онаго при воспоминаеніи о древнихъ рыцаряхъ. Онѣ терзался безпрестанно жеспокимѣ желаніемѣ, прославить и учинить безсмертнымѣ имя опчизны своей собспивенными своими подвигами,

и

и потомъ, за проліянную свою кровь заслужить въ **Одиновыхъ** вершпахъ достойное себѣ возмездіе.

Гастингъ, одинъ изъ **Сѣверныхъ** Князей, вознамѣрился между шѣмъ отправиться въ **Визаншю**, будучи избранъ начальникомъ надъ многочисленнѣйшею полпою **Варягъ**, бывшихъ наспоящими воинами въ погдашнѣе время, коими изобиловала погда просвѣщенная **Греція**, и коимъ охраненіе Князя сего поручить было несомнительно никакъ. Искренніе, въ вѣроломствѣ новыхъ **Римлянъ** еще неискусившіеся и хранившіе кляпвою ушвержденные свои обѣщанія, будучи преисполнены храбрости и постоянношва, служили надежною подпорою колеблющемуся Государству сіи немногіе разпорцы. Младый **Амундъ**, превозводя неуспрашимаго **Гастинга** въ **Визаншю**, согласился наконецъ вкунѣ съ онымъ соединиться съ **Варягами**. Множество подвиговъ благоразумнаго мужеслива и смѣлой предпринимчивости оказалъ сей искусный юноша при семъ случаѣ. Неменѣе былъ онъ также примѣчательенъ и въ разсужденіи прочихъ преимуществъ, оспававшихся еще въ то время у **Грековъ**; онъ научился исторіи оныхъ; позналъ до-

волью учрежденіи Двора и всего Государства, коимъ Европа хощя и подражала долго, но при всемъ помъ сь презрѣніемъ взирала на чрезмѣрную робость Визаншянъ; и учинилъ наконецъ всѣ законы страны оной извѣстными себѣ, обогатя понятию свое неизреченными сокровищами древней премудрости.

Нѣжно и сердечно пльнилъ онъ попомъ въ прекрасную Теофанію, подругу Княжны Греческой Евдокии, кою полюбя Гастингъ, сочелся сь нею вскорѣ законнымъ бракомъ. Благородный видъ Гречанки, ея душевныя свойства и самая робкая спыдливость, коею старалась она отвращать отъ себя всѣ его спрасныя свидѣтельства, умножили къ ней шѣмъ паче склонность Амундову, и онъ приобрѣлъ наконецъ прелестъ сію чрезъ отличные знаки своего великодушія и избавленіе ея родимела, котораго при нѣкошоромъ случаѣ во время набѣга шакъ называемыхъ Синихъ и Зеленыхъ легионовъ, прошивныхъ его споронъ, умершвишь помышляла, въ супруги себѣ. Мечъ Амундовъ открылъ ему шощасъ пушь къ сему несчастному, бывшему окруженнымъ тогда со всѣхъ споронъ его злодѣями, и своеобразные Визаншійсцы преклонились немѣденно отъ сильныхъ ударовъ

ровъ страшнаго сего вишезя. И такъ, побѣдоноснымъ образомъ возвратилъ онъ здрава освобожденнаго родителя своей возлюбленной, и *Теофанія* не была уже болѣе неблагодарною съ своей стороны за толикія услуги павившегося ею споль спрасно; она учинилась его при семъ случаѣ, и добродѣтельный сей юноша, любя сколько невѣсту свою прежде, обоготворялъ толикожъ и супругу его послѣ.

Между шѣмъ, одинъ изъ Дворовъ Императорскихъ былъ попомъ опровергнутъ совершенно. (*) *Гастингъ* старался было всячески защищать его споль долго, покуда обращалъ онъ оружіе свое къ пользѣ онаго; но то было тщетно однакожъ: онъ былъ преодоленъ наконецъ дѣйствительно; и ему не оставалось уже болѣе ничего инаго и къ собственному его спасенію даже, кромѣ единаго судна, случившагося тогда въ пристани. Въ оное переселилъ онъ немѣдленно Княгиню свою, и тамъ же нашелъ убѣжище и его спутникъ *Амундъ* для своей прекрасной *Теофаніи*. Благополучно прибыли они попомъ въ устье Днестра, и по разнымъ пущамъ,

(*) Подъ симъ разумѣтъ. Авторъ, чайтельно, Дворъ Констанцинопольскій.

пушьямъ , коими слѣдовали тогда повседневно почти Скандинавляне, достигнувъ они союзаго имъ въ то время Новаграда , возвратились наконецъ въ Швецію.

Пустыя мѣста и бесплодныя горы предстали вѣзду прекрасной Гречанки весьма несносными. Тамъ не находила она ничего изъ пріятности болѣе , коими покрывалъ благораспоренный Полдень великолѣпную Византію. Хижины изъ чрезмѣрной величины камней , мало сохранявшія впрочемъ отъ несносной спужи, должны были служить вмѣсто огромныхъ палатъ , въ подобныхъ коимъ проводила всю юность свою прекрасная Евдокія. Поздняя Вѣсна соединена была тамъ съ спуденою Зимой , и долговременная Зима испребляла безъ остатку всѣ украшенія земли ; суровая Осень не приносила вовсе винограда , и пріятные плоды Греціи не украшали нисколько густыхъ древесъ : однимъ словомъ, страшный образъ страны сей не выводилъ изъ взирающей Княгини сей никогда печальнаго о себѣ воображенія.

Гастингъ, любя чрезмѣрно прекрасную Евдокію, сулилъ ей помощію орудія своего приобрести вскорѣ пріятнѣйшія страны предъ оною , гдѣ бы

она

она долженствовала владычествовать непременно. Но будучи въ Беамфлеашѣ вкупѣ съ милою Теофанією, досталась она въ руки Саксонамъ въ то время, когда оныя напали на укрѣпленный станъ Скандинавлянъ, пошому что большая часть воиновъ ихъ была въ то время въ отсуствіи. Гастингъ былъ внѣ себя отъ ярости, услышавъ о величайшемъ семъ уронѣ, и храбрый Амундъ проливалъ слезы отъ опчаянія, когда свѣдалъ о потерѣ его любезнѣйшей Теофани; но великодушный Алфредъ осушилъ совершенно шокъ слезъ оныхъ. „Идите, говорилъ онъ прекраснымъ супругамъ его непріятелей, и возвѣстите Норманнамъ, что я никакъ не воюю съ поломъ женскимъ; да и сію войну произвожу единственно шокмо по принужденію съ пришленишелями народа моего. Величайшее однакожъ удовольствіе ощущалъ бы я тогда, когдабъ могъ приобрѣсти ихъ къ себѣ дружбу.“ Алфредъ, хотя и удивлялся впрощемъ красотамъ Греческимъ при семъ случаѣ, однако воздержное его сердце обуздано было совершенно всегда противъ всѣхъ постороннихъ прелестей.

Но Гастингъ не преминулъ удовольствіи сие благодареніе Алфреда съ споромъ

спороны своей вящею къ нему ненавистію; *Амундъ* же напрошивъ того былъ гораздо великодушнѣе онаго. Совершенно благополучнымъ считая себя въ обѣщаніяхъ своей возлюбленной *Теофани*, учинился онъ вскорѣ другомъ ироя, копорому одному обязанъ онъ былъ всѣмъ нѣжнымъ ея послѣ того привѣщспвіямъ. Она превозносила ему сама шо попечительное усердіе, съ которымъ *Алфредъ* и самый видъ даже малѣйшаго подозрѣнія въ спраспи къ женщинамъ *Норманновъ* всегда опшвращашъ всячески спарался, и шо благоклонное обращеніе, копорымъ сдѣлалъ онъ весьма сноснымъ пребываніе ихъ въ пѣну у себя. И когда *Норманны* оспавили вовсе *Англію*, обязавшись не обезпокоивать болѣе никогда *Саксонъ*, шо тогда прибылъ *Амундъ* безъ наималѣйшаго спраха ко Двору сего великаго Государя.

„Безпримѣрнымъ швоимъ великодушіемъ, Государь, говорилъ добродѣтельный мужъ сей, предшавъ предъ лице Короля *Саксонскаго*, обязалъ шы чувспшительнѣйшимъ образомъ не успрашимаго воина. Я емъ шопъ самый *Амундъ*, копорой считаеися другомъ *Гастингу*, а вкупѣ и швоимъ желаетъ бышь усердно, когда шолько учи-

учинишь ты его достойнымъ шой
чести. „ Имя *Амундово* небезвѣ-
стно было повсюду, потому что со-
единялись въ немъ преизящныя добро-
дѣтели съ величайшею храбростію, а
съ оными вкупѣ и премудрость даже.
Чего ради, простирая Царскую свою дес-
ную руку, сказалъ онъ припомѣ сему
Скандинавцу : „Я приемлю охотно
предложеніе швое о дружбѣ, и увѣряю,
что ты непременно раздѣляешь будешь
все благополучіе мое со мною равно.„
Королева обнимала также безпрестанно
прекрасную *Беофинію*, и Дворъ *Алфре-
довъ* учинился вскорѣ для обоихъ сихъ
бракомъ сочепавшихся мѣстомъ непре-
рывной взаимной утѣхи. *Амундъ*, слѣ-
дуя между шѣмъ всегда за Королемъ во
всѣхъ его походахъ, старался усерднѣй-
шимъ образомъ опвращать всячески не-
пріятельское оружіе опъ своего новаго
Государя, предлагая грудь свою при каж-
домъ случаѣ вмѣсто щипа оному.

По укращеніи наконецъ *Алфредомъ*
навсегда виѣшнихъ своихъ непріятель-
лей и по начашіи онаго пещись не-
усыпно о введеніи порядка и общаго
благоустройства между своими Саксо-
нами, преслѣдовалъ *Амундъ* съ вели-
чайшимъ примѣчаніемъ каждый шагъ
сего законодателя; онъ сравнивалъ его
при-

примѣры и учрежденія Саксонскаго Государства съ Византійскою Монархіею и съ шѣмъ также, что чинывалъ онъ много о Римлянахъ и о древнихъ Грекахъ.

Ошъ него не сокрылись между шѣмъ всѣ недоспапки Саксонскаго Государственнаго положенія, въ копоромъ не оспавалось почти ничего ошъ прежней вольности Нѣмецкихъ народовъ, кромѣ одного токмо усилившагося во власти весьма дворянства, при коемъ вся нація помилаь въ крайнемъ презрѣннн, видѣль онъ.

Долго не могъ *Амундъ* исправить своихъ разсужденій чрезъ чинимыя имъ повседневно новыя освѣдомленія, долго, говорю, колебалось сердце онаго, и принуждало отккрыть испинну такому Государю, копорой любилъ и слушелъ оную со всякимъ вниманіемъ; покуда наконецъ не принудила его къ тому измѣна нѣкоторыхъ знашныхъ людей, коихъ покора *Алфредъ*, и какъ обыкновенно дѣлывалъ онъ, оспавилъ безъ всякаго припомъ наказанія. Вскорѣ пошомъ опправился глубокомысленный Государь сей съ *Амундомъ* въ одинъ изъ Королевскихъ загородныхъ домовъ, неподалеку ошъ столицы его лежавшей. Его миролюбивый нравъ чувшвовалъ съ

съ сильнымъ ощущеніемъ необходи-
мость, въ кою онъ ввергаемъ бывалъ
споль часто, видѣлъ онъ, принимашъ
оружіе прошивъ покойныхъ своихъ
знапныхъ. „Я люблю народъ мой,
говорилъ сей достойный Государь, и
щусь все то дѣлать, что воображеніи
мои вымыслишь полько въ силахъ,
дабы учинить Англію благопслучною.
Но какъ можешъ возможнымъ быть то,
чтобъ дѣши оной не любили меня во-
все, того, который предпочиаешъ ихъ
предъ всемъ въ свѣтѣ!„

По окончаніи сихъ словъ, покло-
нился Амундъ съ подобающимъ подо-
боспрасптемъ Королю, своему новому
другу: „Благоволишь ли Флфредъ, ска-
залъ онъ попомъ, выслушашъ равно-
душно раба своего, почиающаго его
искренно, и позволишь ли онъ ему
имѣшь свободу въ предложеніи его мы-
слей въ томъ видѣ, въ каковомъ оныя
воцарились въ вѣрномъ его сердце къ
оному? Народъ Саксонскій, продолжалъ
говорить сей разумный мужъ, не заѣе
и не порочиѣ всѣхъ прошчихъ наро-
довъ; но естли многіе изъ онаго и не-
благодарны, то источникъ сей зла всего
происходитъ отъ несоразмѣрнаго со-
споянтія Государства: ибо, гдѣ нѣтъ
вовсе равновѣсія, тамъ всегда недоволь-

ными считающѣ себя шѣ, коижѣ по-
 няшѣ слабѣе прошчихѣ. Твои вѣ бла-
 городствѣ рожденныя подданныя чрез-
 мѣрно сильны и недовольно покорены
 власти законовѣ Государства; но про-
 сполоудины напрошивѣ шого весьма
 елабы, и разшоянѣ отѣ большихѣ
 кѣ онымѣ, ешѣ неизмѣримо почши.
 Знашнымѣ здѣсь оспаешѣ шокмо еди-
 ный шагѣ до Королевскаго, достоин-
 ства, и они непрежде успокоишѣ
 могушѣ, надѣюсь, покуда не учиняшѣ
 сего шага нѣкогда. Но когдабѣ простыѣ
 швои Саксоны оспавались навсегда при
 ешественной ихѣ власти, шо благо-
 родные имѣли бы вѣ нихѣ безсомнѣ-
 нѣя надлежащее себѣ равновѣсѣе, мо-
 гущее препяшшвовашѣ довольно кѣ
 превознесенію дерзкаго ихѣ сего на-
 пряженѣя., -

„Много употребилѣ время *Амундѣ*
 вѣ жизни своей, продолжалѣ начашую
 речѣ искусный сей чужеземецѣ, на раз-
 смашриванѣ всей подсолнечной: онѣ
 видалѣ опдаленнѣйшихѣ народовѣ, и
 знаешѣ довольно сосшоянѣ свободы на
 его Сѣверѣ; да и самыѣ Саксоны на-
 слаждались прежде совершенною воль-
 ностію, извѣстнѣо ему шакже; но швои
 предки, Государь, завоевашѣли Бришан-
 шїи, поруча все управленѣе Государ-
 ственныхѣ

сшвенныхъ дѣлъ благороднымъ, оставили наконецъ проступлюдиновъ совершенно онымъ въ жертву.,,

Алфредъ, который слушалъ всегда охотно совѣты вѣрныхъ друзей своихъ, отвѣщивовалъ не мешкавъ на то *Амунду* слѣдующимъ образомъ: „Когда другъ мой видалъ Восточные страны, то чтожъ нашель онъ въ оныхъ такое, чемъ бы могло бытъ исправлено состояніе Государства Саксоновъ?.,,

„Въ опдаленности отъ насъ, сказалъ потомъ рашоборецъ сей, на самомъ краю Восшока, лежитъ нѣкое сильное Государство, величайшее на всей поверхности земной, владѣніе Серяи (*); изъ онаго выходитъ въ изобиліи шелкъ, которой отъ вершины рѣки Ганги чрезъ покрышья безпрепятственно снѣгомъ горы, лежащія въ Индіи, и всю Персію, минуя оныя, привозится въ Византію; о выдѣлкѣжъ сей драгоценной пряжи начинаютъ уже пещись на островѣ Эгейскаго моря, въ преизбыточествующемъ всемъ Косѣ, коя есть* работа особыхъ нѣкихъ червячковъ. Сама *Феофанія* шветъ шелкомъ, и упражняется въ содѣланіи

3 2

покры-

(*) Подъ симъ разумѣется Сѣверная часть Китая.

покрывала, которое намбрена она поднести благодбшельствующей ей милостилицы, прекрасной *Алсвионы*. Государство Серянб, состоявшее престоаб художествб, поржество земледбляя и пишашельницу безчисленныхъ ея жителей: ибо, оспальная часть земнаго шара, есть ничпо иное, какъ шокмо весьма мало покрывая нбсколькими хижинами пустыня, вб сравненїи сб благоразствореннымб Кааамб. (*) Оное слышалъ я ошб купцевб, кои знавали вб Инди нбкоторыхъ Серянскихъ поргующихъ людей и попомб сб разными шоварами сего шрудолюбиваго народа прїбзжавшихъ вб Визаншю. „

„Сїи Серяне, сушь безъ всякаго сравненїя древнїйше изб просвбщеннїйшихъ народовб, они имбали у себя премудрыхъ законодательей и изобрбшаемыя различныя художества; понеже Греки жили шогда шокмо ошб единаго лова звбрей, и пишались дубовыми жолудями, кои произвело ештество для однбхъ несмысленныхъ дикихъ. Кааай есть суцїй престоаб совершеннаго во всемб благоустройства, и Императорб состояваетъ шамб настающаго ошца всему народу; онб по-

(*) То есть, Кипшаамб.

повелѣваетъ многими милліонами съшою же самою силою и власію, съкаковою управляетъ каждый начальникъ дома своими домочадами, и наслаждается отъ нихъ поюжъ любовію и шѣмъ же самымъ повиненіемъ, кои оказываютъ онѣ своимъ родителемъ. Онѣ есть единый источникъ всѣхъ почестей, и у него всѣ подданные, суть равныя въ вѣсѣ монеты, цѣну коихъ возвышаетъ шокмо Императорскій гербъ, различая каждую изъ нихъ другъ отъ друга. Онѣ не знаютъ вовсе никакого различія между собою въ породѣ: отъ Императора низходящъ всѣ повелѣнія по степенямъ отъ самыхъ верховнѣйшихъ Государственныхъ вельможъ до простаго земледѣльца, и нѣтъ ни единого, которой бы шеченію сихъ приказаній прошивостоящъ и малѣйшую ошановку въ произведеніи оныхъ предпринимать дерзалъ когда ни есть: ибо, никто изъ нихъ не приноситъ съ собою въ колыбель ошличныхъ преимуществъ, кои бы превозносили его хотя нѣсколько предъ простымъ народомъ. Все благородство состоитъ тамъ въ поколѣніи шого мудреца, которой за шеснацать столѣтій въ Государствѣ Серянъ наставлялъ людей въ добродѣтели, въ

самое то время, когда Пифагоръ не-
смысленныхъ Грековъ поучалъ въ земле-
мѣри и познаніи всемогущаго существа
Божія. „

Алфредъ, не знавшій никогда впро-
чемъ шакого народа, коегобъ дворян-
ство не составляло превосходнѣйшей
части въ Государствѣ, пресѣкъ при
семъ случаѣ шопчасъ речь рассказы-
вающего ему о шомъ своего друга: „Та-
ковой народъ, сказалъ онъ послѣдно,
долженъ бытъ весьма боязливымъ. Одно
нѣжное ощущение чести въ силахъ
уже преодолѣть любовь къ жизни, и
шаковое дѣйствіе не можетъ нигдѣ
владычествовать споль живо, кромѣ
какъ шолько между однѣми благород-
ными, коимъ малѣйшій спыдъ бы-
ваетъ несноснымъ, и самая жизнь
служитъ въ нягость, когда онъ оную
безъ чести провождать должны бу-
дутъ. Пришомъ, каждой благородной
крови человекъ бываетъ обыкновенно
свободенъ отъ всѣхъ низкихъ его со-
спорянтію попеченій; его руки прибу-
чены къ ношенію меча, а шбло къ
верховой ѣздѣ; упражненіе въ охотѣ
приугошвило шаковаго совершенно къ
войнѣ; побѣда составляетъ его единый
предмѣтъ и намѣреніе всей его жизни.
Но бѣдный гражданинъ испощеваетъ
честь

честь по необходимому старанію для своего нужнаго содержанія; приобывъ къ уничиженію, не чувствуешь онъ того похвальнаго побужденія, кое воинъ непременно чувствовалъ долженъ: въ парабощенныхъ трудахъ воспитанный, не разумѣетъ искусства усмирить своеобычнаго коня прошивъ непріятеля, преклоненнымъ копіемъ пробиться въ спрашную шолпу ему сопрошивныхъ, а шѣмъ еще менѣе дѣйствовать или защищаться онымъ. Весьма часто случалось испытывать мнѣ по самому, что всю силу войска моего составляли одни шокмо благородные.,

По окончаніи сихъ выраженій, началъ Амундъ паки говорить слѣдующимъ образомъ: „Успѣвшій во всемъ Алфредъ, сказалъ онъ, зная довольно гисторію Грековъ, вѣдаетъ совершенно, имѣли ли они у себя благородныхъ когда, и кто былъ мужесквеннѣе Спартанца? Тотъ, шотъ самый, кошорой едва шокмо называется могъ по имени отца своего, былъ уже у нихъ настоящимъ сыномъ опечесства, но ничуть не благороднаго какого либо. Весьма шѣсныя предѣлы имѣетъ впрошчемъ ощущение чести въ шакомъ состояніи, кошорое никогда многочисленно бытъ не можетъ, пошому что живешь оное

3 4

праздно.

праздно, и ошѣ пошя низшихъ должно
 ожиданшъ свое прописаніе. То Госу-
 дарственное правленіе естѣ безсомнѣ-
 нія премудрѣйшее, и шотѣ народѣ по-
 бѣдоноснѣйшимъ щипающа долженъ,
 гдѣ самое сіе чувствіе распроста-
 няется оцупительнымъ образомъ на
 весь народѣ, и гдѣ каждый гражданинѣ
 горитѣ желаніемъ о побѣдѣ, живо-
 творяющей непремѣнно предводителя
 онаго. Не недоспашокѣ въ благород-
 ствѣ дѣлаетѣ Серянѣ спрашными; но
 къ шому сушъ другія причины несо-
 мнѣнія. Спрашныи Сарацынѣ состав-
 ляетѣ собою хощя вельблужьего па-
 ешуха шокмо; но кто кажется бышъ
 его спважиѣ? Одержалъ ли кто побѣдѣ
 болѣе, и покорилъ ли кто земель шол-
 ко, какѣ уцинилъ сей своевольной побр-
 дяга пещаной Аравіи? Между Серянами
 находишся слишкомѣ много рукоб-
 сленниковѣ и лавощниковѣ, такѣ что
 великое множество народа состоитѣ
 по большей части изѣ людей, кои, за-
 нимающа спокойнымъ упражненіемъ,
 шеряютѣ нерѣдко полезное употре-
 бленіе ихѣ членовѣ, кои не укрѣпля-
 юшѣ руки ихѣ шягосшными усиліями,
 и не приобучаютѣ нимало смосишъ
 какихѣ либо неудобностей, суроваго
 воздуха, или принужденнаго ночнаго
 бдѣнія.

бдѣнія. Другая причина бѣззаконности Серянь, происходишь совершенно отъ рабскаго обращенія, кое сносишь они должны иногда отъ ихъ начальниковъ. Неизмѣримое сіе Государство управляется сущимъ бичемъ самовластія, и знатнѣйшій изъ Серянь гражданинъ подверженъ поноснѣйшимъ наказаніямъ. Такимъ образомъ, шерьяетъ народная бодросць всю свою спремительную силу, она преклоняется безъ сопротивленія подъ несносное иго, и ощущаешь, вмѣсто побужденія къ чести, одно стремленіе, кое влечетъ его къ поддержанію жизни, или къ удовлетворенію неисповѣдихъ похотей. Конечно несродно попому самому Государству Серянь къ войнѣ; да полно Государь онаго и не спремится нимало къ какимъ либо завоеваніямъ: онъ довольствуется неизмѣримымъ округомъ своего наслѣдственнаго удѣла, и защищать скорѣе предпріимешь добровольное власти его покореніе сосѣдственныхъ народовъ, кои, привлечены будучи къ тому владычествующимъ благосостояніемъ между Серянами, ищущъ всегда покровительства себѣ Власпелина, считающагося отцемъ своему народу. „

„Но при всемъ томъ, наслаждается сіе великое Государство безконечными

преимуществами, шакъ чшо никшо изъ большихъ людей въ ономъ не опважился никогда възспать прошивъ законнаго ихъ Императора; шаковой, будучи одинъ самъ собою, и не имѣя все корсей въ союзномъ и сильномъ дворянствѣ, испоргаемъ бываетъ первымъ вихремъ самовластнаго гѣва безъ наимаѣйшаго сопротивленія.,

„Король Саксоновъ не можешъ никого наказать изъ знашныхъ безъ шого, чшобъ не обидѣшь шѣмъ весьма сродниковъ онаго, его ближнихъ и даже всѣхъ вообще знашныхъ Двора своего, кои въ малѣйшемъ униженіи изъ нихъ каждаго, полагая возмознось и ихъ собшвеннаго униженія, взираюшъ на шо непремѣнно съ величайшимъ огорченіемъ. Чшожъ касается до воинской бодрости, шо оная менѣе нужна Сержанамъ, нежели всѣмъ прошчимъ народамъ; пошому чшо они разсѣянныхъ и раздѣленныхъ на часши имѣюшъ сосѣдей, кои хошя и обезпокоиваюшъ часшо предѣлы оныхъ, но Государшву никакой опаснѣйшей раны впрошчемъ причиняшь не въ силахъ собою. Съ самаго начала бышя оныхъ, Государшво сего народа пребывало всегда непокореннымъ никѣмъ; Царскія поколѣнія хошя и пресѣкались иногда, а
другія

другія изъ Серянѣ позиціали прешолѣ безспорно; но никакая посторонняя сила не преодолѣвала еще никогда Государства онаго., (*)

„Всегда пребудешѣ величайшее преимущество Государству Серянѣ, когда разсудитсѣ шокмо за благо кому коснутсѣ начала древности, шого самаго времени, когда никакое другое Государство въ свѣштѣ не прославлялось еще ничемѣ; и когда обратитсѣ назѣдѣ до предѣловѣ баснословія, опкуда всеобщая гисторія приемлетѣ свое начало, шо нешрудно найти можно будешѣ всегда оной народѣ просвѣщеннѣйшимѣ, шрудолюбивнѣйшимѣ и безчисленнѣйшимѣ даже изѣ всѣхѣ народовѣ во вселенной, гдѣ существовали и процвѣтали безпрешанно художества, законы, премудрыя люди и великіе Государи, какѣ шо, Ю, Шунгѣ, Венвангѣ, Вувангѣ и шому подобные.„

Не смотря однакожѣ на шо, продолжалѣ говоритѣ Ашундѣ, преклоня главу свою припомѣ сѣ должнымѣ
подо-

(*) Чинимыя нападеніи Ташарѣ Восточныхѣ, поколннѣя Кина, Ташарѣ Западныхѣ, въ родѣ Івенскомѣ и цакн Восточныхѣ, въ потомствѣ Чинга, суть всѣ послѣдшнѣя Аларре-доса девятаго шолннѣя.

подобострастїемъ предъ Королемъ Саксоновъ: „ Я нимало не есмь слѣпый подражатель безпредѣльнаго самовластія; но изображаю въ себѣ сущаго свободно рожденнаго Гошеа, коего сердце не въ силахъ бы было поработить себя Государю тогда, когда не преклонитъ оно истинное почтеніе служивъ тому, коего почтеніе оно способнымъ повелѣвать собою, и я ручаюсь открытъ Королю несомнѣнно слѣдствіи сей своевольной власти изъ собственнаго моего въ томъ изслѣдованія. „

По нѣсколькихъ попомъ днѣхъ, препроводилъ *Амундъ* прекрасную свою *Феофанію* ко Двору; она поднесла при семъ случаѣ добродѣтельной *Алсвиѣ* бѣлое изъ гландовишаго шелка вышканное покрывало прудовъ своихъ, на которомъ вышины были лучшихъ красокъ преузорочные цвѣты и подобія различныхъ звѣрей, каковыми оныя въ горячихъ странахъ Полудня самымъ естественомъ и бнншими красками расцвѣрены обыкновенно бывающъ, что напрошивъ того на Сѣверѣ одни слабѣе лучи небснаго свѣтила производивъ шокмо могутъ. Королева, удивляясь весьма искусству и веществу шому, не преминула возблагодарить

за сей подарокъ прекрасной Гречанки помчайшимъ полошномъ, вывозимомъ изъ Фландріи, коего ниши казались шонбе, нежели бы чайшь было можно выработаннымъ имъ быть руками человѣческими. „Въ нашихъ спуденыхъ спранахъ, говорилъ *Алфредъ*, обѣщаетъ напура гораздо менѣе, а оставляетъ болѣе человѣческому прилѣжанію; но неусыпное шщаніе въ силахъ можешъ и здѣсь обрѣсти сокровища, кои къ благополучію народа неменѣе присовокупишь можешъ, какъ и самое щедрое даяніе природы.„ *Оеофанія*, разсмапривая шо приспально, призналась вскорѣ, что она не видывала по испиннѣ ничего шакого въ прославившейся столь художествами тогда Визаншій, что бы превосходило въ искусствѣ работы сей; да и подлинно, не уступалъ ленъ сей въ своей добростѣ ничемъ шелку.

Между шѣмъ, убѣждалъ *Алфредъ* самъ *Амунда* прозьбою, въ продолженіи разговора, начашаго имъ прежде. „Безпредѣльная власць Государя, сказалъ пошомъ означенной выше рашникъ сей, составляетъ совершенное иго, подѣ коимъ никшо изъ смершныхъ благополучнымъ бышь не можешъ. Напрасно шокмо издѣваешся надъ нами сильная благо-

должны они были благополучію ихъ народа, и безпрестанныя увеселеніи составляли ихъ единственное покомо упражненіе. Избираемые чрезъ коварныя совѣты свнужовъ и возлюбленыхъ наложницъ служители оныхъ, не пеклись также нимало ни о какой другой пользѣ, какъ покомо о доспавленіи себѣ власпи, почшенія, ихъ обогащенія и ихъ удовольствія: по спешенямъ употреблялъ каждый надежнаго ему изъ подчиненныхъ своихъ орудіемъ его спрасшей; а бѣдный, полезнѣйшій гражданинъ, испощевалъ между тѣмъ силы свои въ прешажкой работѣ, дабы придворныя люди, судіи и прочіе приспавы казенные могли веспи жизнь свою въ пышности и чрезмѣрномъ великолѣпїи. Весь народъ споналъ тогда неумолкно, и просилъ небо о низпосланіи ему помощи; начиналъ нерѣдко ропшашъ на шо, и наконецъ самая смерть учинилась для него пріяшнѣе, нежели шакое онаго состояніе, предавшись попомъ совершенно произволу своего опчаянїя; чесполюбіе снискало ему скоро достойныхъ предводишелей; своевольные и дерзкіе возмушители свергнули законѣлаго сласполюбца съ прешола, и испребиадъ весь родъ, учинившейся

низнейся тогда несноснымъ бременемъ народу. „

„Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть власть въ посползованіи на всѣ воображаемыя предпріяшій. Кто смѣетъ единымъ суровымъ взоромъ погублять себѣ подвластныхъ, и награждать ихъ смертоноснымъ ядомъ, не смотря на долговременную усердную службу оныхъ, тотъ возбуждаетъ самъ обратить ударъ кинжала на того, онъ коего никто безопаснымъ бытъ не можетъ. Кто безъ помощи законовъ наказываетъ, самопроизвольно осуждаетъ, и самовластно своихъ знавшихъ подданныхъ опрѣшаетъ можетъ, тотъ предоспаляетъ дѣйствительно власть свою произволу своихъ желаній: ибо, сколь много возбуждающа въ ономъ зараженныя его неистовыя ужасныя, споль часто покушается онъ нарушать цѣломудріе добродѣтелибѣйшихъ женщинъ, пожищашъ имѣніе бѣдныхъ, присвоивъ сокровища Святыхъ Храмовъ, помрачашъ честьъ судей и завладѣвъ имуществомъ каждого изъ его подданныхъ, дабы ненасытная алчность онаго могла удобнѣе удовлетворить чрезъ то наконецъ его совершенное насыщеніе. Онъ спремился всячески къ пріобрѣтенію триумфальныхъ шоржесствъ

жествъ чрезъ ненужныя вовсе войны, кои подданныя его искупашь должны своею кровію; простираетъ безпольными великолѣпными зданіями нужнѣйшее пропитаніе гражданъ своихъ; и роскощаетъ ничего незначащими забавами, зрѣлищами и разными пиршествами насущный жлѣбъ и спяжаніе своего народа. *Алфреду* не безизвѣстно, надѣюсь, сколь ужасными чудовищами содѣлалъ въ великомъ Римѣ обвороженой напипокъ необузданной власпи и самыхъ даже dospойнѣйшихъ юношей, обѣщавшихъ собою всему народу весьма много прежде. Всевышній Творецъ есть одинъ шокмо во всемъ совершенъ; слѣдовашельно, единому Ему принадлежишь и всемогущество; но слабымъ смерпнымъ предписаны предѣлы, съ коими должны онѣ сообразовашь всѣ свои желаніи. „

„Когда самовласпнаго Государя никто отъ исполненія воли его удержашь не въ силахъ, тогда и первый онаго министръ, полководецъ, судія и самый секретарь даже учинящся безсомнѣнныя совершенными деспотами. Весь народъ истощеваетъ въ то время подъ неноснымъ игомъ, налагаемымъ безпреспанно сильнымъ гражданиномъ на слабаго, коего шажестъ угнѣшавшъ на-

Часть IIя. И прошишь

прошивъ шого просполюдина, а сей последний не можешъ уже ни надъ кѣмъ вымѣщать шо болѣе.

„Таковый Самодержавецъ не любитъ никогда никого искренно: каждый гражданинъ естъ для него судьбою къ исполненію его воли опредѣленное орудіе, коего дѣйствіемъ безпрестанно наслаждашся онъ можешъ, не бывая опіюдь съ онымъ въ нѣкоемъ обязательствѣ. Гражданинъ сей взираешъ всегда съ ужасомъ и величайшею ненавистію на шо мѣсто, гдѣ распочителева кровь и все его имѣніе идешь прахомъ; онъ не приемлетъ нимабѣйшаго участія въ соблюденіи шого и другаго Государя своего, и не знаешъ вовсе никакого нещастія болѣе, кромѣ шого, кое ощущаешъ онъ уже дѣйствительно. Опчаенный клятвопреступникъ нападаешъ потомъ на оставленныя отъ всѣхъ шогда его чертоги, и ни единый изъ гражданъ не спремится уже защищать законнаго своего Власшелина, содѣлывавшаго его злощастнымъ.„

„Я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ печальному зрѣлищу, низвергнутому нещастнаго *Михаила* съ престола въ Визаншіи. Онъ пренебрегъ общественную пользу Государства своего,

его, пошому что былъ распочителемъ онаго, забывая въ пїянствѣ шо, что составляло должность опца всего народа. Человѣкъ, простѣйшаго состоянїя изъ его подданныхъ, но достигшїй посредствомъ шокмо своего прїятнаго вида и спана до веръховной чести, собралъ въ скоромъ времени сонмище подобныхъ себѣ злодѣевъ, кои охотно послѣдовали ему въ семъ неисповспѣвѣ; и прежде нежели Варяги могли употребить оружіе свое въ дѣйство, былъ уже *Михаилъ* преданъ поносной смерти, такъ что вся непоколебимая наша вѣрность къ оному не имѣла нима-лѣйшаго себѣ сопротивленїя болѣе: и шакимъ шо образомъ погибъ наконецъ оспрїемъ меча малаго числа душегубцевъ преемникъ *Константиновъ* и прошчихъ Кесарей, правительствовавшихъ до него въ Визаншїи. При семъ спрашномъ случаѣ, принимали всѣ граждане споль мало учаспїя въ злощасной судьбѣ сего пострадавшего Государя, что ни единая слеза не пролипа была тогда вовсе; не слышно было нигдѣ ни единого вздоха; равнодушїе владычествовало повсюду на лицахъ подданныхъ; ни одна изъ лавокъ не заперта была въ шо время, никакое производшво публичныхъ работъ

И а

не

не было воспретяшествовано припомѣ
нимало; и по прошествіи нѣсколькихъ
часовъ послѣ того возгласила вся Ви-
заншя единогласно долгоденствіе Им-
ператору *Василію*, съ тѣмъ же самымъ
радостнымъ усердіемъ, какъ бы онъ
былъ насъясщій наследникъ престола
Монаршего. „

„Но естълибъ *Михаилъ* соединилъ
власть свою съ пользою своего народа,
когдабъ законы служили ему предѣ-
лами въ его желаніяхъ, и будебъ на-
конецъ паденіе онаго поколебало благо-
состояніе всего Государства; то ни-
когда бы конечно не вознеслись дерзкія
мысли *Василія* до того предѣла,
чтобъ утвердиль нѣкогда владычество
его на пружѣ *Михаиловомъ*. Но само-
державіе уподобляется сущей къ низу
преклоненной пирамидѣ, на вершинѣ
въ единой почкѣ коей находилъсѣ ужас-
ная тяжесть, въ кою слабѣйшее дох-
новеніе Западнаго вѣтра можетъ безъ
труда опровергнушь все спрочнообраз-
ное сіе зданіе. „

„Невсегда однакожъ прибѣгаетъ
припѣсенной подданной къ дѣйствию
кинжаломъ, часто покоряется онъ не-
сносному игу безъ всякаго ропшанія,
непоколебимая ничемъ вѣра его въ си-
лахъ упѣвшииъ онаго даже и въ самыхъ
оковахъ,

оковахъ , или единый спрахъ наемной военной силы въ соспоянїи его принудишь къ великодушному перпбнїю. Но и тогда неограниченный во власпи Государь бываетъ обыкновенно злощаснымъ , и гораздо нещасливѣе , говорю , того , котораго воля обуздана узами Государственныхъ законовъ. Оный окруженъ опвсюду своими Государственными миниспрами , изрекающими ему повсечасно испинну ; онъ имѣетъ окрестъ себя сильныхъ людей , кои не имѣютъ права вовсе подвергать себя прошивнымъ его повелѣнїямъ ; имѣетъ предъ собою законы , кои безъ опасности и безъ немалаго сопрошивленїя преспуишь онъ не можетъ. Всѣ сїи власти , ограничивающїя волю его , сохраняющъ вкупѣ и его собспвенную безопасность. Онъ не учинишь никогда несправедливымъ , и не покусишь прикоснушь какъ къ имѣнїю согражданъ своихъ , такъ и къ самой жизни собспвенныхъ его рабовъ когда либо , пошому что не доспигаешъ онъ никакъ сего намбренїя безъ того , чтобъ не помрачишь сильно славы своей , или безъ спруднѣйшаго преодоленїя , сказашь лучше , наивеличайшихъ препяпствїй. Онъ научаетъ довольно изъ самыхъ опышовъ , что шѣ

И. 2

шюкмо

шкмо граждане будущь ему повинова-
 ваясь, кои горящъ любовію къ своему
 Государю; а чшобъ приобрѣсти любовь
 сію, то долженъ онъ непремѣнно учи-
 нить оныхъ благополучными прежде,
 и что не въ силахъ при томъ онъ содѣ-
 лать народъ свой щастливымъ, когда
 не будетъ трудолюбивъ, милосердъ и
 правосуденъ онъ самъ. Многія дѣла,
 служащія Восточныхъ справъ Само-
 державцу шулкою и самымъ препро-
 вожденіемъ времени, поколебали бы
 безсомнѣнія едиными шкмо мыслями
 всю душу такога Государя, кошорый
 памятуешъ безпрестанно, что величе-
 ство его на всеобщемъ почшеніи, а
 оно на собшвенной его добродѣтели
 имѣетъ непремѣнное основаніе: ибо,
 что предприемлетъ спокойно ширанивъ
 въ Визаншїи, и съ вольнымъ духомъ по-
 велѣваетъ производить въ дѣйство, то
 не имѣло напрошивъ шого подобное шому
 ослабленіе Государственнаго министра,
 или самое укрощеніе въ усиліи каковаго
 либо подозрѣваемаго знашнаго граждани-
 на, никогда еще доселѣ доступа къ мы-
 слямъ Короля Скандинаваянъ.,,

Въ семъ мѣстѣ пресѣкъ *Алфредъ*
 разговоръ велеречиваго оратора. „Я при-
 мѣчаю, сказалъ онъ, что *Амундъ* не
 имѣетъ вовсе благосклонности, какъ

ко

ко власти большихъ людей въ Государствѣ, такъ и къ самому даже самодержавію Государей. Но знаешь ли онъ такое Государственное правленіе, гдѣ бы всѣ власти вообще содержали другъ друга взаимно въ надлежащемъ равновѣсіи, и чтобъ Государь былъ безопасенъ шамъ совершенно отъ всякаго неповиновенія и самаго возмущенія, а подданныя отъ прищѣненія? Я, читая исторію, нашелъ помнишь негдѣ, что правленіе въ Государствѣ счищается по лучшимъ, въ которомъ владычествуетъ добродѣтельную пушеводительство; Государь ли бы то былъ, знашныя ли особы, какъ въ Спаршѣ, или наконецъ народъ, какъ въ Римѣ, все едино. Гдѣжъ напрошивъ того Владѣтель оный неправосуденъ и погруженъ въ безднѣ пороковъ, то не утверждаю я того вовсе, чтобъ и Государство то было благополучно совершено. Таково то было при худыхъ Кесаряхъ въ Римѣ, при неистовомъ народѣ въ Афинахъ и при прищѣсившихъ сильно знашныхъ въ позднѣйшія времена Республики Спаршанской; когда состояніе Государства не въ силахъ уже было никакъ отврашить зловерныхъ слѣдствій на порочныхъ побужденіяхъ утвержденного правленія.,

По окончаніи сихъ словъ, *Амундъ*, преклоня низко главу свою предъ Королемъ Саксонскимъ, отвѣщивалъ ему на шо слѣдующимъ образомъ: „*Алфредъ* любилъ истинну, знаю я, началъ говорить онъ паки, и будетъ охотно слушать оную, хотя бы что и прошивно казалось мыслямъ его въ предложеніяхъ ея; но шого бышь не можешъ вовсе, мнишь мнѣ: ибо, кшо ищешъ шо, шотъ всегда и находишь сіе непремѣнно. Хотя впрощемъ все вообще, что ни управляемо шокмо смершными, совершеннымъ никакъ названъ и не можешъ; но сильно однакожъ бываешъ припомъ внушеніе образа правленія челошбу, въ разсужденіи нравовъ народныхъ и самаго владычешвованія Государей. „

„Мною испытано и доказано уже довольно, продолжалъ говорить *Амундъ*, все злоупотребленіе независимой ни ошъ чего самодержавной власши. Въ рукахъ *Алфреда* будетъ она безспорно для всѣхъ благословеннымъ даромъ неба; но многихъ ли подобныхъ *Алфреду* производитъ въ свѣтѣ высочайшее Определеніе? Премудрость должна охранять законодавца непремѣнно, дабы недосшойное чашо, подобное *Саломону* не опровергнуло наконецъ всего, что ни соорудила шокмо удрученная мудрость

мудрость родителя. Ей не слѣдуетъ нимало оставяя судьбу народа на произволъ часто случающимся слабымъ причинамъ, кои дѣлаютъ опростя Самодержавца вовсе неспособнымъ, или и того еще хуже, нехотящимъ пецись о пользѣ собственно принадлежащаго ему. Преждевременная смерть премудрѣйшего и добродѣтельнѣйшего Государя можетъ легко оставить малолѣтнаго опрока въ рукахъ такихъ женъ и такихъ нерадивыхъ евнуховъ, въ коихъ нѣжное сіе произраспеніе, неуспроенное еще довольно ни въ какой добродѣтели, утвердился сильно ко спяжанію всякаго порока: таковому недостойному не должно слѣдовательно имѣть свободы и способности, учинися современемъ бичемъ Божіею правосудія, шому самому, говорю, которой Онаго намѣстникомъ бытъ долженъ. „

„Я знавалъ нѣкопорою народъ, народъ весьма добродѣтельной впрошчемъ, и во веѣхъ похвалу заслуживающихъ качествахъ довольно успѣвшій; оной впалъ мало помалу непримѣтными споами въ сосщояніе непорядочной Аристокраціи, которая была вкупѣ и Государствомъ насщоящаго смущенія. Онъ присвоилъ власть въ ономъ

И 5

одному

одному себѣ, разсуждашь и судишь сперва о общесшвенной пользѣ всего поѣскольку; самонравный упрямецъ, или подкупленный корысполюбедъ, могъ попомъ оспановишь свободно все колесо правленія въ послѣшномъ онаго обращеніи, надъ коимъ цбляя сотни шысящъ благородныхъ шрудились безпрешанно прежде; и наконецъ дошло до шого даже, что самыя законы учинились несносибе гнусѣйшихъ пороковъ, и возмушеніе содблалось непремѣннымъ слбдствіемъ законовъ сихъ. Всѣ добродѣтели Государя и благородныхъ людей въ Государствѣ исчезли шамъ предъ народомъ, пошому что безпорядокъ учинился шогда правымъ, а насшоющій порядокъ досшойнымъ предлогомъ къ смущенію. Сосбдсшвенныя Владѣльцы, видя безмѣрную немощъ Государства шого, раздбляли спокойнымъ образомъ оное по себѣ, наподобіе брашій, дблящихъ поля ихъ родишеля, и неблагодарныя подданныя, коимъ узда законовъ казалась прежде несотною, досшались злощасшною жершвою игу необузданной ничемъ влашпи. Не премѣненіе нравовъ однакожъ, и ниже какой недосшашокъ въ добрыхъ правишеляхъ, говорю, имѣли участіе въ погибели сего сильнаго народа; но
самъ

самъ оной подвергъ себя таковому
безумному пошупку самопроизвольно.,,

„Итакъ, безсомнѣнія зависить все
опъ достойнаго попеченія премудраго
законодавца, понеже оному слѣдуетъ
размѣрить всѣ части Государства споль
вѣрно одну предъ другою, чшобъ каж-
дая изъ нихъ служила другой испин-
нымъ равновѣсѣмъ, дабы сила одной
не превышала всѣхъ прочихъ вкупѣ,
но единаябъ общественная польза всѣ
оныя силы приводила непремѣнно въ
совокупное согласіе. Таковое положе-
ніе Государства сохранишь весь на-
родъ отъ сильнѣйшихъ ударовъ, кои
прочія Государства часто превраща-
ють въ развалины: оно освободишь
честь и спешаніе каждаго гражданина
отъ всякой опасности, погибнушь
чрезъ кого либо изъ сильныхъ, или
чрезъ различныя предразсужденія за-
блуждающаго въ немъ множества не-
вѣждъ, и увеличитъ совершенно силу
Государства, не допуская членамъ онаго
упражняшя въ прошивополагаемыхъ
учрежденіяхъ, совокупя ихъ въ шо са-
мое средоточіе, кде бы служило общимъ
всѣхъ частней соединеннаго желанія.,,

„Амундъ, сказалъ потомъ Алфредъ,
думаетъ, надѣюсь, наславляшь меня
наподобіе врача, кошерой спараетея
ясно

ясно доказывать болящему, сколь бы полезно было ему вспомоществующее средство, чтобъ распалаящее могло охлаждать, охлаждающее разгорячать, разслабленное укрѣплять и окрѣпчалое размягчать, и чтобъ все то помогало припомъ прошивополагаемому злу. Легко бы можешь быть и удалось ему меня увѣришь въ томъ, что таковое средство есть знаменитѣйшій даръ милосердаго неба; но трудно будетъ ему весьма изобрѣсть лѣкарство сему подобное.,

„Природа, сказалъ на то *Амундъ*, улыбувшись припомъ приспойнымъ образомъ, произраспила средства, къ вспомоществованію немощамъ нашимъ служащія, совершенно смежными съ нами; но долгъ смертныхъ пребуеть шокмо познанія въ употребленіи оныхъ. Государственное законоположеніе, испребляющее большую часть общественнаго зла, есть врожденнымъ всѣмъ Нѣмецкимъ и на Сѣверѣ живущимъ народамъ; оно происходитъ изъ самой сокровенной древности, и извѣстно было даже Геруламъ, кои превосходили въ томъ самихъ Римлянъ, да и понынѣ еще соблюдаемо по въ Скандинавіи; но Саксоны отошли отъ шого далеко. Сіе дѣло былобъ досшойно поцсшинѣ *Алфреда*, дабы

дабы воспановишь паки шакое учрежденіе, при коемъ предки Саксоновъ были свободными, храбрыми и сильными предъ всѣми ихъ непріятелями. „

„Я знаю при рода учрежденія въ Государствѣ, кои всѣ вкупѣ народъ, народъ многочисленной, разумѣю, существенно соспавлять должны: ибо въ малолюдномъ Государствѣ Государь несполько нуженъ, сколько въ прошиво-полагаемомъ ему; въ ономъ находипся множесство дѣлъ, кои пребующъ непремѣнно вспомошесствуемы бышь и немалымъ числомъ помощниковъ; но шакъ однакожъ припомъ, чшобъ разсмотрѣніемъ многихъ разрѣшаемо было всегда сомнѣніе въ нихъ безъ вреднаго вовсе продолженія. Большее Государство обя-зано имѣшь слѣдовашельно много людей именишѣйшаго знанія, и доспавляющъ случай къ воспринятію величайшей власши гражданину, дабы законы могли ѡмъ служишь вмѣсто надлежащей узды; емужъ подобаетъ непременно содержать и великія войска. Но и сіе, говорю, учинило бы скоро полководца гражданиномъ, возѣмѣвшимъ на своей споронѣ весь перевѣсъ: ибо, Римъ пошерялъ совершенно все равновѣсіе шогда, когда получилъ онъ владѣніе надъ весьма распроспраненными обласщами, и началъ содер-

содержать у себя многочисленные легионы, чему неложнымъ примѣромъ служишь могущь, *Склла*, *Помпей* и *Юлій* Кесарь, кои учинились спрашными наконецъ безсильнымъ законамъ онаго. „

„Государю долженствуешь, слѣдовательно, непремѣнно управляшь большимъ народомъ; исполненіе власти, управленіе войскъ и посредствіе съ другими народами, словомъ, все, что ни пребуешь шокмо поспѣшнѣйшаго заключенія, самое даже избраніе войны, или мира, должно бышь предоспавлено ему единому. Законы должны владычествовать подъ его именемъ; ему слѣдуешь назначать судей, потому что онъ есть сущій источникъ всего дворянства и чести; онъ избираетъ людей къ различнымъ званіямъ; его намѣреніе должно клониться безпрестанно къ учрежденію полезныхъ законовъ и ко всѣмъ вообще величайшимъ предпріятіямъ для его подданныхъ; народъ долженъ подкрѣплять его всевозможными своими силами, содержать блескъ величества Двора его, утверждать Государственный законъ прошивъ своихъ согражданъ, награждать полезныхъ художества, и вспомоцествовать спраждающимъ заслугамъ. — Онъ обя-

обязанъ оспавлять Государство свое въ надлежащемъ спокойствіи слѣдующему по немъ преемнику; пошому что всякое избраніе ослабеваешь правленіе Государя при избираемомъ владѣніи до тѣхъ поръ, покуда не останеться ему ничего болѣе, кромѣ одной наружной пышности престола; его особа должна бышь освященною, должна охраняема бышь законами отъ всякихъ ругательствъ и отъ всякаго насилія; и какъ на сохраненіи его основывается все спокойствіе цѣлаго Государства, то огорчаешь пошъ непременно величешво всего народа, кшо възспаешь на законнаго своего Государя, коему народъ поручилъ предспавлять въ лицѣ своемъ достоинство всего общества.,

„Самыежъ сіи законы должны защищать и Государя непременно; но самъ собою не долженъ онъ нимало искашь въ пошъ каковаго либо права, понеже власшь его былабъ безъ шого каждому гражданину весьма превосходною; онъ учинился бы вскорѣ Самодержавцемъ и ширанномъ даже, когдабъ могъ самъ наказывать, и самъ захвапываешь имѣніе, нападая на особу шого, отъ котораго считалъ бы онъ бышь себя обиженнымъ. Напротивъ шого, самъ онъ долженъ бышь загражденъ совершенно въ

въ достоинствѣ его всею силою законовъ отъ нападенія преступниковъ, кои гораздо болѣе, нежели думаютъ многія, колеблютъ пвердоспъ основанія правленія, отъвемля у шого всю довѣренность народа, коему поручено попеченіе о общеспвенной онаго пользѣ. Мѣд-лишельно весьма раздувается огонь клеветущій, кошорой наконецъ, когда уси-лился чрезвычайно, когда заразилъ сердца большей часпи подданныхъ, превраишся въ пожирающее все безъ пощады пламя; а припомъ, и никогда не низвергаешся Государь безъ шого, чшобъ не ослабевало шо, сильно вкупѣ и Государшво, и не поспрадали бы сверхъ шого многія тысящи.,,

„Горестное признаніе поистиннѣ! Но всемірная Гиспорія служишъ увѣри-пельнымъ въ шомъ доказательствомъ, что Государь злоспю и пороками зараженчій гораздо болѣе имѣешъ силы, и не въ примѣрѣ защищаешъ себя лучше, нежели какой либо хорошихъ качествъ Владѣшель. Добродѣшельный Государь бываешъ часто обносимъ предъ народомъ своимъ безъ всякаго спраха, и спановишся пошомъ весьма подозри-пельнымъ оному; онъ сносишъ все шо постоянно, что терпѣшъ шокмо обык-новенно возможно; но чего и сносишъ уже

уже не въ силахъ онъ будетъ болѣе, шо, прибѣгая наконецъ къ весьма мешкапной помощи законовъ, не находишь въ оной никакого уже себѣ вспоможенія тогда, когда единожды большее число гражданъ, зараженныхъ различными предразсужденіями, желаютъ его совершенной гибели. Напротивъ того Государь, преисполненный коварствомъ, знаетъ во всѣхъ Государственныхъ учрежденіяхъ множество средствъ, обратишь оныя чрезъ судей на свою сторону, уловишь боязливаго примѣромъ своего мщенія, алчнаго распочаемыми сокровищами и честолюбиваго возвышеніемъ на степеняхъ чести; онъ употребляетъ сплошь шакія средства, кои добродѣтельный презираетъ обыкновенно, и кои къ величайшей пагубѣ смертныхъ дѣйствуютъ съ непостижимою силою. Ишакъ, чшобъ соблюсти навсегда Государя добрыхъ качествъ, и учинишь его достойнымъ предъ народомъ, шо законы должны непремѣнно пецись о томъ усердно, укрощая всегда строгими наказаніями гласъ своевольной клеветы: ибо, чѣмъ вольнѣе народъ въ Государствѣ, тѣмъ нужнѣе необходимостъ сей защиты, безъ чего не можешь удержашъ Государь силы, пошребной къ управленію путемъ Государства.,

Часть Пя.

I

Ал-

Алфредъ, улыбнувшись при послѣднихъ сихъ словахъ, сказалъ потомъ: „Амундъ печется, вижу я, о славу моей памяти; но надѣится ли онъ принудить гласъ испекующей истинны къ совершенному безмолствію, коя возстаетъ обыкновенно противъ порочныхъ Государей, наставляя припомъ гражданина, предупредая заблаговременно всякое зловерное поползновеніе на общественную безопасность, и прошившись всячески приращенію пагубной власти въ Государствѣ?“

„Дѣла порочнаго Государя, ошѣбшествовалъ на то Амундъ, возгласяшъ противъ его несравненно громче, нежели самыя уста ненависти. Когда основательные законы довольно пребываютъ швердыми, когда всѣ условія удословѣрены непоколебимымъ себѣ подражаніемъ, къ коимъ Помазанникъ долженъ быть привязанъ неразрывными узами, и когда прощихъ силъ власть изображена живо, тогда Государь не въ силахъ будетъ никакъ усилився, и вознесшись выше законовъ безъ шого, чшобъ не огорчить чрезъ то сильно прощихъ власти Государства, и чшобъ не обнаружитъ припомъ предъ просѣйшимъ гражданиномъ стремленія его въ предѣлы общественныхъ законовъ.“

новъ. Хошя впрощемъ порочнѣйше Государя и менѣе бывающъ подвержены злословію, пошому чшо непремѣнное мщеніе угнѣшаетъ жалобы и самыя даже прихѣсенныхъ; но народъ чувствуетъ тогда шѣмъ болѣе шажеспи, чѣмъ сильнѣе погружается оной въ безмолствіе, понеже еспь совершенная межа, чрезъ кою Государь безъ шого никогда прешуишь не можешъ, чшобъ не вооружилъ прошивъ себя вкупѣ всѣхъ силъ Государства, и чшобъ не быль наконецъ низвергнушу конечно. Миѣ легко можно привеспи въ примѣръ шеперь много шаковыхъ Государей, кои за одно выпущенное изъ успѣ слово наказывали двумя шысящами фуншовъ злата, а явныя жалобы удовлетворяли единымъ шокмо молчаніемъ, и въ Государствахъ коихъ кромѣ гласа ласкашельства ничего другаго не слышно было вовсе. Они, нападая на себшвенныя свои Государства со споронъ основательнѣйшихъ учреждений въ оныхъ, низпадали вдругъ въ бездну злощасшя ошъ совокупныхъ силъ всѣхъ на части раздѣленныхъ подданныхъ, кои прихѣсняя прежде другъ друга, соединялись пошомъ поспѣшно между собою прошивъ общего ихъ врага.”

„Амундъ, сказалъ на то благоразумный Алфредъ, предлагаешь мнѣ теперь удобной случай, учинишь себѣ еще весьма важный вопросъ. Пусть откроетъ онъ мнѣ нынѣ, когда начинаешь Государь подвергаться опасности право свое къ пресполу, и гдѣ есть рубежъ шотъ, копорой пресступашь принужденъ онъ бываетъ, когда народъ его возвѣмѣтъ право къ низверженію онаго? Амундъ забылъ конечно, продолжалъ говорить Король, что слабости Государя безмѣрно различны въ величинѣ ихъ, и что и самой народъ даже не соспавляетъ нимало вспомошествовающаго въ шомъ посредника, копорой бы зналъ размѣрять исправно всѣ сіи недоспашки. Когда подданныя начнутъ обличать наимаѣйшую погрѣшность въ Государѣ своемъ, шо никакое правленіе не будетъ уже шогда швердо: ибо, каждый Власпелинъ подверженъ различнымъ слабостямъ, и предразсужденіе, или самое корысполюбіе, сказашь лучше, можетъ нерѣдко опкрышь народу величайшіе въ немъ пороки, гдѣ часто напрошивъ шого одѣнъ шокмо добродѣтели обипаюшъ. Но когда шверженъ будетъ совершенно шакон союзъ между Государемъ и его подданными, копорой бы предоспавлялъ оному

право

право во владычествованіи пошудова, покуда исполняешъ оубъ полько насшодшимъ образомъ, всѣ условіи, подшверженныя имъ кляшвою; а народъ освободаль бы оубъ подобающаго повиновенія своему Власшелину, сколь скоро обязашельство сіе не исполнено будешъ имъ во всякой шочности; и ешълибъ наконецъ шаковде взаимное условіе сшспавляло всегда сущее основаніе закона всѣхъ правленій вѣ свѣшъ, шо сожалѣю я искренно сколько о Государѣ, восходящемъ на прешолъ шполь колеблющейся, а неменѣе и о народѣ, которой безпрешанно сѣ чрезвычайнымъ насшліемъ и пролиштемъ множешва крови, паденіе одного и избраніе другаго Государя паки, покупаешъ за дорогую цѣну принуждекъ бы былъ, изъ коихъ послѣднего подобнымъ же образомъ низвергнушь нашель бы причинъ довольно, какъ и перьваго.»,

„Ешълижъ напросивъ шого Государѣ, безопасно пришѣсняшь можешъ народъ свой, и изъ онагобъ никшо, подѣ предлогомъ всѣобщаго спокойшвія, не дерзалъ прошивишся его насшліемъ; когда несносными налогами опшемлешъ оубъ нужнѣйшее пропитаніе сирыхъ, и обнаженныхъ оубъ всего гражданъ засшавляешъ помираешъ сѣ голоду, для насшщенія един-

ешвенно своихъ безмѣрныхъ прихотей;
 когда спремится онъ всѣми силами
 самопроизвольно на похищеніе вольно-
 сти и самую жизнь своихъ поддан-
 ныхъ, заключаешъ въ шажкія оковы
 обвиняемаго, не выслушавъ прежде онъ
 онаго оправданія, и предаешъ его попомъ
 смерти, не облича вовсе пресупленія,
 чрезъ обращенныхъ на свою сторону су-
 дей; когда попираешъ онъ ногами честь,
 презирая достоинство и заслуги луч-
 шихъ его гражданъ, и разрушая древ-
 нія судебныя мѣста народа; и когда,
 говорю, стараешся онъ испреблять въ
 конецъ спонъ спраждущихъ и убѣди-
 тельнѣйшія впечатленія предохраняю-
 щей онъ всего истинны суцимъ своимъ
 презрѣніемъ и различными припомъ
 испязаніями: шо слѣдуешъ ли по всему
 тому безчисленнымъ милліонамъ лю-
 дей пребывать вѣчно злощастными,
 для шого шолько, что одинъ изъ
 смертныхъ неправосуденъ? Развѣ все-
 вышній Творецъ благоволилъ сотворить
 сіе несмѣшное число для единого шок-
 мо человекъ? Развѣ благополучіе шок-
 ликихъ штысящъ не должно имѣть
 никакого равновѣсія противъ глупой
 воли единого шокмо несмысленнаго?
 И развѣ вольные граждане, допуская
 себя умерщвлять наподобіе невинныхъ
 агнцевъ,

агнцевъ, должны еще припомъ лобы-
зашь руки ихъ убійцы? Ахъ, нѣшъ!
По симъ шо самымъ причинамъ и слѣ-
дуешъ найшцъ непремѣнно, кажешся
мнѣ, настоящую межу, копорая бы
всякое законное сопротивленіе оправ-
дала совершенно, и причемъ бы Госу-
дарь могъ щеряшъ право, оставашся въ
безпреспанномъ довольствіи всѣхъ его
преимуществъ. Но извѣспенъ ли подно-
шакъ предѣлъ возлюбленному моему
Амунду? „

„Трудно, премудрый *Алфредъ*, ска-
залъ ему на шо благоразумный мужъ сей,
весьма трудно, поистиннѣ, прощянушъ
рубежъ сей; но не смотря на шо одна-
кожъ, долженшвуешъ бышъ шо испол-
нено. У самыхъ крошкыхъ народовъ,
у самыхъ робкихъ *Сбряднъ*, говорю,
ешъ шакъая межа, кою прешупя
нѣкогда *тшей*, низвергнушъ былъ за
шо послѣ добродѣшельнымъ *Вуван-
гомъ*. Сей великій мужъ, преклонясь
на пронцающій гласъ неба, приспу-
нилъ наконецъ къ исполненію важнѣй-
шаго сего предпріяшя: „Онъ, го-
ворилъ оный припомъ. Онъ, самый
штенъ, повелѣваешъ мнѣ непремѣнно
защитишъ и избавишъ землю ошъ на-
силія пришѣсняющаго родъ смертныхъ
шпирана. „

„Къ означеніюжъ рубежа сего, есть шокмо единое средство, шо есть, подробнѣйшее составленіе основанія законовъ и всѣхъ предѣловъ Государской власпи: какъ шо на примѣрѣ, когда Государь, не имѣя вовсе права налагать никакихъ излишнихъ поборовъ на своихъ подданныхъ, дѣлаетъ оное не смотря на все шо; когда не долженъ онъ присвоить себѣ права въ чемъ либо самъ собою, но при всемъ томъ по собственной его волѣ, захващывая подвластныхъ ему, заключаетъ въ пещицу, и повелѣваетъ лишать жизни оныхъ; когда учреждаетъ онъ такіе законы, кои не признаются достойными ни отъ его боярѣ, ниже отъ избранныхъ людей въ народѣ; когда ослабѣваетъ онъ чрезъ самопроизвольное упущеніе заслуживаемыхъ наказаній шѣ законоположеніи, кои получили силу свою отъ всѣхъ законами подтвержденныхъ власпей; когда спараетъ онъ препяшествовать намѣреніямъ и заключеніямъ прошчихъ власпей въ Государствѣ; и когда шщитъ онъ опровергать, сабдовашельно, все основаніе Государственныхъ законовъ: шогда, шогда шо, говорю, уничтожаетъ онъ непременно самъ принадлежащее ему право общенароднаго къ себѣ повиновенія; онъ

шребляшь слѣдуешь, покуда не останешся уже никакого инаго средства болѣе къ спасенію отъ онаго всего Государства. „

„Немалое то еще для людей благополучіе, поиспичишь, что онѣ невдругъ достигаютъ крайней степени злости, что сила просвѣщенія и страхъ слѣдствія, не допускающъ ихъ погружаться скоропоспично отъ добродѣтели глубоко въ бездну порока, и что спыдъ обучаетъ ими по снененіямъ при учиненіи величайшихъ преступленій. Государь можешь, слѣдовательно, при столь соразбрномъ законоположеніи Государства въ пагубномъ печеніи его закоренелости удержанъ бышь по большей части различными представленіями, законнымъ сопротивленіемъ присовокупленныхъ къ нему власшей, разными знаками всеобщаго неудовольствія и самымъ даже внушеніемъ о томъ его зловернымъ приближеннымъ; почему весьма рѣдко произойдешь въ шаковомъ законоположеніи Государства жалоспная какая либо необходимость, копорая бы принудила вооружитъ народъ противъ того, за коего впрошчемъ долженъ оной жертвовать своею жизнію. Но во злѣ погруженныхъ, безъ всякаго равновѣсія колеблющихся и никакими сущеспвенно основательными законами неподкрѣпленыхъ

ныхъ Государствахъ, бывали такіе мучители, въ крови коихъ принужденнымъ бывалъ народъ искашь своей единой безопасности. Таковымъ было начало военной власти Римскаго господства и лицемѣрной полишики, гдѣ хотя и пребылъ впрощемъ видъ Республики, но привсемъ шомъ вся власть и сила зависали шокмо отъ спрашнаго меча преторіянскихъ салдашъ и прочихъ легіоновъ. Таково шо есть безспорно и въ Визаншїи, гдѣ никакіе предѣлы не ограждають нимаго Государя, гдѣ воля его производитъ настоящее дѣйствіе безъ всякой помощи законовъ, и гдѣ ничто не препятствуетъ ему предпринимать все, шакъ какъ и ничто не защищаетъ снаго противъ силы опчаянїя прїтѣсенныхъ. Устрашаемый гнѣвомъ евнухъ и лишенный до스포инства своего полководецъ, знаещъ довольно, что неменѣе подверженъ онъ опасности въ рабскомъ своемъ повиновенїи Государю, какъ и при самомъ его возмущенїи противъ онаго; что онъ не законы и не народъ, но шокмо единаго Властелина непрїателемъ себѣ имѣеть, и спрашнтся его всегда долженъ, и что наконецъ оспается ему еще нѣкошорая надежда, шо есть, вонзшъ острїе мешала въ сердце судїи своего,

своего, прежде нежели смертоносный мечъ капна прекрашитъ дни его, можешъ бышь: онъ покушаешся пошому на сѣе не вовсе еще безнадежное предпріятіе, и часшо, весьма часшо низлагаемъ бываешъ Государь, пошому шолько единшвенно, что онъ все имѣлъ въ независимой ни ошъ чего своей власши, что никакая сила законовъ не обуздывала и не воздерживала его низпасшь въ бездну непрекрашимой никогда уже напасши, и что всѣ законы защищали его гораздо слабѣе, нежели защищали они его подданныхъ. „

„Ишакъ, рѣдко, и шо въ цѣлыхъ развѣ сполѣшнѣхъ, учинишся ограниченной во власши Государь подобнымъ злодѣемъ самъ себѣ, преодолѣвъ всѣ препятствіи, наруша всѣ законы, и произведя шакія насиліи, кои бы довели подданныхъ его до совершеннаго опшчаянія, безъ чего бы никогда не вознамѣрились онѣ приступишь къ спрашному низверженію законно на своемъ пресполѣ сидящего Государя; часшожъ напрошивъ шого и припомъ по самымъ маловажнымъ причинамъ, случающся подобныя перемѣны съ самодержавными Государствами. Въ самой даже просвѣщенной Визаншн, гдѣ Христіанское благо-

благочестіе учить первѣнью и покорности, и гдѣ многосильные духовные, порабощенные по большей части помазанной Главѣ, удерживающъ всякое спремленіе народнаго волненія, и шамъ, говорю, владычешвуеѣ, можетъ бытъ, пятидесятое уже Императорское ксѣбно на престолѣ съ того времени, какъ первый Кесарь началъ приѣснять вольность; а у дикихъ Воспочныхъ спранъ жиселей и давно уже низлагаетъ одинъ мучитель другаго, себѣ подобнаго, слово какъ вихремъ влекомыя облака прогоняющъ другъ друга взаимно въ Царствѣ воздушномъ. „

„Другая власъ въ уравненномъ таимъ образомъ Государство положеніи еѣтъ безсомнѣннѣ дворянство; и хопя *Алфредъ* подозрѣваетъ, можетъ бытъ, *Амунда*, продолжалъ говорить сей разумный мужъ, что онъ великій яко бы неприятель оному; но *Амундъ* началъ бы самъ себѣ противоречить въ помъ: ибо, самъ онъ обязанъ много преимуществамъ и почестямъ своего рожденія, кои каждой просполудинъ весьма неохотно оказываетъ благородно рожденному. Родъ дворянства не еѣтъ впрошчемъ пустая выдумка Грековъ, или ученыхъ Египтянъ, ниже премудрыхъ Серянъ, оно
при-

признаваемо было и въ Римѣ происхожденіемъ древнихъ ироевъ; но преимущесствъ онаго искашь должно болѣе на Сѣверѣ, гдѣ первоначальный дворянинъ былъ совершенно храбрый ратникъ; дѣти его слѣдовали безпрестанно по его стопамъ, и единое спараніе многихъ послѣдующихъ однѣхъ за другими безпрерывно поколѣній была шокмо война. Чрезъ продолжавшееся въ важныхъ дѣлахъ всегдашнее упражненіе, кое преподавало военное мужество и величайшее изощреніе въ оружіи попомощву первыхъ ироевъ, приобыкъ скоро народъ различашъ усердѣйшихъ защитниковъ отечества отъ шѣхъ людей, кои пасли шолько спада, обрабошывали землю, и въ управленіи орудіемъ менѣе были искусны, менѣе спрашны, и въ безпрестанныхъ браняхъ жившимъ ордамъ къ оборонѣ менѣе нужны были.,,

„Но шѣмъ паче и сильнѣе ушвердилось преимущесство дворянства, когда сперва Императоры Римскіе и Визаншійскіе позднѣйшихъ времянъ уступили поселившимся военнымъ людямъ на предѣлахъ дикихъ народовъ собшвенныя свои земли, съ шѣмъ условіемъ, чшобъ они оспались навсегда при упошребленіи оружія, и защищалибъ без-

безпрешанно сѣи границы Государства; чрезъ шо самое учинилось наконецъ цб-лымъ семьямъ непремѣнною должно-стїю, упражняшя всегда въ военномъ искусствѣ, а неопшемлемое опъ нихъ никогда жалованное имъ въ роды родовъ полное управленіе надъ участкомъ каждому принадлежащемъ, доставляло имъ великое преимущество предъ прочими гражданами, коихъ дѣши теряли весьма часно свои владѣніи, прїобрѣтаемыя безмѣрными трудами ихъ родителей.»,

„Несравненно однакожъ болѣе увеличилось различіе дворянства опъ прошыхъ людей тогда, когда въ безпрешанной войнѣ обращавшіеся народы покорили другихъ, гораздо слабѣйшихъ предъ собою, когда все побѣдоносное войско раздѣлило по себѣ завоеванныя земли, и оставило побѣжденнымъ жизнь на весьма жестокихъ условїяхъ, обрабашывашъ собшвенную оныхъ землю, на коей бы побѣдители безъ труда и въ праздныхъ упражненїяхъ будучи, всегда безпрепятшвенно жить могли. Таковыми шо учинились Сарматы, коихъ вѣчными рабами сдѣлались древніе слабые жители величайшихъ странъ и обласней, обвѣзженныхъ мною въ жизни моей и лежащихъ на Сѣверныхъ предѣлахъ Азіи и Европы.»,

„Дворян-

„Дворянство имѣетъ впроцѣмъ совершенно свои выгоды въ Государствѣ; воздержаніе отъ всѣхъ низкихъ упражненій, нѣжное ощущеніе чести, сильное ободреніе, происходящее отъ надежды къ достоинству, и самое врожденное высокоуміе, основанное на заслугахъ предковъ каждаго, возноситъ духъ благородныхъ, а благополучное состояніе оныхъ доставляетъ имъ совершенную и отъ чего независимость и внушеніе, до чего рукоблещникъ, или какой либо промышленникъ попрошивъ шого съ величайшимъ трудомъ достигнуть можеть. Всѣ сіи преимущества, слѣдовательно, долженъ премудрый законодавецъ такъ употреблять знать, чтобъ дворянство, какъ Государство защищать, такъ Государя подкрѣплять и отъ простаго гражданина всѣ несчастія отворачивать могло свободно. „

„Алфредъ позволилъ, надѣюсь, върному своему рабу открыть себѣ истинну, что между Англо-Саксонами его имѣетъ дворянство слишкомъ много преимуществъ, кое причинилъ конечно со временемъ немалой вредъ всему Государству; попрошивъ шого просые граждане составяють народъ гораздо свойственнѣе, и когда каждый гражданинъ имѣетъ неоспоримое право
ожи-

ожидашь онъ Государственнаго законоположенія шoliko благополучія, колико шокмо возможно, шо совершенно не наслаждаешься, говорю, проспой Саксонецъ сими преимущесшвами. Онъ не можешь никогда достйгнушь до вышнихъ степеней чести, и не въ силахъ даже жершвовашь самопроизвольно своимъ спешаніемъ въ случаъ нужды Государшву; Государь предписываешь подашь дворяншву, а оное возлагаешь пошомъ все бремя на проспой народъ, кое, ошпоргая онъ себя, раздбляешь его по немъ по собшвенному лишъ своему производу. Вся земля въ Англіи зависитъ онъ одного дворяншва, а земледблецъ ешть онаго ошкупщикъ шокмо; пропитаніе шрудящегося, жизнь дбшей его и самое даже посяженіе оныхъ, зависятъ непосредшвенно онъ неисповыхъ приходшей дворянина., (*)

Часть IIя.

К

„Не

(*) Хотя между Саксонами и находились шакже шакъ имянуемыя полувольныя люди, изъ коихъ однъ были шакія, кои исправляли работу, возлагаемую на нихъ, одною сохою, и назывались (Socpen), изъ числа кошорыхъ, правда, немногія шокмо принадлежали дворянскому общесшву, потому что безъ оныхъ не моглибъ бышь производимы нижніе суды; но и сіи люди были подчинены нъкоторымъ образомъ дворяншву, понеже безъ согласія онаго не смбашь

„Не менѣе опасно также и для самаго Государя сіе полномочное дворянство. Онѣ имѣють все свое орудіе въ единыхъ шокмо рукахъ онаго, (*) каждый Графъ естъ полководецъ подчиненнаго ему народа, и проследивъ зависящъ сперва отъ знашнаго вельможи, а чрезъ онаго уже и отъ самаго

онѣ отдавать или продавать спешанія своего, и отъ негожъ, по благоразсужденію каждаго, могли бытъ безъ всякаго труда во всякое время выгоняемы изъ собственности ихъ селеній; а другія, на волю опущенныя, совсемъ вольныя люди, кои могли управлять добромъ своимъ безъ всякаго принужденія, изъ коихъ многія однакожъ по большей части предавались добровольно кровопролитію благородныхъ, служба онымъ вмѣсто наемныхъ людей, (†) и сколь ни свободны онѣ были впротчемъ; однакожъ при всемъ томъ орали и обрабатывали земли господъ своихъ.

(†) Чишай *Литтлетонову* Гиспорію *Генриха II*го томъ *III*й, страницы 186ю, 367ю и 368ю.

(*) Хотя и находящяся негдѣ слѣды тому, что въ каждомъ Графствѣ Ангаіи бывалъ прежде яко бы, такъ нызываемой (*Herotoch*), котораго вольныя сіи люди избирали ежегодно въ оное достоинство; но сіе извѣстіе при столь маловажной свободѣ народа кажется бытъ весьма невѣроятнымъ, и основывается при томъ на довольно ненадежномъ древнемъ преданіи. †)

(††) Чишай *помянутогожъ Литтлетона* томъ *III*й на страницахъ 36й и 319й.

самаго Государя потомъ. Своенравіе благородныхъ можешь легко ошягопить сонмище людей военныхъ, содблать скоро бесполезною всю ихъ службу, и пресбчь даже современемъ средства Государю содержащъ достащочныя войска. Одинъ суровый взглядъ, одно лишъ двусмысленное извясненіе въ какомъ либо предпріяшн помазанной Главы, чрезъ кои благородной сочшетъ себя ебзрасудео обиженнымъ, принудящъ бессомнѣннй Графовъ обратишь оружіе и противъ самаго ихъ Государя; а просшыя люди, пребывающія въ полной власти дворянства, имѣя отъ онаго всѣ пода свои, и получая отъ негожъ все свое дневное пропитаніе, будущъ служить съ охотою оному прошивъ законнаго ихъ Властелина, кошораго не знаютъ и не постигаютъ онѣ иначе, какъ токмо чрезъ однѣ приказанія настоящихъ ихъ господъ. „

„Сверхъ того, имѣешь дворянство въ полной своей власти и управленіе всемъ правосудіемъ въ Государствѣ; шѣ самыя люди онаго, разумѣется подѣ симъ, кои не знаютъ никакого другаго упражненія, кроме одного рышпанія на ловаѣ и управленія оружіемъ, шѣ, говорю, кои презирають вовсе науки, и собшвенной произволь ихъ посшавляють въ образѣ настоящихъ

законовъ тогда, когда бы оныя запрошивъ того укрощать должны были всячески ихъ волю и всѣ предразсужденія. И такъ, преимущество сіе отвергаетъ прослоюдина часъ отъ часу шѣмъ болѣе въ онаго руки; ибо, Графской гнѣвъ служилъ ужаснѣйшею участью для всѣхъ ему подчиненныхъ, и самая его благосклонность произнесишь попомъ дѣйствительно сама приговоръ надъ шѣмъ, которой приобрѣлъ оную прежде; а къ мужъ и весьма велики вошчины благородныхъ въ Англіи, онѣ придающъ дворянству чрезмѣрную силу къ весьма мало раздѣленной власти оныхъ. „ (*)

„ Чего ради, дворянство должно непременно приведено быть премудрымъ законодателемъ въ такое положеніе, въ которомъ бы оно какъ Государству; такъ управляющему онымъ и всему народу вообще полезно и ни единому изъ Государственныхъ сочленовъ не въ шягость было. Судебныя мѣста не могутъ поручены оному быть во все, потому что оно и безъ того имѣетъ много дѣла съ своими собственными рабами, опкупщиками и съ

(*) Читай Литтлтона томъ III, стран: 325 и.

сѣ самимъ Королемъ даже, кои всѣ могутъ опноситься до его единого правосудія. Сверхъ же всего этого, недовольногнушило оно охоты и въ самыхъ Англо-Саксонахъ къ просвѣщенію разума ихъ, чѣшобъ возможно было возложитъ на него часто случающіеся споль тяжкіе пруды, дабы извлечь изъ невѣжества сокровенное право, въ которомъ и понынѣ еще пребываетъ оно глубоко погруженнымъ; но въ судіи сѣдуетъ непременно избраннымъ бытъ такимъ людямъ, кои бы воспитаніе изосприло довольно въ наукахъ, въ познаніи Государственныхъ законовъ и въ испытаніи основанія каждой даже вещи. Таковой судія не долженъ бытъ ничемъ привязанъ къ Графству, ничего не имѣтъ собственнаго, и не бытъ никогда зараженнымъ никакими своими выгодами, кои бы всѣ правосудія могли преклонять къ кошорой либо одной изъ сихъ споронъ: познаніе о семъ, сей самый законъ, говорю, извѣстенъ былъ давно уже Серянамъ. „

„Но шѣмъ менѣе еще должна власъ оружія и все управленіе войны бытъ принадлежащими Графамъ: ибо, военныя люди соспавляютъ собою сущее спешаніе ошечества и насшоящего

отца онаго, то есть, Государя, а не Графовъ, или какого Графства; но совершенно напротивъ того могутъ благородные употреблены бытъ съ преимущественнѣйшею выгодною ко управленію отдѣленныхъ корпусовъ, сотенъ и тысящей даже, людей военнотружущихъ; искусство оныхъ въ оружіи, ихъ честлюбіе и самое врожденное въ народъ къ дворянству почтеніе, дѣлаютъ ихъ способными къ владычествованію: каждый же полководецъ, тысящникъ и сотникъ должны при томъ непременно избираемы бытъ самимъ Государемъ, не имѣя нимаалѣйшаго права по природѣ своей на достоинства до войны принадлежащія. Государю подобаетъ избирать къ тому единственно способнѣйшихъ и усерднѣйшихъ гражданъ Государства; понеже природа открываетъ во всякомъ робость и немощь, а самонравіе обличаетъ коварство и зломысліе. Просланный воинъ, сотникъ и тысящникъ, должны бытъ непременно Государевы, а не какого либо подданнаго оному люди. Но какъ управляется нынѣ Англо-Саксонія, то каждое Графство въ немъ составляетъ особый престолъ небольшого Государя, который, имѣя собственныя попеченія и собственныя при томъ выгоды, не прежде начинаетъ по-

помышлять о общественной пользѣ, куда не будешь сообразованъ она съ его собственной. Государь долженъ при томъ самъ учреждать всѣ прѣупошвленіи до войны принадлежащія, ему слѣдуетъ распоряжаться, куда каждый корпусъ идти и къ чему служить оной долженъ; онъ обязанъ не только содержать все войско, но и вооружать еще оное; единый духъ долженъ оживлять всѣ силы цѣлаго Государства, и къ единому покло намѣренію соединять все въ ономъ. „

Алфредъ слушалъ все то съ великимъ вниманіемъ; онъ ощущалъ довольно истинну доказательствъ, кои спарался объяснять ему *Амундъ*; но премудрый Монархъ сей видѣлъ при томъ ясно, что споль великая перемена во власти большихъ возбудишь непременно въ Государствѣ его общее смяшеніе, кое для него будешь весьма опаснымъ. Онъ хотя и желалъ искренно сокращить всячески распространенныя довольно много преимуществъ благородныхъ своихъ, но зналъ при томъ, что благоразуміе требовало къ тому великаго времени, а сверхъ того и совокупнаго всѣхъ часшей Государства напряженія; и хотя утвердившуюся власть въ правосудіи значныхъ его и

поколебалъ онъ сильно, подлинно, но скоро постигшая попомъ смерть не допустила довершишь полезное намъ-реніе сего премудраго Государя, похитивъ его прежде, нежели могъ онъ призвеспи шожъ самое и надъ воинскою силою, кошорою пользовались оныя неменѣе.

Между шѣмъ учинилъ однакожъ Король новое предложеніе ревностно пекущемуся о благополучіи Государства его другу своему. „Амундъ, сказалъ онъ ему, шщисся опшвергнушь власшь отъ всего дворянства въ продолженіе войны, и лишисъ его мѣспа въ Государственномъ правленіи, вижу я. Какіяжъ должности, слѣдовапельно, оспависъ думаешъ онъ благороднымъ, коими бы оныя служисъ могли съ пользою своему опечеству? „

„Алфредъ, продолжалъ говорисъ Амундъ, низко поклонясъ, долженъ сзывашъ ежегодно всѣхъ знатныхъ подданныхъ себѣ гражданъ въ одно мѣспо, и совѣшывашъ съ оными о благососпояніи Государства. Сіе имянисое собраніе да будешъ пущъ совершенно самовластнымъ; ему долженспвуешъ бышь непремѣнно непоколебимымъ, и имѣшь осчованіе свое опшверженнымъ на самомъ Государство-положеніи. Каждый годъ

годъ имѣють долгъ при начальныя власни Государства собирающа вкупѣ, то естъ, Король, благородные и избранные со стороны народа. Назначать день открытія сему общему присудствію, зависить отъ самага Государя, и емужъ единому слѣдуетъ распускашь всѣхъ сочленовъ онаго. Отъ каждаго благороднаго рода долженъ непремѣнно начальникъ на сеймѣ семъ имѣть наслѣдственной и при томъ существенной голосъ; самоежъ дворянства достоинство раздавать обязанъ Государь на всѣ послѣдующія времена, покуда продолжается шокмо колѣно мужеское. Наслѣдственное сіе право доставляетъ дворянству чрезъ то совершенную ни отъ кого независимость, которая однакожъ исчезаетъ тогда неминуемо, когда жалованныя преимущества пресѣкаются смертію съ помѣщеннымъ въ благородное сословіе заслуженнымъ мужемъ. „

„На Государственномъ сеймѣ должны бытъ предлагаемы всѣ важныя дѣла, касающіяся до Государства, сборовъ и законовъ въ сей именишой палатѣ, и никакое заключеніе сихъ прехъ вышеупомянутыхъ Государственныхъ степеней не должно бытъ признано утвердительнымъ прежде, покуда не будетъ

подтверждено дворянствомъ: къ оному должны бышь присовокуплены также и Епископы, понеже они одни почти шакіе въ Государствѣ, кои имѣющъ нѣкоторыя преимущественныя предъ прочими знанія; разбирашельство дѣлъ учинишя тогда въ благородныхъ побудишельнымъ усердіемъ, кое и самыя нравы даже содѣлашъ благородными, поощряя оныя напругашъ всѣ ихъ силы разсуждать здраво, и объясняшъ каждой вопросъ предъ ихъ свершниками. Сіе есть единое шокмо средство опвлечь благородныхъ, отъ различныхъ забавъ и безпрестаннаго упражненія въ орудіи, и приугошовишъ оныхъ къ изощренію ихъ разума, познанію Государственныхъ законовъ и гисторіи ихъ опечесшва. Присудствіе ученыхъ и знающихъ Епископовъ умножишъ вѣще сіе похвальное подражаніе; благородные вмѣняшъ будущъ за шпыдъ допускать себя управляшъ шѣми, кои гораздо ниже ихъ породю, и коихъ однѣ шокмо душевныя дарованія сажашъ къ нимъ по шпорону. Но въ шакомъ обществѣ, гдѣ единымъ шолько доказашельствомъ, или удостовѣреніемъ какого либо дѣла превзойши можно, не въ силахъ нимаго доставишъ преимущества породы никакого перевѣса между равными благородными;

родными; и кто не захочетъ покоряш-ся чужихъ мнѣнію, тошъ долженъ будешъ непременно учитья подкрѣп-лять свои подробнымъ познаніемъ дѣла и силою предложенія. Сіе доспойное раченіе произвело въ побѣдоносномъ Римѣ искусныхъ орашоровъ и великихъ миниспровъ; оно изображаетъ точное правосудіе въ Кесарѣ, цвѣшущее красно-речіе въ Тулліи и мужешвенное вели-кодущіе въ Катонѣ. „

„Я бы и того еще болѣе сдѣлалъ, продолжалъ говоритъ Амундъ, я бы не оспазилъ во власши рѣшительнаго при-говора правосудія ни Епископамъ, ни прочимъ судіямъ; а учинилъ бы имя-нишое сіе собраніе веръховнымъ при-судешвеннымъ мѣстомъ, гдѣббъ слѣдо-вали бытъ рѣшены наконецъ всѣ шяжеб-ныя дѣла, и гдѣббъ ученыя люди присуд-спвовали, а благододныя судили шокмо. Но и по зему праву дворяншва, на-дѣбуюсь я, жаждущія сердца большихъ людей спали бы помышляшть ушвер-жлать врожденныя ихъ преимущешва чрезъ большее ими познаніе законовъ, еспешешвенной справедливости и самое внушеніе и порядокъ ихъ предложенія: ибо, не сомнѣваюсь я нимало, чтобъ незнающіе благородныя, кои нынѣ дол-жны означашъ всѣ свои заключенія нарочне

нарочно вырѣзанными къ шому каменьями, не учинились бы въ печеніе крашкого времени способными управляющъ важнѣйшими дѣлами Государства. „

„Тогда то уже могъ бы Король избиратьъ безъ сомнѣнія свободно изъ сего заведенія министровъ, посланниковъ, судей и прошчихъ вышнихъ Государственныхъ служителей, коихъ нынѣ напрошивъ того долженъ онъ искашь въ священникахъ и монахахъ. Знаемые, живущіе нынѣ въ своихъ замкахъ, наподобіе удѣльныхъ Князей, привлечены бы были нечувствительнымъ образомъ ко Двору. Были бы болѣе извѣстны Государю, и чрезъ свои собственные достоинства признавали бы сами себя имъ обязанными весьма. Народъ взиралъ бы съ удовольствіемъ на раздѣляющаго сего Государя власшь свою съ паковыми мужьями, съ копорыми оной не въ равномъ рожденъ степени, и кой гораздо менѣе, нежели неблагогородно-рожденные сославляютъ цель всей ненависти согражданъ ихъ. „

„Перемѣну сію учинишь въ Государствѣ весьма неспрудно: ибо, она ошавишь неперемѣнно верховную степень гражданъ Государства на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Но что шеперь предложишь помышляю я, шо Государю моему

моему конечно покажется справедливымъ, надѣюсь, хотя Государственный сіе разположеніе, о коемъ говорю я намѣренъ, и есть самое древнѣйшее учрежденіе (*) всѣхъ на Сѣверѣ живущихъ народовъ, какъ то, Германцевъ, Скандинавлянъ, сильныхъ Франковъ и самыхъ даже Саксоновъ: и хотя перевѣсѣ дворянства всегда покорялъ себѣ народъ, уничтожая оной часто до степени сущаго рабства.»

„Наши

(*) Весьма пространно помышляешь доказывать конечно *Литтлетонъ*, что будто бы еще во времена Саксоновъ приглашаемы былъ народъ въ Парламенты, или по меньшей мѣрѣ, начальники городовъ и селеній имѣли въ оныхъ яко бы свои заставы. Таковыя его удостовѣренія происходятъ отъ нѣкоихъ преобаній, кои подлинно въ гораздо позднѣйшія времена нѣкоторыя мѣстечки (читай о томъ въ гисноріи его стр: 260 и проч:) имѣли на сіе право, приводя при томъ примѣры древнихъ временъ въ доказательство. Онъ приводитъ даже и мѣста тому во свидѣтельство, гдѣ оныя собранія Парламента именованы народомъ. *Барнетаксъ* свидѣтельствуешь то даже нѣкоторою кредитивною грамотою Короля *Аделстана*. А шакъ называемые (*Antiquiores*) присутствовавшіе въ собраніи въ *Кларендонѣ*, почитаются Лордомъ *Калдеръ-маннами*, или древними первоспашейными особами каждаго Графства; но все сіе недовольно однакожъ, кажется, достаточнымъ къ доказательству всегдашняго и законнаго народнаго участія въ Го-

вопль и звукъ, происходящій отъ ударенія другъ о друга щиповъ ихъ, означали совершенно волю народа, и служили непремѣннымъ закономъ. Предводители войска ихъ избираемы были у нихъ такъ, какъ и самые Короли даже. Государь оныхъ бывалъ обыкновенно великій воинъ, которой довѣренность подданныхъ приобрѣталъ единственно своею храбростію; онъ былъ искусный полководецъ, но нимало не властелинъ надъ своими согражданами; при самыхъ величайшихъ плодахъ побѣды его не возраспало нимало для него право къ добычѣ, кое бы могло превозмочь право простаго гражданина.,,

„Всѣ люди имѣють между шбмъ равное право между собою въ блаженствѣ; чего ради, Государство должно непременно учреждено быть такимъ образомъ, чшобъ граждаиъ онаго былъ столько щасливыхъ, сколько возможно шокмо шого достигнуть, чшобъ быть благополучными въ высочайшей степенн. Здѣсь не достаешь само-властнаго единоначалія; пекущагося шокмо о силѣ и благополучіи одного властелина, и жершвующаго оному благосостояніемъ всѣхъ подданныхъ, чрезъ что Монархъ волю свою безъ труда производишь въ дѣйство можетъ.

Но

Но премудрый законодавецъ не желаетъ опниудъ того, чшобъ между безчисленными милліонами одинъ шокмо былъ щасшливымъ.

„Спольже мало и самой власти слѣдуетъ оплученной бытъ отъ способности въ свободномъ употребленіи оной. Разумному мужу служить по совершенноу укоризною, когда почшетъ онъ младенца, качаемаго еще въ люлькѣ, за наспящего война, коего нѣжныя руки никогда не будутъ довольно сильными, можеть бытъ, къ ношенію орудія. Ишакъ, безразсуднымъ кажется совершенно бытъ то, чшобъ не на испытанныхъ преимуществахъ разума и мужества человекъ, но на единыхъ преимуществахъ его предковъ основывать право повелѣвать тѣмъ, безъ сомнѣнія коего часто не знаетъ онъ оправдывая собою какъ.

Въ семъ мѣстѣ пресѣкъ *Алфредъ* речъ сію. „Пошому предки мои, сказавъ онъ, разсуждали весьма премудро, что перемѣнили они часть сію ихъ Государственнаго законоположенія; ибо, люди ничуть не равны между собою. Но сіе равенство есть одинъ шокмо вымыселъ гордыхъ софисповъ. Храбрость возноситъ обыкновенно одного гражданина предъ другимъ на заслуженную

женную имъ шокмо степень; а благо-
разуміе можетъ превознести его даже
предъ всемъ: шотъ, кно знаетъ претс-
давать совѣшны, влекуще весь народъ къ
благополучію, несравненно любезнѣе
оному, нежели безчисленныя тысящи
людей, слѣдующія путемъ, открыва-
емымъ имъ онымъ, коего сами онѣ не
находили никогда прежде; понеже цѣну
каждаго гражданина составляетъ единое
участіе, пріемлемое имъ во всеобщемъ
благѣ. „

„Когдажъ всѣ люди вообще не равны
между собою, то и голоса оныхъ должны
быть не равно дѣйствительными, слѣ-
довательно. Тысящей невѣждъ подража-
емая слѣпая мнѣніи не споятъ вовсе
благоразумія единого, коему всѣ подра-
жаютъ онѣ: все сіе множество допуска-
етъ себя весьма легко убѣждать равно-
спынными представленіями, кби преиспод-
ненныи честолюбія корыстолюбцевъ по
склонностямъ и предразсужденіямъ од-
ного съ нимъ народа предлагать и льстить
внимъ красноречіемъ своимъ украшать
знаетъ искусно. Мнѣ довольно извѣ-
стны ужасныя дѣйствія, произведен-
ныя съ успѣхомъ подобными представ-
леніями одного злобствующаго шрибу-
на, честолюбиваго Клеона и развра-
щавшаго правы смертныя Демосфене,
Часть II а. Л кони

коимъ не въ силахъ были прощиво-
стоять, вое же ни мужественная швер-
досць Фрэнка ни ничемъ неприкра-
шенная добродѣшель младаго Катона.
Наподобіе морскихъ волнъ, колебле-
мыхъ жесточайшимъ вѣтромъ, ме-
шущая сердца несмысленной шолцы
въ образу, внушенному въ нихъ умбю-
щимъ угожданъ во всемъ риторомъ. Но
въ всѣхъ образѣхъ правленія, продол-
жалъ говорить Алфредъ, согласился бы я
менѣе всего поручить верховную власць
въ руки всему народу. Сочлены онаго, ко-
ихъ ни воспитаніе не приугошовило къ
исправленію какихъ либо дѣлъ, ниже ис-
кусство насъавило въ чемъ, они, говорю,
члюбъ должны были отъ дросшихъ упра-
вленій восходишь на вышнія спешени
достоинства, и съ необразными рассу-
жденіями шолковашъ важнѣйшія дѣла,
до всего Государства касающіяся! Нѣтъ,
вѣтъ, бышь шому не можно. Сему вос-
противишя непрембно начало Пре-
мудрости; не захочешъ, надбюсь, шого
и искренній другъ, мой, кошорой видавъ
шродко народовъ, и кошорой знаешъ
свершено, рассуждашь изъ Гисторіи
Государства сего, о положеніи настоя-
щаго его состоянія.

„Я весьма опдаленъ отъ шого, ска-
залъ нашо Амундъ, чшобъ приваекашь
народъ

народъ къ какимъ либо совѣщаніямъ; а шѣмъ мѣнѣе еще помышляю поручать верховную власть въ Государствѣ оному; попому особливо, что знаю я довольно, какво судишь собранное къ шому нарочно войско. Мнѣ случилось нѣкогда отпревлену бышь отъ Византійскаго Двора къ Пацинакамъ, народу, живущему при водяныхъ порогахъ рѣки Борусена, спашъ коихъ обыкновенно называется Сечью. Воины всего народа сего живущъ тамъ одни, не имѣя при себѣ ни единой женщины, которыхъ они шерпѣть не могутъ вовсе, и чинящъ изъ сего мѣста пагубнѣйшія нападенія на собственную съ ними Сармацію, плодороднѣйшую Дакію и изобильную всею спрану Булгарскую. По всегодно собираются всѣ ея военныя люди въ одно мѣсто, и избирающъ себѣ начальниковъ и судей; каждый изъ нихъ гражданинъ считаеся равнымъ во всемъ другому, и голосъ не искуснаго еще ни въ чемъ юности, не лагаеся также наравнѣ, какъ и голосъ престарѣлаго уже мужа, служившаго на войнѣ въ продолженіе цѣлыхъ нѣшн десяти лѣтъ за свое опечесство и предводительствовавшего войскомъ об одержаніемъ при шомъ различныхъ побѣдъ надъ непріятелями онаго. По

Л а

окончаніи

окончати года производился тамъ немѣлленно общій приговоръ надъ сими начальниками, и я самъ присудствовалъ приномъ, когда одинъ изъ таковыхъ полководцевъ, не будучи допрашиванъ ниже обличенъ чемъ даже, единственною пущому заключенію, основанному на одномъ токмо подозрѣніи въ оказанныхъ имъ знакахъ благосклонности къ Византіи, признанъ достойнымъ быть обруганнымъ, лишеннымъ всего его имѣнія и изгнаннымъ навсегда изъ его отечества. Слѣдовательно, не токмо честь, или спешаніе, но и самая даже жизнь гражданина, не имѣешь нимаѣйшей безопасности въ шакого рода правительствѣ, гдѣ необузданная ничемъ воля цѣлаго обществва составляетъ единый утвердительный законъ. Но прошествивъ нѣсколькихъ лѣтъ, предстали другіе, подобные прежнимъ винни, и преслабый невинно спрадавший столь долго мужъ сей, возведенъ быль пакы въ прежнюю спепенъ его достоинства, шопъ самый, говорю, который какъ сущій народный измѣнникъ претерпѣлъ жесточайшее наказаніе. Положимъ, что Пацинаки составляютъ народъ Сквѣскій и приномъ совсемъ непросвѣщенный; но народъ Римскій справедливѣ ли послушалъ про-

шивъ

шивъ побѣдоноснаго Коріолана, прошивъ избавишеля своего Камилла, или Туллія Цицерона? Не осудили ли Аѳины на зашоченіе правосуднаго Аристида, не предали ли въ нихъ поносной смерти великодушнаго фокіона, и не приговорили ли шамъ выпить сосудъ, наполненной ядомъ благочестивому Сократу, первому изъ смертныхъ мужу, кошорой шцился упошреблять всю свою премудрость единственно ко внушенію добродѣтели. Ишакъ, когда вся влась пребываетъ въ рукахъ невѣжества, и когда Государственное законоположеніе не прошивополагаетъ спремленію излишества въ предразсужденіяхъ цблага обществаникакой препоны, тогда народъ учинишся самъ непремѣнно шираинномъ: ибо, шдтъ и ешь шокмо онымъ совершенно, кошорой волю свою дблаетъ на споящимъ закономъ.,

„Но ничуть нешрудно однакожъ ушшупишь народу существенное его участие въ правленіи, безъ шого вовсе, чшобъ допусшшь оной произвешти въ дблахъ нѣчто прошивное; понеже ему, шо ешь, народу, принадлежишь равно шакже немалое участие въ Государственномъ правленіи. Оной составляешъ большую часть подданныхъ, его шруды лишаютъ Государя и всѣхъ благородныхъ,

ныхъ, а кровь онаго искупаешь безопасно и шишину опечесхва. Благосостояніе многихъ тысящей производитъ непрембно существенную часть всего Государства, пещись о чемъ, можешь ли кпо усердиѣ и рачительнѣе, какъ не самой же народъ, которой вѣрно всегда щаспливымъ бытъ желаетъ. Весьма легко впрощемъ можемъ большія взирать равнодушно и съ самымъ даже презрѣніемъ на просшой народъ, да и весьма склонны онѣ припомъ къ тому, чшобъ возлагать на него все бремя Государства, избавляя между тѣмъ самихъ себя отъ онаго. Весьма часпо помышляли многіе изъ Государей учинишя щаспливыми чрезъ увеличиваніе ихъ власши, и шо самое находили они нерѣдко въ рабскомъ униженіи своихъ подданныхъ. Неумѣренныя ихъ желаніи къ щеславію, склонности къ сладоспращію и угобжающая мнимымъ удовольствіемъ суеша, повергають ихъ весьма часпо въ крайнюю необходимость, изъ коей они единою шокмо кровію и прищвеніемъ подданныхъ своихъ избавляють себя уповають совершенно. „

„Но прежде нежели народъ будетъ имѣть участіе въ правленіи, долженъ бытъ оной непрембно вольнымъ, коимъ

не есть еще вовсе нынѣ Англо-Саксоны, они суть сущіе наемники дворянъ, которые могутъ дѣйствительно опьянѣть у нихъ весь опкупъ, и лишиться слѣдовательно средствъ, питаемыхъ плодами земли и ихъ тяжкою работою. Народъ долженъ обладать достаточнымъ снѣжаніемъ и имѣть довольно земли, которую бы оной могъ свободно обрабатывать. Покуда долженъ будешь прудиться простолудинъ единственно для прибыли знатнаго, и покаместъ плодородіе нивы приумножаетъ славу Трафскую, безъ всякаго припомъ обогащенія земледѣльца, по тѣхъ поръ пребудетъ и крестьянинъ нерадивымъ въ исправленіи недостатковъ земли и въ приумноженіи плодородія ея своимъ стараніемъ; онъ не похочетъ прудиться въ рытье какихъ либо каналовъ, для отвода вредной воды, не вздумаетъ сбить никакихъ земляныхъ распелій на пашнѣ, которая не есть его собственная, сдѣлается скрупуломъ и корыслолюбивымъ во взаимной заплащѣ земли того, что самъ получалъ онъ отъ оной прежде, и будетъ доволенъ настоящимъ урожаемъ, не мысля о томъ нисколько, что поля его учинятся совершенною степью послѣ найма его. Напрощивъ того собянинъ, мыслишь

и печется всегда о будущемъ плодородіи пашенъ своихъ, онъ старается, чтобъ онъ доставляли въ дряхлости его нужное содержаніе, и чтобъ пишали онъ припомъ какъ дѣшей, такъ и внучатъ его; печется о поправленіи, кое бы могло исправить собственное его состояніе, съ усердіемъ и удовольствіемъ, покушаясь жертвовать настоящимъ ищощеніемъ своего имѣнія и трудовъ, дабы, нешолько по нѣсколькихъ лѣтахъ, но и по нѣсколькихъ даже столѣтіяхъ, пашня его болѣе сноповъ и насажденный имъ лѣсъ болѣе щѣни производишь могли его потомкамъ.,,

„Къ доставленіюжъ спешанія бышь недвижимымъ имѣніемъ народу, доспигаешь Государь чрезъ отдачу всегда на откупъ казенныхъ своихъ волостей и отобраніе ихъ паки въ казну отъ благородныхъ, въ случаѣ пресѣченія мужескаго оныхъ колѣна; и когда дворяне жалованныя свои деревни продавашь будущъ имѣшь право, или оныя будущъ раздѣлены по его дѣшамъ, шо вскорѣ чрезъ шо раздроблены будущъ чрезмѣрно обширныя владѣнія Графовъ на часты, и достанушся наконецъ не премѣнно различными образами въ руки рабочія, могущія всегда плашшь за шо

шо знатную плату, что стоишь имъ не великаго убытка, а приносишь намъ прошивъ того болѣе доходу, нежели благороднымъ, кои всѣ плоды земледѣлія обыкновенно раздѣляшь должны съ своими оцкупщиками. „

„Премудро успроенное правленіе въ Государствѣ, должно непремѣнно пріятствовать и тому также, чтобъ никто извѣтражданъ онаго не искалъ защиты у другаго, яко во всемъ себѣ равнаго соповарища; но самое правденіе шокмо, опекунъ онаго, Государь, шо есть, и его власть, законъ, напримѣръ, должны одни охраняшь жизнь, имѣніе и честь каждаго сочлена въ народѣ. Напрошивъ того между Англо-Саксонами находилъ нѣсколько тысячъ пажихъ, кои у знатныхъ людей искали, и ищущъ безпрестанно себѣ покровительства прошивъ нестерпимаго насидія. Шо нарушеніе Государственнаго права можешь почестъ весьма несноснымъ; каждый гражданинъ не будешь приязанъ тогда болѣе какъ къ своему отечеству, такъ и его Государю; но прилблншя безсомнѣнія совершенно къ своему защитнику; отъ него будешь онъ ожидать всякой себѣ милости, будешь заслуживать оную своимъ усерднымъ во всемъ повиновеніемъ, и съ

нимъ вкупѣ учинится наконецъ настоящимъ возмущеніемъ всеобщаго покоя, не потому вовсе, чтобъ Государь притѣснялъ его чемъ, но поелику не смѣетъ онъ отстать отъ того покровителя, отъ защиты коего часѣмъ онъ имѣетъ свою совершенную безопасность. „

„Вѣсы правосудія не слѣдуютъ также вовсе управляемы бытъ властію благородныхъ; а шѣмъ менѣе долабѣтъ ославлять онымъ преимущество въ наказаніи пресупленія, или самомъ пролитіи крови виновнаго, силою законовъ; понеже и самымъ мечемъ правосудія ввергаѣтъ уже знашой человѣкъ проспаго гражданина въ преужасной страхъ, коего все спежаніе отъ единого приговора благороднаго и самая даже жизнь отъ произвола онаго можетъ зависѣть всегда. Слѣдовательно, всѣ силы Государства должны непременно соединены бытъ единственно съ законоположеніемъ онаго, и никакая другая власть не можетъ потому вмѣстима бытъ между Государствомъ и народомъ. „

„Но еще менѣе можетъ благородіе подтвердить одобреніемъ то, чтобъ граждане, или цѣлыя селенія заключали какіе либо союзы между собою,

И

и чтобъ весь шаковый союзъ принималъ на себя долгъ въ защищеніи правъ каждаго изъ сочленовъ онаго (*). Когда имянишбйшій сочленъ подобнаго заговора считаешъ себя чемъ либо недовольнымъ, а припомъ еще и безъ всякой причины, можешъ бышь, поставляя прешерпбваемую имъ мнимую несправедливоспъ выше, нежели и самое даже спокойешвіе всего Государства, по сколь легко не можешъ весь союзъ сей взволноватся тогда, пришбснитъ беззаконно виновника тому, и возжечь наконецъ чрезъ по междоусобную войну въ Государствъ? Одно изъ шаковыхъ зловредныхъ сонмищъ можешъ свободно соединитя съ другимъ, во всемъ себб подобнымъ; цблыя провинціи могушъ попомъ принять оружіе, и вся Англія можешъ наконецъ учинитя совершенною жертвою ихъ неистоваго мщенія. Чего ради, всякую несправедливоспъ долженъ прекращать законъ, а дбйствіе меча слбдуетъ зависить ошб единого шокмо Государя.,,

Алфредъ внималъ приспально еодержаніе достойнаго сего предспавленія; сей премудрый Государь ошущалъ
довольно,

(*) Сіе самое случалось червко во времена *Алфреда*.

довольно, что законоположеніе Государства его имѣло не весьма еще истинной соразмѣрѣ во всемъ, и что дворянство въ немъ имѣло слишкомъ много власти, онъ менѣе, а народъ и вовсе былъ безсильнымъ. Но искусство глубокомысленнаго сего Государя, открыло ему, что сіи немощи могли исцѣляемы быть ничуть не жестокими средствами врачеванія, и что потребны были токмо однѣ продолжительнѣйшія слѣдствія кротости къ совершенному поправленію сего Государства, не подвергая онаго нисколько неминуемой какой либо опасности. Онъ поступалъ, слѣдовательно, во всемъ такъ, какъ токмо общепредельснва времени позволяли ему, и по нѣсколькихъ сполнѣннѣйшѣ свершились наконецъ дѣйствительно всѣ желанія *Амунда* въ настоящемъ ихъ исполненіи. При всемъ томъ однакожъ, учинилъ и онъ съ своей стороны также нѣчто: онъ сдѣлалъ законъ, по которому обязанъ былъ каждый господинъ по прошествіи года давать совершенную свободу своему рабу, которой былъ токмо Христіяниномъ.

„Народъ Англо-Саксонскій, продолжалъ разсуждать нравоучитель сей, есть нынѣ совершенно вольнымъ, прежнія онаго узы прерваны уже, вижу я, вовсе,

вовсе, и теперь по возможно, поиспинуѣ, допустишь его воспользоваться участіемъ въ правленіи, принадлежащемъ ему безпрепятственно отъ природы; но не своевольное множество однакожъ должно управлять сею частію власти Государственной. Народу слѣдуетъ непременно, выбравъ достойнѣйшихъ между собою, составишь особый верховный совѣтъ, которой бы съ Королемъ и благородными составлялъ претію часть власти Государственной и одну изъ всѣхъ сихъ степеней, въ соединенныхъ вкупѣ рукахъ коихъ все Государственное правленіе быть должно. Число сихъ избранныхъ людей должно быть столь велико, чѣтобъ между многими одинъ сильной не въ силахъ былъ приобрѣсть отъ многихъ къ себѣ нѣкоего зловреднаго раболѣпствія, и дабы своеобразный Государь дарами и обольщающими обѣщаніями не могъ обратишь на свою сторону большей части избранныхъ мужей отъ народа, такъ какъ и содвласть преддверіе къ орудію приѣвненія, служащаго средствомъ къ освобожденію его отъ несчастія въ случаѣ.»,

„Избираемые люди, долженствующія представлять весь народъ въ лицѣ своемъ, должны быть непременно доста-

доспашочными, кои не споль легко
 онъ доспашка доведены бывающъ при-
 касашся ко взяшкамъ, имбюцимъ по
 себъ зловредныя слбдствїи, коихъ бы
 время къ услугамъ отечесству оспа-
 валось свободнымъ онъ низкихъ работъ,
 и коибъ имбли припомъ порядочное
 воспитанїе, содбывающее ихъ способ-
 ными разсуждать знающе о главнбй-
 шихъ правахъ народа и благосостоянїи
 всего Государства, и изыскивать при-
 томъ удобнбйшїя средства, какъ вспо-
 моществовать общественному благу, и
 какимъ образомъ отвращать постигаю-
 щее зло въ ономъ. Сїе приобрбшаемое бо-
 гатство вбрнбе всего измбрить можно
 по землб, которою непременно каждой
 избранной изъ народа законно управ-
 ляшь долженъ: ибо землю, почитаю я
 единымъ истиннымъ сокровищемъ для
 безопаснбйшего союза, соединяющего
 каждаго изъ оныхъ съ его отечесствомъ.
 Мешаллы и прочїя вещи, къ сожи-
 тїю необходимбйшїя, можетъ гражда-
 нинъ перенести съ собою и въ другое
 Государство; но землю, принадлежа-
 щую ему, нигдб не можетъ уже управ-
 ляшь онъ и нигдб пользоваться оною,
 какъ токмо въ Англїи. Его вошчи-
 ны будутъ приносить ему доспашоч-
 ной доходъ споль долго, сколь долго
 пре-

пребудеть благополучнымъ. Государство, Тишина, порядокъ, правосудіе и премудрыя учрежденія учиняты, его пашни плодородными и его самага великимъ; но въ замѣшательствѣ, въ нарушеніи порядка и ущербѣ торговли, такъ какъ неменѣе и въ самомъ злополучіи Государства, пространство плодородныхъ полей его учинишя пустою сщенью.

„По описи, коею *Алфредово* попечительное благоуміе во всемъ Государствѣ благоводило пашнямъ учинишь подробнѣйшее исчисленіе, числишя всего до двухъ сотъ сорока прехъ тысячъ квадратныхъ сопенныхъ десятинъ земли въ его владѣніи (*). Ошъ всего сего числа должны непремѣнно яшъ сотъ человекъ выбраны бышь въ верховной Государственней совѣщѣ. Ишакъ, шощъ, кошорой назначенъ къ шому бышь долженъ, долженъ избираемъ бышь непремѣнно ошъ владѣльцевъ,

(*) *Слельманъ* полагаетъ по шпу обыкновенныхъ десятинъ мѣрою въ каждую шакую десятишину; но у *Литтлтона* считающя ошъ совсемъ иначе: у онаго (Hide) значитъ шо, что одна соха можетъ поднять въ швой годъ земли, а у другаго, сколько потребно пространства земли прокормишь дворяшкую фамилію.

цевъ, пятьюстами шаковыхъ квадратныхъ сошенныхъ десятиныхъ управляющими, а при томъ и самъ предлагаемый въ сіе достоинство долженъ по меньшей мѣрѣ владѣть пятью шаковыми десятинами земли, дабы учинился достойнымъ сего избранія.»

„А какъ по исчисленію всего шесть тысячъ тысячей душъ мужеска пола находилась въ Государствѣ Аглинскомъ, то всегда приступать слѣдуетъ немнѣе прехъ тысящей человекъ въ выбору такового предлагаемаго въ сіе достоинство; но и избирающіе при томъ онаго должны бытъ непременно природными спраны той. Слѣдовательно, одинъ токмо владѣлецъ нашии имѣетъ истинную пользу отъ благосостоянія онаго: ибо тотъ, который ничего не имѣетъ у себя, не можетъ ни въ какомъ замѣшательствѣ, или безпорядкѣ, и потерять ничего, онъ же можетъ при томъ и оболъщенъ бытъ весьма легко за маловажные подарки, и за единое токмо исполненіе его мысленныхъ прихошей допустить довести себя предъставитъ такимъ отечеству своему, который не имѣетъ ни охоты, ниже способности исполнять важнѣйшія должности, на него возложенныя. Язвѣ нахожу напрошавъ того, что шес-

шеснацать токмо квадратныхъ обык-
новенныхъ десятиинъ земли, полагая
на каждого земледельца, довольно уже
достаточно сдѣлать дѣйстви пельнымъ
голодъ онаго къ избранію предлагаемаго
отъ народа въ сіе достоинство.»,

„Ежего, но долженъ Король соби-
рать по снятіи земныхъ плодовъ всѣхъ
дворянъ и сихъ избранныхъ изъ про-
стата народа. Сямъ послѣднимъ, въ
лицѣ коихъ заключается весь народъ,
должны предлагаемы быть различныя
необходимости, касающіяся до прави-
тельства: ибо, тяжкая и продолжи-
тельная война, или содержаніе морской
силы, не могутъ никакъ снабдены быть
довольно однимъ казенными Королев-
скими волостями; да и самому Государ-
ству бесполезно бы было то весьма, когда
бы оныя распространены были сто-
ль много. Онѣ имѣющъ впрочемъ по-
скольку недостатковъ, что не созна-
вляютъ сущей того собины, которой
созужаетъ ихъ, и что не могутъ,
свѣдѣтельно, никогда надвинуть за
все ихъ усердіе приобрести себѣ со-
вершеннаго удовольвенія, кѣ обык-
новенно самолюбіе владѣльца удѣля-
етъ собственному его владѣнію. Но
самовластно исключать съ Королев-
скихъ доходовъ сборы изъ гене-

Часть III.

M

ральной

ральной Государственной подаши, было бы шожь самое, чшобь приносишь вь жершву все спешаніе народа однѣмь приходящѣмь Государя. Ожидашь же отъ чивосши благородныхъ доброхотныхъ ижъ услугъ, была бы всегда непостоянная и ненадежная помощь, чрезъ кою бы дасть большихъ шѣмь сильнѣе усугубилась, а Королевская умалилась не премѣнно. Напрошивъ того, главнѣйшее попеченіе о подробнѣйшемъ раздѣленіи бременя и о полезнѣйшемъ употребленіи возложеннаго оклада на поданныхъ, не можно ни отъ кого ожидать лучше, какъ не отъ шѣхъ самыхъ, на коихъ возложенъ будешь сборъ подаши. Ишакъ, избранныя отъ народа люди не преминуть утвердишь пошому самому преборанію Государя, и обложашь по необходимости пребуемую сумму на всѣ Государственныя спешанія шакъ, чшобь мѣра плодородной земанъ составляла пакы весь размѣръ приращенія. Но Амундъ не могъ конечно повѣдувать того, что не обходимости Государства безконечно будущь увеличивашь часъ отъ часу, и что шбамъ тысячи богатыхъ согражданъ возрастущь наконецъ, коихъ сокровища не вь вончинахъ, но единственнѣе вь мореходныхъ судахъ, различныхъ дорогихъ товарахъ,

товарахъ ; выработываемой шерсти и самой торговлѣ состоятъ будущъ непремѣнно ; такъ что въ теченіе послѣдующихъ времяхъ узаконено было, сверхъ обыкновенной подаши съ земли , возлагать сборы на различные образы великолѣпія и излишества , опягощаятъ привозъ разныхъ товаровъ великими пошлинами , и содержатъ нарочно множество служителей къ усугубленію со всего того Государственнаго дохода .

„Согласіе благородныхъ при сборѣ жодашей сихъ , продолжалъ разсуждать ревностный поборникъ истинны , должно также непременно принято быть во уваженіе : ибо и они суть тѣже граждане , тѣжъ самые владѣтели земли и такіежъ подданные , кои должны помогать нести всю тяжесть бременя , пребуемаго необходимостію всего Государства . Но ихъ единое шокмо согласіе или противоречіе въ томъ необходимо къ тому ; распоряженіежъ всему должно вовсе зависить отъ народа , коему бремя при всемъ томъ гораздо тяжчае , будетъ , потому что оно у большаго числа людей до единого шолько излишества насаются , а у простаго всѣ способности и самую даже необходимость при тѣсняетъ сильно . Весьма легко пришло бы на мысль дворянамъ , думаю я , бремя

ше. ошцешивъ отъ себя, возложитъ на просшой народъ, есплибъ оное при учрежденіи подашей имѣло шокмо жоня аѣишорую власшь.,,

„Итакъ, никакія влошти не мѡгушъ до, симъ причинамъ освобождены бытъ отъ сей общественной и всегдашней дани. Самыя монастырскія вопчинны должны также равно подвержены бытъ игу, служащему къ подкрѣпленію Государства; ибо и оныкъ состояніе зависитъ единственно отъ благосостоянія Государства; несплибъ оиѣ оспивались отъ того совершенно свободными, побѣ противіе граждаме погрузли непремѣнни подъ несноснымъ бремяемъ; понеже сонище духовныхъ естъ суцая горжай, которая, глбшая все безпрестанно, ничего не возвращаетъ изъ себя уже пакк. *Алфредъ*, покориющійся закону, а въ угожденіе оному и даспырей его чужащій чрезмѣрно, просишъ великодушно, надѣясь, суровую справедливосшь въ шовъ Сѣвернаго жишеля. Самыя его вопчинны, вопчинны, казиѣ привадежащія, говорю, должны также, уступавтъ св. своихъ доходовъ иаоженной окладъ учрежденной въ Государствѣ подани; попому чно и Король почерцаешъ изъ оныхъ мужныя

ныя средства удовлетворяшь свои потребности.»,

Алфредъ преданъ былъ совершенно впропчемъ церкви; онъ вперидъ въ себя, будучи еще въ Римѣ, благочестіе къ Герархті, чѣмъ обязанъ онъ былъ дѣйствительно безпримѣрной добродѣтели *Авви*, Папы Римскаго. Любовь онаго къ наукамъ влекла его безпресыпанно къ дружескому обращенію съ священнымъ саномъ и монахами, въ коихъ однихъ токмо пребывали тогда еще нѣкопорыя слѣды древней учености. При томъ и народы не были также предупреждены еще злоупребленіемъ, сколь вредно было порабощеніе оныхъ духовенству для ихъ свободы; оно было совершенно самопроизвольное, и здравомыслящія полагали по истиннои, что онъ почитаютъ въ немъ самымъ и самаго всемірнаго Создателя, когда члпашъ его служителей. Чего ради, не преминула удивить чрезмѣрно речъ *Амундова* и благоговейнаго *Алфреда* при семъ случаѣ, не произведя нима дѣйшаго въ немъ въ разсужденіи того уваженія; по тому болѣе думать должно, что онъ приписывалъ се весьма вольнымъ мыслямъ многихъ слабобрующихъ народовъ, между коими *Амундъ* жилъ долго.

Между тѣмъ продолжалъ Амундъ разговоръ свой таки слѣдующимъ образомъ: „Образъ всеобщей подати, говорилъ онъ, долженъ непремѣнно опредѣлять всѣ необходимости Государства, размѣръ коей положилъ бы я во время мира на десятую долю годовыхъ доходовъ, а во времена войны на пятую шокмо. Всеобщаяжъ опись земель, содѣланная премудрымъ попеченіемъ великаго Алфреда, учинила какъ сборъ, такъ и самое въ ономъ исчисленіе весьма не труднымъ.“

„Другое, слѣдующее за тѣмъ упражненіе избранныхъ людей со стороны народа, составляють Государственные законы: они суть во всякое время настоящія оковы, препятствующія естественной свободѣ челоука и обезсиляющія весьма оную; гражданинъ долженъ носить на себѣ оковы сіи пошому, что малѣйшая часть уступленной имъ добровольно свободы его отечеству своему составляетъ всю его безопасность пропавъ всѣхъ ухищреній коварныхъ согражданъ онаго, и пошому пришомъ, что всѣ вообще законы согласуютъ купѣ въ неопровергаемомъ ничемъ порядкѣ, дабы щасіе каждаго гражданина утверждено и усугублено бышъ могло совершенно. Напрошивъ того

воль-

вольностию пользующейся Нѣмецъ не допускаетъ чрезъ другихъ обуздывать себя охотно, а полагается въ томъ на одного токмо себя, что не уступитъ оны ничего болѣе отъ его свободы, кромѣ того, что только пребудетъ общественное благо. Хотяжъ законы и могутъ быть впрочемъ опровергаемы, какъ со стороны благородныхъ, такъ и всего народа, но они должны при томъ всегда имѣть соизволеніе на то обоихъ щепеней, такъ какъ и самое подтвержденіе Государя неменѣе. Нѣтъ ничего труднѣе, поистинѣ, какъ составлять законы въ Государствѣ, поелику у должествующихъ они преподавать равно всегда справедливое правило для безконечно различныхъ случаевъ, изъ коихъ большая часть людей весьма токмо малые предвидятъ обыкновенно; по чему самому требуютъ оны величайшаго разсмашириванія, не должны быть пріемлемы въ самой скорости, и должествующихъ предоставляемы быть по меньшей мѣрѣ при многихъ случаяхъ на нѣкоторое время подробному изслѣдованію. Алфредъ хотя и предписалъ премудрыя законы Саксонамъ своимъ; но предвижуція времена рождаютъ нередко новыя необходимости, и принуждаютъ къ положенію новыхъ предѣловъ. А какъ законы обыкновенно

составляемы бывают продолжительно, но и уничтожаемы им бышь не слѣдуетъ также послѣшно; шакъ что Амундъ присовѣщовалъ бы конечно съ своей стороны, чтобъ оныя составляемы были всегда по множеству головъ, а уничтожались неменѣе какъ двумя тою тремя изъ оныхъ; ибо, ничто не опровергаетъ сильнѣе власти законовъ, какъ то самое, когда оныя подвержены бывающъ частой перемѣнѣ. Законодатель, отвергающій прежній какой либо законъ, утверждаетъ непременно предъ народомъ, что оной былъ бесполезенъ, по такимъ то и такимъ то причинамъ; но подозрѣнїе заблужденія даетъ съ равноюжъ силою и на вновь учреждаемой законъ, издаваемый имъ потомъ; понеже человекъ можетъ и нынѣ ошибиться шакже, когда учинилъ онъ шожъ самое вчера. Но нешолько однакожъ наказанїи придающъ силу законамъ, школко каждаго внутреннее обличенїе, пошому что оное полезно и для шого самаго, коего оны связываютъ.»

„При всемъ томъ, однакожъ, потребны непременно иногда и наказанїи. Человѣческое самолюбїе побуждаетъ каждаго къ исполненїю его желанїй на самомъ дѣлѣ, кои весьма противны обще-

общественному благу. И такъ, прошивъ сего самолюбія должно, слѣдовательно, вооружить самую собственную пользу человѣка, и гражданинъ долженъ совершенно удостовѣренъ быть въ томъ, что исполненіе его удовольствія учинитъ его конечно щастливымъ въпредъ. Почему, наказанія хотя и умѣренными быть должны, но при томъ непремѣнными; понеже въ томъ то и состоитъ все благоразуміе законодателя, чтобъ виновный не могъ никогда избѣжать достойнаго возмездія отъ правосудія; когдажъ удастся достигнуть того совершенно премудрому законодательцу, что несравненно съ меньшимъ спраданіемъ виновныхъ минуется гораздо и вины оныхъ.»

„Къ народному избранію принадлежатъ впрощемъ полная во всемъ свобода, всѣ преимущества и позволенія. Государь можетъ легко допустить себя чрезъ различныя жишья представленія и чрезъ предложеніе любимаго имъ посредника къ передаванію правъ, могущихъ служить во вредъ прочимъ гражданамъ; но когда каждая страна, каждой удѣлъ Государства имѣть будетъ при общемъ собраніи своего предшателя, что же безъ труда произойти можетъ то, чтобъ гражданинъ, какое либо селеніе,

или и самый даже городъ ко вреду другихъ, подобныхъ ему во всемъ, получилъ нѣкое уваженіе предъ прочими.,,

„Всѣ общественныя дѣла, касающіяся до Государства, должны быть также подвержены подробному народному изслѣдованію. Хотя Государю и предоставлено неоспоримое право въ заключеніи мира и объявленіи войны; но какъ послѣднее изъ сихъ двухъ опредѣлений навлекаетъ безмѣрное на народъ бремя, да и при самомъ ушверженіи согласія, полезнѣйшее для Государства неменѣе также съ здравыми намѣреніями слѣдуетъ быть разсмотрѣвано; то премудрый Государь не преминетъ конечно совѣтовать по внушенію собственнаго его благоразумія о подобныхъ важныхъ предпріятіяхъ съ верховнымъ совѣтомъ своего народа. Но когдабъ и министры Государственныя пренебрегли нѣкогда сію умѣренность, то народное избраніе имѣетъ при всемъ томъ врожденное право, хотя не съ тѣмъ, чтобъ предписывать Государю предписаніи, но дабы разсмѣрять основаніи онаго, открывать оному свои мнѣнія, и доказывать слѣдствіи, имѣющія произойти отъ вышеупомянутыхъ намѣреній Двора Государскаго.

скаго. Посредствомъ сего замѣчанія, можетъ народъ наблюдать всегда за Государевыми совѣтниками, чрезъ что никогда не дерзнувъ оныя совѣщивать явно о дѣлахъ противныхъ общей пользѣ, и никогда, говорю, не отважится помогать въ предпріятіяхъ, оцѣпительнѣ вредныхъ всему Государству: ибо, ненависть всего народа гораздо сильнѣе самаго сильнѣйшаго между большими людьми. Самою природою утверждается сіе даже, что противъ всякихъ зловредныхъ правилъ правленія, а особливо противъ безразсудныхъ или неистовыхъ совѣтовъ ласкашелей, народъ можетъ свободно дѣлать съ своей стороны возраженія, такъ какъ противъ того, отъ чего весь народъ имѣетъ быть подверженъ несчастію; да и сколь небезразсуденъ, думаю я, долженъ быть таковой Государь, которой бы отрекся нѣкогда выслушать представленіе столь полезное для всего своего народа!,,

„Итакъ, о всемъ, савдоваательно, можетъ разсуждать и располагать сіе имянное собраніе, и никакая власть не въ силахъ чинить малѣйшаго сопротивленія послѣднему изъ вышеупомянутыхъ избранныхъ отъ народа, свободно предлагать что, что оной немышляетъ

мысляешь касающагося шокко до общественной пользы. Гласъ истинны долженъ возноситься безъ всякаго препящивья, и самыя несправедливыя доказательства ложныхъ заключеній должны ствуютъ бытъ предлагаемы безъ зазрѣнїя; ибо, когда ложь каковаго либо мнѣнїя воспрепятствована бы онымъ бытъ открытыми, тогдабъ судьяны принудили весьма скоро каждое предложеніе слабыхъ ко всегдашнему молчанію, потому что онѣ признали бы оное неосновательнымъ. Зловредныя совѣщы дерзкаго невѣжества не прордуртся безсомнѣнїя и безъ шого свободно въ собранїи, кое сильной народъ соснавидѣ изъ своихъ знаменишѣйшихъ людей; но ешьлибѣ и одержали нѣкогда благосклонность всего общества совѣщы безразсудныя, шѣ между благородными находившя завсегда еще нѣкое равновѣсіе, безъ коего никакая власть престолюдиновъ никакъ не можешъ достигнуть къ своему исполненію; а когдабъ и благородныя также должны были нѣкогда слѣдовать слѣдамъ прорсшаго народа, шо ошашется Государю верховнѣйшая власть въ совершенномъ опроверженїи шого, что онъ почиашъ противнымъ общему благосостоянію своего Государства.»

Ал-

Алфредъ не смѣживалъ впрощенъ
никогда еще о подобныя собраныя,
гдѣбъ и народъ принималъ также рав-
ное участіе въ Государственномъ пра-
вленіи: его понятие въ разсужденіи
раздѣленія власти просигралось (поже
до однихъ его боярѣ, въ кои и всег-
дашнее его обращеніе познаваемо было
довольно). Ипакъ, удивительно его немалое
при семъ случаѣ сильнѣйшее участіе
въ правленіи, которое старался при-
сѣвать простому народу, прибывшій
къ нему съ Сѣвера другъ его. Сега
ради, учинилъ онъ ему на то пактъ
новое предложеніе: „Амундъ, говорилъ
онъ, добродѣшелецъ и разуменъ, позна-
ете множайшихъ странъ свѣта и при-
шомъ различныхъ народовъ извѣстнаго
разумъ его во многомъ, безспорно, зато жъ
и таковое общество подобныя мужей,
каковыми естъ другъ мой, учинило бы
зскорѣ безсомнѣнія народъ преимуще-
ственнѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ,
на всемъ земномъ шарѣ обитаемыхъ; не
увѣренъ ли полнѣ въ томъ Амундъ совер-
шенно, чтообъ несмысленныя пробыныя
люди могли выбрать таковыхъ мужей,
жоня бы оныя и не вовсе были сподѣ-
рбкія дарованіи всеильнаго Провиде-
нія? Сколь часто не будешь наружная
приятность, благородное происхожденіе,
под-

подражаемый обычай, въ: содѣяніи различнѣйшми мнѣніемъ и самыя величайшія, но онѣ чесплюбія единственно происходящія дѣла, прельщаютъ народъ въ избраніи, такъжѣ людей, кою болѣе себя самижѣ, нежели вса опечесство прославляющъ, опаратся, будуще, и т. д.

„Не обольститъ ли самое чесплюбіе избранныхъ, сирѣчь народъ, учинить споль, свободно расширяющіяся предразсужденіи, въ ономъ настоящемъ срудіемъ добшественной, ижѣ власти? Не признаютъ ли они воли, воли безразсудной, пресподуиновъ, себѣ за правило, дабы обратишь презъ шо тѣмъ болѣе дѣ себѣ сердца, ижѣ собратій? Не соштыишся ли, такимъ образомъ, нажѣ самая высочайшая власть народа, дековую Амундъ, самъ опровергалъ, прежде, и кою чашесноопѣишя есть избѣхъ родовъ тапиринци? И Чемъ антрагшишь Амундъ, тогда, говорю, шо, чяюбъ, гражданае сошми, чяюбъ преспозлюдны, Грисфшнъ, линаковому избранному, копорой, въ лицѣ своемъ, предешарляешъ дѣхъ, оныхъ, шо не преиме сывали бы, накогого, уваженія, шо кое исполншль, онѣ недрембня, долженъ? И гдѣ найши, будешъ, тогда, вѣриго гражданина, копорой, бы, вознамѣрился, воспрощаишся, безразсудной, воли, ябюльщеннаго

льщеннаго чѣмъ либо его народа и промѣнявъ свое почтеніе и славу на внутреннее шокмо ощущеніе, хвалясь шѣмъ единственно, что онъ предочелъ пользу общую своей общественой?»,

„Не захопятъ ли безпрестанно увѣличивать несмысленныя просыя люди своей власши, не мысля о томъ ни мало, что онѣ уничтожатъ шѣмъ все равнобствіе Государства, когда умалятъ участвіе, принадлежащее благороднымъ и Государю, въ управленіи Государствомъ? Не жадничалъ ли народъ Римскій, ощущавъ нѣкогда сладость вольности, о власши? Переспавалъ ли оной когда возносилъ себя предъ благородными? Не починалъ ли оной своихъ Трибуновъ главою надъ Консулами и самыми даже Диктаторами? Дѣловали ли когда, что Трибуны шакое, что бы не умножало ихъ общественой силы и власши народной, и не оспаривали ли они даже въ шріумфѣ влекомую колесницу побѣдителя, когда оный бывалъ шокмо ненавистнаго имъ рода? Не повергнулъ ли гласъ честолоубивыхъ Трибуновъ Республику на край ужаснѣйшей гибели, ошъ коей дѣшское подобостраствіе Коріолана единственно избавило оную? Не ошлучили ли

шогда

тогда гнусные льстецы народные, под видом неспособности управлять Государством, отъе върхъеюю властью шого, которою шидлся препровождать оную къ истинной славъ? Не повшоряла ли жестокая народная зависть сей ненависти противъ всеобщей пользы надъ Сципиономъ и Туллиемъ? Была ли народъ праводушенъ тогда, когда Сенатъ преимущественновалъ еще своимъ великодушьемъ? Не присвоилъ ли себѣ оной плодородныя поля при Арден безъ всякаго на то права, и не поврашилъ ли шѣмъ всей славы правосудя, кое благородныя утверждали тогда старались всячески?

„Избранный мужъ,“ сказалъ на то Амундъ, засѣдающій въ верховномъ совѣтѣ народа, „не естьъ болѣе рабъ маловажнаго мбшечка: онъ составляеть совершенно судю цвлаго Государства; не о малѣйшихъ выгодахъ и бкоторыхъ семей только имѣеть помышлять онъ тогда, но о важнѣйшихъ лишь дѣлахъ единственно сильнаго Государства и благосостоянія своего отечества нещись долженъ. Онъ имѣеть случай предвидѣть все основаніи къ здравымъ заключеніямъ; имъ долженъ повиноваться онъ, когда онъ откроется ему и удостоверитъ его, а не пустому крику

крику нѣсколькихъ его земляковъ, кои о дѣлахъ имѣють малѣйшее шолько поняшїе и шо по необспояшельной во- все молвѣ шокмо. Никакѣ не можешъ ни о чемѣ судишь шопѣ, а шѣмѣ менѣе еще повелѣвашъ, кошорой не разиѣривалѣ ни- когда основанїя чему либо сѣ прошиво- положеннымѣ оному вещеспвомѣ, и ко- шорой не сравнивалѣ еще сѣ обѣщевая- емыми ему выгодами всѣхъ неспособ- носпей слѣдспвій. Слѣдовашельно, ни- когда не должны предразсужденїи еди- ныхъ малыхъ селенїй препяшспвовашъ избраннымѣ изъ народа пещись о Госу- дарспвенной пользѣ вѣ большихъ, во всемѣ впропчемѣ подобныхъ онымѣ.”

„Бесомнѣнїя будущѣ всегда вѣ воль- номѣ народѣ недовольныхъ, и всегда оспа- нушся многїе безпокойными гражданами, кои спанушъ презирашъ добро; пошому что оное по миѣнїю ихъ не еспѣ еще лушшее. Общее предразсужденїе, овла- дѣвѣ народомѣ, можешъ наподобїе яря- щегося вихря неспи судно прямо на камень, и когда весь народѣ будешъ единожди обольщенѣ чемѣ либо, тогда никакое Государспвенное учрежденїе не вѣ силахъ уже прошивоборспвовашъ ужаснѣйшему бедспвію: наипаснѣй- шїй Самодержецѣ среди шысящей шѣлохранишелей не могѣ вѣ Римѣ,

Часть IIIя.

И

ни

ни въ Сараѳинскомъ Государствѣ, ниже у самыхъ миролюбивыхъ Серянъ, прошивоспоаяпъ общему негодованію; таковою будетъ подверженъ по тому по самому шѣмъ болѣе спрашнымъ безпокойствіямъ, что безпредѣльная власпъ онаго обольщаешъ его чаще чинитъ сшремленіе на общеспвенную пользу, нежели такоаго Государя, коеао власпъ имѣешъ свои предѣлы. Ему будутъ служипъ въ печеніи дерзкихъ его предпріятій сильною препонаоу законы, благородныя и избранныя отъ народа потудова, покуда не проспупипся уже онъ въ чемъ либо споль много, что весь народъ соединипся прошивъ онаго всѣми силами.„

„Прибышокъ единаао Графспва и небольшая выаоды кааого либо малаао селенія пребываюпъ обыановенно чрезъ домоаоющіяся корыспи въ насшоащемъ равновѣсіи съ прошчими Графспвами сосѣдспвеннаао Государспва: Когда Государь не оаорчаешъ ничемъ народъ весь, по наидешъ онъ всегда благосклонныхъ къ себѣ между людьми разумными, кои знаюпъ цѣнипъ довольно, что сносѣе для всего Государспва, нѣкошорые ли малые недоспашки въ Государѣ, или опроверженіе власпи первѣйшихъ соаленовъ Государспва, навлекупъ по себѣ вреда болѣе оному.

оному. Сверхъ того, благородныя нескоро согласяшся уступить излишнюю власть народу, противъ коей конечно исчезнутъ все ихъ преимущества; онѣ прошивоположатъ непременно народному воплю внушеніе, преподаваемое имъ ихъ богашествомъ, ихъ щеславіемъ и самымъ ихъ предразсужденіемъ. Когдажъ возмушительныя ризоры будутъ старашся возжигать всячески народъ къ зловерднымъ намѣреніямъ, тогда и самая зависть не оставитъ вооружить прочихъ сочленовъ верховнаго народнаго совѣта совершеннымъ красноречіемъ, кое ошъ настоящей истинны получить непременно ничемъ непреодолимую шажестъ; понеже въ заблуждающихся понятіяжъ съ прудомъ будешъ согласенъ когда либо весь народъ, для того, что одна истинна можешъ все обличить и опровергнушь совершенно. „

„Итакъ, утверждаясь на сихъ швердыхъ основаніяжъ, надѣюсь я, что предразсужденіи цѣлаго множества жоня и будущъ служить, можешъ быть, немалымъ огорченіемъ Государю, а припомъ воспрепятствуюшъ иногда полезнѣйшимъ предпріятіямъ, и низвергнушъ, спашся можешъ, перваго министра въ Государствѣ въ бездну злощасія; но

поколебашь пресполъ однакожь будешь
 безусленъ вопль сей безчисленной толпы
 народа тогда, когда Государь не помра-
 чилъ ничемъ всеобщаго къ себѣ почте-
 нія чрезъ дѣйствительныя и сильныя
 стремленія въ похищеніи народной воль-
 ности: ибо, негодованіе несправедливо
 недовольныхъ есть совершенная небла-
 годарность противъ добраго Государя.
 Но и того еще опаснѣе бы было, чшобъ
 желашь приѣбсняшъ гласъ всего народа;
 поелику оной есть настоящій пущь,
 которой истинна имѣетъ всегда опшвер-
 шнымъ къ пресполу, и предохраняющій
 гласъ высочайшаго Провиденія, напоми-
 нающій безпрестанно Государю не спре-
 мишся подвизашся далѣе въ худо пред-
 пріемлемыхъ имъ намѣреніяхъ. „

„Такимъ шо образомъ, думаешь
 Амундъ, раздѣлено было, по древ-
 нему Государственному законоположе-
 нію Келшовъ, правленіе между Госуда-
 ремъ, благородными и простымъ на-
 родомъ, что самбе жопя и не заклю-
 чаетъ въ себѣ, можетъ бышь, пол-
 наго совершенства безпредѣльной вла-
 сти Государя пріезящныхъ качествъ,
 но прекращаетъ однакожь пришомъ
 вовсе почти случаи, при коихъ бы
 оный покусишся вздумалъ на особливо
 шѣчто вредное подданнымъ его. Родъ
 правъ

правленія сего имбешъ, спятся можешъ, менѣ силы предъ прочими, пощому чшо власшь имбющіе сочлены Государства спремьяся обыкновенно къ произведенію разнообразныхъ распоряженій въ ономъ; но сной удосповбряешъ прищомъ свободу гражданина и многолбшїе всего Государства: ибо, никакое другое законоположеніе не привязываетъ споль крбпко народа къ правленію, окромб сего вышеупомянушаго мною, въ коемъ все общество Государства само собою управляетъ всемъ. „

„Вб Государствѣ Келшовѣ имбешъ каждой гражданинъ, шакой гражданинъ, говорю, кощорой естъ природнымъ онаго и всемъ своимъ спешаніемъ присовокупленнымъ къ общественной пользѣ народа своего, участіе въ законно преподаваемой власши: шамъ не происходишъ ничего безъ согласія шбхъ, кои изображаютъ оную; онъ самъ избираешъ шого, кощорой предшавлялъ его самаго прежде, и естъ самъ начальникъ избранію законодателя; пощому чшо народъ самъ выбираешъ шбхъ, въ рукахъ коихъ вся власшь находится. Сїе право избранія достпавляетъ каждому гражданину dospoinство, кое благородный самъ признавашъ обязанъ, понеже ненависть всего

Н 3

общее-

общества оплучаетъ его отъ правленія. Каждой домъ гражданина есть сущій замокъ, охраняемый безпрестанно законами, въ копорой и самая даже Государская власть не въ силахъ ворваться, покуда не отверзишь двери въ оной правосудіе. Подобное сему опечесшво, гдѣ все спешаніе каждаго гражданина почишаешь освященнымъ, гдѣ каждой гражданинъ избираетъ своего законодателя имѣетъ неоспоримое право, долженъ необходимо любить каждой, и любить припомъ преимущественнѣе предъ всѣми прочими смертными, коихъ Государство непокмо свободу гражданъ, но ниже самое ихъ имущество не дѣлаешь безопаснымъ, и гдѣ вся власть въ шакихъ рукахъ находится, на кои народъ никогда никакъ полагашся не можешь. Съ трудомъ найдушь, надѣюсь, въ шакомъ Государствѣ внѣшніе непріятели какой либо успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ: ибо, явныя жалобы благополучно пребывающихъ гражданъ превращаясь скоро въ совокупной военной вопль тогда, когда нѣкая поспоронная сила коснешся шокмо шаковаго Государства, поработеніе коего для каждаго гражданина будетъ непремѣнною погибелью.,,

Ал-

Алфредъ улыбался скромнымъ образомъ при семъ случаѣ, слушая такую выводу разсужденіи. „Амундъ раздѣляешь власшь въ народѣ съ споль кропкимъ духомъ, вижу я, сказалъ онъ попомъ, чпо не оставилъ онъ непомко что либо благороднымъ изъ оной, но ниже и самаго Государя не удѣлилъ ничемъ; а припомъ и власшь, подобная впрошчемъ совершенно вертящемуся безпрестанно колесу всѣхъ вообще упражненій, не можешь дѣйствовать ни съ надлежащею скоростію, ни съ пользою, ниже съ самымъ удословреніемъ, когда другая равная ей власшь возмощь удержашь обращеніе его единымъ помко перстомъ и остановишь чрезъ шо самое настоящій ходъ всѣхъ упражненій. Непрїятель, на примѣръ, когда вызываетъ проотивныхъ ему на брань, когда оскорбляетъ честь Величества, когда предпримлетъ завоеваніи, чрезъ кои повергается въ опасность вся Англія, и когда припѣсняетъ совершенно союзниковъ оной; шо какое иное оощается оредство, кромѣ единой войны, къ удержанію такого насилія? Но народъ, снабдя Государя на одинъ помко годъ вспомоствующею къ тому суммою, можешь на будущей годъ лишишь его того вовсе. Когдажъ случишь по чему либо

подпасць ему ненависти онаго, шо не начнешь ли принуждашь его народъ въ шо время къ исполненію беззаконнѣйшихъ шребованій, или не обезоружить ли все Государство, учиня оное совершенною добычею его злодѣямъ? Я заключилъ бы, положимъ, союзъ съ Пиксами, обѣщавъ бы имъ учинишь вспоможеніе деньгами прошивъ безпокойныхъ ихъ сосѣдей, и они не опрелись бы помогать мнѣ взаимно во всемъ усерднымъ образомъ; но одинъ изъ рипоровъ, злослова сихъ Пиксовъ, помрачилъ бы оныхъ предъ народомъ со всею ихъ помощію, и оной опказавъ бы мнѣ попомъ въ деньгахъ, не смотря на шо, что уговорилъ бы я весьма полезныхъ мнѣ союзниковъ жершвовашъ своею кровію, дабы соблюсти чрезъ шо нѣкоторымъ образомъ кровь Саксоновъ. Тогда презрѣнные шѣмъ союзники сіи, не преминушъ конечно учинишся чрезъ шо моими врагами, и весь вредъ сей произойдетъ единственно отъ понравившагося предспавленія любимаго всѣми шаковаго избраннаго народомъ, надѣюсь.,

„Возраженіе сіе, опивѣшшвовавъ на шо *Амундъ*, весьма шрудно опровергнушь мнѣ. Чего спрашишся нынѣ благоразумный *Алфредъ*, шо можетъ легко воспослѣдовать въ самомъ дѣйствіи;

спвѣи; я скажу и шого еще болѣе, оно учинится непремѣнно, можешъ бышь, пошому что сѣ проистекаешъ изъ чело-вѣческой природы. Подобно сему прошивились недовольные Римляне сражашся за своихъ Консуловъ, и равнымъ же образомъ дрались они охотно, не желая уступитъ пріумфа *Аллію*; но попеченіе *Алфреда* ешь совершенно одно изъ слѣдствій вольности, когда не будешъ оно руководствуемо премудростію. „

„Единаго шокмо средства не достаетъ къ шому, кажешся мнѣ, продолжалъ разсуждашь разумный мужъ сей, шо ешь, ешьлибъ избранные сѣи не каждой годъ избираемы были, и когдабъ они не менѣе семи лѣтъ оставались непремѣнными въ семъ достоинствѣ. Но на одинъ годъ шокмо выбирать оныхъ, счишаю я и самъ весьма бесполезнымъ шо: они будущъ конечно притѣснены сильно въ рукахъ цѣлаго общесства, отъ чего бы имъ совершенно свободнымъ бышь слѣдовало: сверхъ шого, частое шакое избраніе въ Государствѣ составляетъ немалой шрудъ съ потербю многого времени, что не часто повторяемо бышь слѣдуешъ, когда народъ въ прилѣжаніи, шрудахъ и особливомъ порядкѣ пребывашъ непресшанно долженъ. Будешъ

власть избранныхъ сихъ народныхъ жодашаевъ утверждена будетъ на продолжительное время, но самые сии непремѣнные мужья въ случаѣ послѣдованія войны не уничтожатъ, чаятельно, плодовъ раченія первыхъ ихъ лѣтъ, избѣгая подвергнувъ себя народному мщенію, сколь ни слѣпо бы впротчемъ подражали они воли ихъ Государя; а при томъ и ненавидѣть тѣхъ не преспали бы они конечно, чрезъ самонравіе коихъ принесены въ жертву благополучіе и безопасность Государственная. Союзникъ Англіи возвѣститъ также надлежащую довѣренность къ оной, коей правленіе утверждено на продолжительное время: ибо, чѣмъ чаще присходящъ въ Государствѣ новыя избранія въ достоинства, тѣмъ скорѣе приближается къ разрушенію учрежденіе правленія народнаго; но чѣмъ долѣе пребываетъ верховный совѣтъ непремѣннымъ, тѣмъ менѣе приобретаетъ силы все общество въ Государствѣ. „

„Долговременность сія происходитъ, можетъ быть, токмо отъ одной выдумки, чрезъ кою въ печеніе предвидущихъ сполннѣй учрежденіи правленія уничтожаемы, или возобновляемы были, соображаясь съ сильнымъ противоборствіемъ онымъ, или скорымъ ихъ уничтоженіемъ. „

„Но

„Но ни въ какой человѣческой премудрости впрощемъ не находишь средства, кое бы могло исцѣлять весь вредъ, кое бы имѣло силу препяшсшво-вать вдругъ всѣмъ опрослямъ вольноспи, и кое бы могло при всемъ помъ преподавать Государю силу, служащую къ припѣсненію народа. Не смотря одна-кожъ на то, думаю я, что Государь чрезъ самую шужъ опасность, коей бываетъ подверженъ онъ, лишасть любви своего народа, будешъ доведенъ до крайней необходимости къ пріуготовленію себя посредствомъ благоразумія управлять такъ Скипепромъ, чшобъ не припѣснхъ имъ никогда гражданъ, и чшобъ и самому ему шакже не былъ въ шягосшь оной. Государь, одаренный достоинствами, приобыкнешъ съ начальвыхъ времянь своего царшвованія ко всѣмъ затрудненіямъ зависшными подданными окруженнаго правленія, и научитъ поступать шакъ, чшобъ оравумиѣйшая и лучшая часть народа его ошавалась ему навсегда преданною: однимъ словомъ, ему нечего будешъ опасатъ шогда со стороны своихъ подданныхъ, когда приложитъ онъ всевозможное спараніе въ уподобленіи себя во всемъ великому *Алфреду.* „

He

Не безъ прискорбія между шѣмъ слушелъ Государь Англо-Саксоновъ важныя сіи предложеніи, чинимыя ему искуснымъ въ познаніяхъ *Амундомъ*. „Не совсемъ еще въ состояніи, сказалъ премудрый Государь сей, народъ мой управлялъ самъ собою. Но въ печеніе просвѣщеннѣйшихъ сполабшій учинишся оной доспойнѣе, спашся можешъ, къ совокупному управленію власшю Государства. Миѣжъ, напрошивъ того, оспашся шокмо пещись возжечъ ему свѣщу наукъ, и опкрышь всю красоту премудрости и добродѣтели, а пришомъ и самыя пуши, препровождающія къ небеснымъ симъ дочерямъ. Ишакъ, сколь долго имѣю я владычешствовашъ вкупѣ со власшю, оспашвенною миѣ предками моими въ наслѣдство, споль долго продолишя пущъ мое неусыпное спараніе въ опраженіи всякаго сомнѣнія ошъ ввѣреннаго миѣ всевысочайшимъ Провиденіемъ пасства, видя шолько власши въ рукахъ моихъ. „

АЛФРЕДЪ.

КНИГА V.

Содержащая въ себѣ повѣствованіе
О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ ОѢРА, СѢВЕРНОЙ
СТРАНЫ ЖИТЕЛЯ.

На опдалениѣйшемъ краю Галго-ландіи, а въ Полунощной части Нордманнландіи, жилъ нѣкій доспащочный дворянинъ, коему имя было ОѢръ. Онъ имѣя у себя до шести сотъ шакъ называемыхъ сайгачей (*), въ шакой спранѣ, гдѣ всякой скопѣ, а особливо рогатой, весьма считался рѣдкимъ живошнымъ, оралъ и угобжалъ землю собшвенными своими лошадьми и валами. Сверхъ того, упражнялся онъ много въ чпеніи; его дужъ восхищенъ былъ различными повѣствованіями путешествовавшихъ, кои обогатили разумъ свой совсемъ новѣйшими испиннами наиопдалениѣйшихъ спранъ, и кои, сравнивая нравы согражданъ своихъ со нравами чужеспранныхъ, познали совершенно чрезъ сіе средство искусство, содѣ-

(*) Родъ дикихъ степныхъ козъ, сходныхъ съ оленями.

содѣлашь оныя гораздо лучше, и учились наконецъ дѣйствительно способными удѣляшь народу своему неизвѣстные еще до того способы, преимущественнѣйшія дѣйствіи и легчайшія пипапельныя средства. Государство Норвежское управляемо было въ то время *Гаралдомъ*, прозваннымъ прекрасноволосымъ, такимъ Государемъ, который пришедшия шамъ всячески протѣихъ малыхъ владѣтельныхъ Князей, старался распространяшь принадлежащія яко бы ему одному права престола. Итакъ, *Оваръ* умножилъ всю свою врожденную наклонность къ пользѣ всеобщихъ правъ человѣческой природы чрезъ познаніе о древнихъ Скалдахъ, кои предъ храбрѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ воспѣвали единыя преимущества вольности.

Въ слѣдствіе сего, почувствовалъ онъ непреоборимую склонность къ путешествію и новѣйшимъ открытіямъ наиопдаленнѣйшихъ странъ вселенной, чему никакъ вопрошившися не въ силахъ онъ былъ. Чего ради, сѣвъ на судно, и плавая нѣсколько времени, прибылъ онъ наконецъ ко Двору *Алфреда*, который упражнялся въ самое то время въ различныхъ распоряженіяхъ своей морской силы. Итакъ,
Король

Король сей взиралъ сѣ не малымъ удовольствіемъ при семъ случаѣ на мужа, коего самая необходимость научила познашь основательно искусство мореплаванія.

Нордманландію не одарило естество впрощемъ ничемъ инымъ, говорю, кромѣ достаточнаго количества различныхъ родовъ дикихъ козъ и разной дичины, никакими другими средствами, служащими къ пропитанію ея обселянъ, какъ шокмо единымъ моремъ. Между подводными каменьями преужаснаго крупаго каменнаго берега и между гористыми островами, лежащими вокругъ страны сей, морская пучина наполнена была безчисленнымъ множествомъ различныхъ родовъ морскихъ звѣрей, кои, не смотря на величайшія опасности жестокихъ вѣтровъ и спрашныхъ льдинъ, на подобіе цѣлыхъ острововъ безпрестанно плавающихъ, будучи преслѣдуемы отъ неробкихъ жителей обласпи сей, должны были замѣнять собою всѣ оныхъ необходимости, хлѣбъ и прочія земляныя произрашенія, коими въ странахъ шѣпныхъ награждаетъ сѣ излившемъ щедрая земля труды земледѣльца, должны были живущіе въ суровомъ климатѣ Сѣверныя жители

искашь

искашь въ дальныхъ странахъ и привозишь попомъ по долговременномъ мореплаваніи въ свои жижины. Каждой изъ оныхъ есть совершенной рыбакъ и припомъ мореходецъ; отъ чего и происходило безсомнѣнія по большей части, что морскіе берега Скандинавіи могли легко морскими своими многочисленнѣйшими силами беспокоивашъ жишелей плодороднѣйшихъ странъ свѣша.

По прибытіи такимъ образомъ Овара ко Двору Государя Англо-Саксоновъ, представленъ онъ былъ вскорѣ попомъ Королю. „Великій Алфредъ, сказалъ сей Сѣверной жишель, увидѣвъ онаго, заслуживашъ неоспоримо чрезъ свои преизящныя добродѣтели, чтобы вемный шаръ представилъ ему новыя земли, коихъ никшо изъ смертныхъ не обѣзжалъ бы еще вовсе. Въ слѣдствіе того, надѣюсь я несомнѣнно открышь ему шакія страны, гдѣббъ богашства Англіи могли совершенно увеличиться, гдѣббъ въ многочисленномъ количествѣ мореходцы нашли избыточной во всемъ грузъ, и гдѣббъ Саксоны научились свободно, управляя своими судами, утвердишь наконецъ владычество ихъ на морскихъ водахъ, Я живу среди шакого пояса вселенной, въ коемъ солнце во время лѣтна

ни-

леніе къ добычѣ и неукропимая слава въпродъ заносили въ неизвѣстныя имъ во все моря; пошому, что страна Сѣверная просширалась не до самаго края свѣта: оную обшекаетъ съ одной стороны просширанной Океанъ, а на Востокъ открываешся шамъ неизмѣримаго просширанства море, предѣлы коего никому еще и понынѣ неизвѣстны во все, простираясь даже до изобилующаго всемъ Ниппона, и касаясь накрадѣ рачисельнаго Каоая. Ишакъ, безконечно бы было безсомнѣнія щастіе Саксонъ, и неизмѣрима бы была конечно слава великаго *Алфреда*, когдабы удалось усердному рабу его *Овару* открытъ только путь въ сіи обильныя богатствомъ страны и препроводить пошомъ сокровища оныхъ въ острова Британнскіе, кои обогащаютъ шолко народовъ, прежде нежели касаются онѣ Европы. Шелкъ, великолѣпнѣйшіе уборы, приличные однимъ высочайшимъ Дворамъ Государей, лучшая спаль, прекрасная мѣдь и дорогіе мешаллы обрѣтаются въ изобиліи въ сихъ отдаленнѣйшихъ Государствахъ; и шомъ народъ воспріиметъ безсомнѣнія первѣйшее мѣсто между всѣми другими народами, кощорой, познавъ лучше путь водъ морскихъ, будетъ въ силахъ присвоить себѣ сокровища

неизвѣстной еще понынѣ части свѣта посредствомъ мореплаванія. „

„Въ слѣдствіе чего, осмѣливается нынѣ дерзкій Оваръ испросить себѣ отъ великаго Алфреда шокмо два судна, кои, нагрузя онъ искуснѣйшими мореходцами, со вложеніемъ припомъ въ оныя свѣспныхъ припасовъ на двенадцать мѣсяцовъ времени, не упустишь конечно или погибнуть, или обрѣсти Королю новыя Государства въ шеченіе сего срока. „

Алфредъ согласился безпрекословно на сіе выгодное для него предложеніе. Два большіе корабля, нагруженные искусными мореходцами изъ Нормандіи, отвалили вскорѣ отъ береговъ Галлоландіи, и предприимчивый Оваръ не преминулъ направить паруса свой прямо на самый край свѣта. Онъ видяшь ясно уже край земли, извѣстной ему и всѣмъ съ нимъ бывшимъ его спутникамъ; морская пучина открываешь ему неизмѣримое пространство водъ на Воспокъ, и земля возвращалась, казалось ему, паки на Полдень. Оваръ слѣдуетъ далѣе на Сѣверъ, куда ни одинъ изъ смертныхъ не ходилъ на парусахъ еще до сего времени. Неудобопонятное пространство морскихъ водъ не заграждалось

О 2 вб

въ очахъ его ничемъ ни откуда, а опасности, встрѣчавшіяся ему повсѣчасно, казались для безпримѣрной бодрости онаго весьма маловажными шокмо. На пуши своемъ преодолѣвалъ онъ почасту страшную силу единороговъ, и привезъ попомъ симъ драгоцѣннымъ цѣлительнымъ отъ всякой отравы лѣкарствомъ нагруженной имянишой грузъ въ Англію; но обвѣзжая шужъ самую поверхность земнаго шара, по сю сторону коей оная паки обращается на Полдень, воспрепятствованъ онъ былъ въ благополучномъ его плаваніи сильнымъ Восточнымъ вѣтромъ. Тщешно старался противитися при семъ случаѣ жестокому дѣйствію естества смѣлостію преисполненный мужъ сей, и носимъ будучи долгое время ужаснымъ спремленіемъ ярящегося безпрещанно зѣфира по страшной сей спижіи, прибывъ былъ наконецъ къ нѣкоторому бѣрегу, гдѣ нашель онъ скоро попомъ безопасную приспань, горячіе водяные ключи и zealъню покрышю густо пасшву.

На берегахъ сихъ обитали жители, весьма сходные впротчемъ съ Финнами, между коими живаль нѣкогда Оелрѣ. Малаго росша и гнуснаго припомъ вида, но пріобыкшія къ снесенію
всѣхъ

всѣхъ тяжестей жизни и неутомимыя въ несноснѣйшихъ трудахъ любили, нападали не смотря на все то съ слабымъ оружіемъ, безъ помощи же лѣза вовсе, на страшныхъ китовъ, служащихъ имъ пищею, употребляя между тѣмъ кости оныхъ къ сооруженію своихъ жилищъ. Подъ льдомъ спарались онѣ искать всячески пужливыхъ пюлбней, низлагая оныхъ своими дрѣпками, заостренными какою либо коетью. Однѣ рыбы служили имъ токмо настоящимъ кормомъ, и составляли всю ихъ пищу; потому что земля опрѣкодь не произносила ничего такого въ мѣстахъ тѣхъ, отъ чего бы люди могли безъ нужды пробавлять жизнь свою; вся сія страна покрыта была повсюду камнями и наполнена превысочайшими горами, покрытыми безпрестанно снѣгомъ; никогда не распускало тамъ цвѣта своего никакое дерево, и крѣпчайшая земля не приносила ни въ какое время года какихъ либо плодовъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Между тѣмъ, корабль *Ое рс*, претерпѣвъ жестокою бурю, повредились весьма во время оной; и какъ къ поправленію оныхъ похребно было непременно нѣсколько времени, то въ разсужденіи того, имѣлъ онъ удобный

случай познать вскорѣ народъ сей; обитавшія берега, открытые имъ тогда вновь. Онъ не преминулъ между прочимъ помогать всячески людямъ симъ при ихъ упражненіи въ рыбной ловлѣ, и научилъ ихъ при томъ прикрѣплять копы ихъ, бросаемаыя имъ, обыкновенно до того въ кишовъ, къ долгимъ канатамъ; чрезъ то самое щацила спрашной величины рыба сія лавца ея сама съ невѣроятною скоростію, коей никакое стремленіе уподобиться, не въ силахъ было, покуда сильное испеченіе крови изъ оной не ослабѣвало ея совершенно. Сверхъ того, открылъ онъ имъ также истинное достоинство зубовъ сильнаго моржа, и показалъ средства къ удобнѣйшему онаго покоренію; далъ вкусить имъ при томъ всю пріятность употребленія жабба, обнадеживъ ихъ возвращеніемъ къ нимъ паки въ послѣдующіе года съ плодами различныхъ искусствъ просвѣщеннѣйшихъ странъ и промѣнявъ попомъ на оныя ихъ ловъ кишовъ и шюльней.

Но сколь впрощемъ ни преданъ былъ Оваръ вольности, однакожъ не видалъ онъ при томъ ни единой такой страны, копорая бы не управляема была какою либо верховною властію. Весь

Сѣверь

Сѣверѣ состоялъ тогда подѣ владѣніемъ небольшихъ Князей, кои вообще всѣ покорялись паки великимъ Государямъ, правительствующимъ въ Упсалѣ, Леорѣ и Нордманнландіи. Всѣжѣ жители Полунощныхъ береговъ повиновались совокупно особливымъ начальствамъ и уопановленнымъ законамъ. Каждой народъ плащилъ известную дань своему правительству, и посвящаль оному охотно часть своей вольности.

Напрощивъ того здѣсь, на Западномъ краю Сѣвера, не нашель Оварѣ нимаѣйшего даже слѣда какой либо зависимости; шамъ не видалъ онъ никого изъ преимуществовавшихъ предъ прочими, шамъ не было, говорю, ни законовъ, ни достойныхъ наказаній, заслуживаемыхъ непременно преступленіемъ, ниже самыхъ награжденій за достоинства. Каждый отецъ служилъ въ странѣ шой настоящимъ господиномъ дѣшамъ своимъ, напрощивъ того сотоварищъ въ его жилищѣ, живущій съ нимъ подѣ одною крышкою, не требоваль такъже отъ него нимаѣйшаго себѣ повиновенія, не оказывая и ему равнымъ образомъ съ стороны своей никакой покорности, живучи безпрестанно какъ и всѣ обратіи его въ совершенномъ между собою равенствѣ

подъ взаимнымъ небеснымъ свѣтиломъ. Двадцать шаковыхъ жижиновъ врыты были въ земля одна подлѣ другой прѣдъсьма изобильномъ разною рыбою мѣстѣ. Изъ пятидесяти человѣкъ числомъ домочадцевъ, живущихъ въ жижинахъ сихъ, не преподавалъ ни одинъ другъ другу какого либо наставленія, основывающагося на родѣ каковаго ни есть самовластія, ниже принимая когда отъ кого оное, и не будучи нимаго особливымъ начальникомъ надъ вышеупомянутою шонбю, дабы бышь у согражданъ своихъ чрезъ шо жопя въ маломъ почтеніи, превосходящемъ самое врожденное внушеніе въ человѣкѣ, кое производишь по себѣ обыкновенно благій совѣтъ. Сии дикіе, собираясь всегда въ просныя жижины, или большія селенія, всѣ вкунѣ, владѣли совоюкою между собою большими ладьями, въ коихъ они отъ одного мѣста до другаго шакогожъ переплывали немедленно, гдѣ только ловъ рыбъ находили они лучшимъ. Они соединяли всѣ ихъ взаимныя силы къ сооруженію подобныхъ судовъ, дѣлали прошивъ кишовъ настоящій между собою союзъ, вступали съ оными совоюковыми силами въ сраженіе, и раздѣляли наконецъ по себѣ всю добычу. Но ни одно изъ

изъ сихъ обязательствъ не обязывало никого изъ обселянъ спраны шоя. при-
супишь ниже къ малѣйшей зависи-
мости одного отъ другаго.

Итакъ, Оваръ желалъ усердно
узнать, какое бы имѣло дѣйствіе сіе
сословіе, неподверженное никакимъ
вовсе законамъ; менѣе ли дружелюбны
были люди, пребывая въ ономъ, и
хуже ли участь ихъ была при томъ
предъ прочими народами. Однакожь
при всемъ томъ, нашелъ онъ весьма
мало различія между сими самовласт-
нѣйшими изъ людей, по естѣ жите-
лями Сѣверо-западнаго берега и просвѣ-
щеннѣйшими Европейцами. Всякое добро
сдѣлано было тамъ, какъ и у посяда-
нихъ, со зломъ вкупѣ. Сіи дикіе
жили между собою въ неменьшемъ со-
гласіи, какъ и шѣ, надъ неукрощимою
злобою коихъ бдишь неусыпно законъ
мщенія, такъ что весьма рѣдко случа-
лось тамъ, чтобъ кто изъ дикихъ сихъ
обидѣлъ кого либо чемъ, а шѣмъ еще
менѣе ударилъ другаго, подобнаго ему
человѣка. Въ немаломъ числѣ находя-
щіеся домачады ихъ, живучи въ одной
жилинѣ, обращаются между собою
хоша и угрюмо, но пребываютъ впрош-
чемъ во всякомъ дружелюбіи другъ съ
другомъ. При раздѣленіи общей добычи

происходишь у нихъ весьма рѣдко какое либо несогласіе, или распрѣ; самая даже любовь любви, копорая и у самыхъ эврей возжигаетъ кроворолишнѣшій драки, не нарушаетъ нимало равномыслия сихъ уединенныхъ Нордландцевъ.

Но вѣдѣе еще равнодушны они другъ противъ друга въ разсужденіи должно сти чедовѣколюбія. Дитя; по смерши матери его, и должно умирать также метремѣно, потому что никакая другая женщина не приметъ у нихъ къ себѣ сироту сію. Во время немощи ихъ не наслаждаются они всею пою помощію отъ своихъ ближнихъ, кои оказывать спараются между собою просѣщенные народы; при часныхъ перемѣнахъ жилищъ ихъ, составля етъ больной здоровому такое бремя, коимъ обременяшь не въ силахъ они счищаютъ себя. Когдажъ не угро жааь никакой мспитель презрѣнныхъ законовъ въ чемъ либо преступнику оныхъ, то никогда почти междоусобная ссора не причиняла у нихъ смертоноснаго удара ближнему. Хизя ожесточенный изъ сихъ дикихъ, вспрѣпившись съ непріателемъ своимъ на единѣ въ открытомъ морѣ, и опрокидывалъ иногда лодку онаго, или спал-

спадкивалъ его, случалось, съ камня въ морскую пучину, однакожь шаковыя злодѣйства бывали не ясны, и ничудь не обыкновеннѣе предъ шѣми народами, кои живущъ подъ спрожайшею грозою закона естественнаго и гражданскихъ испязаній.

Бракъ ихъ естъ спольже поспоянецъ и спольже шверль, какъ и у другихъ народовъ, одно лишь неплеородіе токмо бываетъ презираемо у нихъ жеснокр; понеже дѣти, а особливо сыновья, соспавляють у нихъ единую надежду въ помощи, кою въ спароспн ожиданіи имѣють родителн въ такжъ спрахъ, гдѣ люди не соотуплены доволно близко другъ съ другомъ взаимнымъ союзомъ помогать протчимъ разнымъ себѣ въ нуждахъ оныхъ.

Ощущеніе чесни споль же сильно дѣйствуешь тамъ, какъ и у просвѣщенныхъ Свверныхъ народовъ; оно проспирается у нихъ даже до самой славы, пріобрѣтаемой оспрапою разума, къ коей, посреди самой сей нужной жизни дикихъ людей сихъ, спремятся они всего болѣе. Но гораздо сильнѣе влабешъ ими спрасъ къ пріобрѣщенію спязанія: ибо, всякое излишество соспавляешь тамъ единое токмо различіе, превозносящее одного предъ

предъ другимъ, подобнымъ ему. Отна-
кожъ сіи дикія люди заслуживаютъ
носправедливости болѣе въ помъ из-
виненія предъ всѣми просвѣщенными
народами; пснеже «пища» ихъ подвер-
жена тысящи опасностямъ и злоща-
стїямъ; да и самое изобиліе оныхъ
состойтъ тоюмо въ оной совершенно,
кашорая впрѣмчемъ въ каждое мгновеніе
сущеею необходимостію учинится легко
можетъ.

Недостатокъ же въ общежитіи,
есть насющая причина, думаю я,
препятствующая совершенно дикимъ
симъ въ укрощеніи ярости и самыхъ
звѣрей въ мѣстахъ шѣхъ. Естество
хотя и одарило страну ту изобильно
дикими звѣрями, но ничто не въ си-
лахъ тамъ приобучить оныхъ къ на-
лежащему повиновенію и согласію въ
общежитіи съ людьми шѣхъ мѣстъ.
Чего ради и неудивительно нимало,
что жители оныхъ теряютъ чрезъ
тно лучшее и надежнѣйшее пропитаніе
предъ шѣмъ, кое зависитъ отъ про-
извола моря и преспрашныхъ вѣш-
ровъ.

Итакъ, удостовѣрился наконецъ
Оваръ совершенно въ помъ, что въ
весьма пустой странѣ, гдѣ находится
излишнее пространство земли для не-
большаго

большаго числа людей, гдѣ обширное пространство моря ошверсто для всѣхъ равно и доставляешъ всѣмъ надежнѣйшее пропитаніе, гдѣ нѣтъ ни пашень, ни луговъ, ниже каковаго собственности, шакъ какъ такой вещи, коя всегда пребываетъ въ глазахъ ея обладателя, что наконецъ, говорю, въ холодной странѣ, гдѣ всѣ побужденіи, да и самое смѣлѣйшее изъ всѣхъ, то есть, похоть къ любви, гораздо умѣреннѣе, люди непременно безъ всякаго надъ собою верховнаго вельства свободно жить могутъ; что и самыя совокупныя необходимости, сопряженныя съ нѣкоторыми выгодами столь равнодушныхъ людей, обратишь могутъ человека безсомнѣнія ко взаимному другъ съ другомъ согласію, и что пороки у оныхъ не превращаясь конечно въ ужаснѣйшія злодѣяніи предъ шѣми людьми, кои состоятъ подъ властію Государя и законовъ; пошому что всякія побужденія ко злу менѣе тамъ дѣйствуютъ, и обуздывающія наказанія менѣе нужны дѣлаютъ, садовашельно.

По прошествіи нѣкотораго времени корабль Овара предался пакы опасностямъ страшнѣйшей стихіи. Благопріятный Сѣверо-восточный зефиръ примчалъ
вскорѣ

вскорѣ безспрашнаго сего мореходца къ Полуденной высотѣ замершего берега. Часъ земнаго шара подавалась въ шомъ мѣстѣ гораздо болѣе на Полдень; пространнѣйшій заливъ встрѣчался шамъ со взоромъ каждаго мореплавателя, и большая рѣка, разливаясь шупъ на многіе рукава, впадала наконецъ въ открытое море, и служила шѣмъ самымъ безопаснѣйшимъ приспанищемъ. Нордланецъ нашелъ страну сію, хотя оная также считалась Сѣвѣрною, какъ и берега дикіихъ, обитаемую при всемъ шомъ людьми благонравными. Бармїяне, такъ назывался народъ сей, подчинены были всѣмъ Государю, и опиравали совершенно между собою службу Божію; они жили въ теплыхъ и покойныхъ жилищахъ, и имѣли ошъ рыбной ловли, охоты, ошъ многочисленныхъ ихъ паспѣвъ и различныхъ плодовъ земли весьма достаточное для себя пропитаніе. Народъ сей сходенъ былъ впрощемъ съ вышеупомянутыми Оваромъ нѣкогда Финнами; въ разсужденіи него, позналъ сей великій мужъ лучше въ сѣмъ мѣстѣ пользу согласнаго общежитія. Сѣвѣрная спужа, весьма продолжительная Зима и пагубные вѣтры владычествовали шамъ безпрестанно, такъ какъ

какъ и у Сѣверо-западныхъ дикихъ; но совокупныя силы смертныхъ переобразовали тамъ совсемъ иначе природу. Земля, будучи въ рукахъ оныхъ, учинилась плодородною; имъ извѣстна была польза и употребленіе всякаго орудія; они помогали взаимно другъ другу закладывать и сооружать пошомъ жилища свои; не паскались вовсе отъ скудости но пустымъ степямъ; имѣли у себя прекрасныя сады и пространнѣйшія поля, и промѣнивали изобиліе свое на полезныя для нихъ товары Полуденныхъ странъ народовъ; они не подвержены были вовсе дѣйствію глада, кое при мало неблагоприятной погодѣ погубляетъ безъ помяды многихъ дикихъ. Что одному изъ нихъ неудобовозможнымъ бытъ казалось, то самое преодолевала совершенно совокупная сила цѣлаго множества: Преизящныя науки просвѣщеннѣйшихъ народовъ удѣляли и въ сіи отдаленнѣйшія страны даже частицу лучей своихъ, пошому что и въ оныхъ знали и почиали также между прочимъ всевысочайшее Существо.

Любопытный Оверъ узналъ пришомъ совершенно, что въра укрѣпляетъ сама собою одна сильно союзъ смертныхъ, и обязываетъ насъ взаимно къ

кѣ исполненію должностей другѣ прошивѣ друга, чего изѣ дикихѣ однакожѣ ни одинѣ не знаетѣ вовсе; что мы ощущаемѣ сожалѣніе гораздо нѣжнѣе, и какѣ нужду, такѣ и самое несчастіе другихѣ усерднѣе умѣрять щимся; и что наконецѣ не вѣ общежитіи пребывающія люди не дѣлаютѣ нималѣйшаго приращенія вѣ ихѣ весьма посредственныхѣ знаніяжѣ, ничего не изобрѣшаютѣ, и ни чего не доводятѣ до надлежащаго совершенства; но напрошивѣ того просвѣщенныя, изыскиваютѣ повседневно новыя средства кѣ облегченію бременя вѣ жизни, дабы умножить вопервыхѣ пріятности чувствія, возрастить, и попомѣ увеличить оныя вѣ такое время, когда дикіе народы осмѣются вѣчно вѣ совершенномѣ своемѣ ребячествѣ.

Между шѣмѣ, Оварѣ воздвигнулѣ паки вѣ семѣ мѣстѣ паруса свои, и благопріятный Южно-западный вѣтерѣ домчалѣ его отшуда вскорѣ кѣ Полуночному краю земнаго круга. Плавая по морю, пробжалѣ онѣ между прочимѣ мимо нѣкопорого острова, отдаленнаго весьма по сѣю сторону отѣ земель, обитаемыхѣ жителями, на Воспокѣ, и находящегося неподалеку отѣ несравненно обширнѣйшаго предѣ нимѣ

жимъ острова, покрышаго беспрестанно снѣгомъ, гдѣ малые дары, производимые природою, пишающъ шокмо однихъ звѣрей впрошчемъ. Сей небольшой островъ окруженъ былъ со всѣхъ споронъ неизмѣримою почти глубиною, въ коей изобиловало пространное море въ излишесствѣ кипами. Ишакъ, Оваръ льстилъ себя совершенно надеждою, открьшь современемъ неисчерпаемое сокровище въ сихъ никогда неизвѣстныхъ еще никому спранахъ (*), и наградишь шѣмъ самымъ безпримѣрную щедросту Короля Саксоновъ.

Но весьма швердымъ между шѣмъ пребывало предпріятіе его въ исполненіи *Алфредова* желанія, дабы открьшь пущъ въ Кавай и Ниппонъ, въ шакія Государства, о величинѣ и богашствѣ коихъ достигнулъ служъ тогда и до Европы даже. Въ слѣдствіе чего, при лучезарномъ сіяніи солнца, пробѣзжая нѣкогда мимо одного малаго острова (**), усмошрѣлъ онъ вдругъ восходящій

Часть II я.

II

дющій

(*) Подъ симъ разумѣется островъ Спидбергенъ.

(**) Сіе подтверждается истиннымъ свидѣтельствомъ, бывшего въ то время кормчимъ *Гилкофа* и прочихъ оного спущиковъ.

дящій отъ земли дымъ. „И здѣсь видно находящяся шакже люди, на самомъ краю земнаго шара!“, сказалъ Оваръ своимъ поварищамъ; вскорѣжъ послѣ шого увидѣлъ онъ нѣсколькихъ вовсе незнаемыхъ ему людей, окушанныхъ съ головы до ногъ шеплыми шубами, ходящихъ по берегу и мажавшихъ ему руками безпрестанно, шребуя отъ него себѣ весьма громогласно всевозможной помощи.

Великодушный мужъ сей, не могъ зриать ни на какое челоуѣческое шраданіе безъ шого, чшобъ не принимаешь въ злощастіи онаго наивеличайшаго участія. Онъ сошедъ самъ въ лодку, и приплывъ благополучно къ берегу, подалъ имянишѣйшему изъ оставленныхъ всѣми людьми дружелюбно руку помощи. Всѣ бывшія шамъ люди, были Барміяне, языкъ коихъ не безвизвѣшенъ былъ уже болѣе Овару. Они увидѣвъ его къ себѣ прибывшаго, просили онаго, по всѣмъ правамъ челоуѣколюбія, избавишь ихъ изъ сего бѣдшвеннаго мѣста, на чшо Оваръ согласился шопчасъ ошопно, желая и безъ шого учинишь всякую помощь симъ нещастнымъ; но они убѣдили его между шѣмъ прозьбою посешишь прежде ихъ жижину, въ кошорой препроводили

дали они, какъ сказывали, цѣлыя шесць лѣшъ безпрестанно.

Хижина сія находилась въ преглубокой ямѣ, будучи обнесена припомъ со всѣхъ споронъ различными и разнообразными деревянными обломками, снабжающими въ немаломъ количествѣ попечительнымъ естествомъ неприступный сей берегъ, посредствомъ ярящихся морскихъ волнъ, приносимыхъ обыкновенно оныя изъ отдаленнѣйшихъ лѣсиспыхъ мѣстъ. Всѣ оной скважины запыканы были мохомъ, либо правую; и безпрестанной огонь горѣлъ шамъ на очагѣ, которой никогда не былъ угасаемъ нарочно. Всѣ сокровища злощасныхъ сихъ сохранялись также въ оной хижинѣ. Кожи съ низложенныхъ ими медвѣдей, презорочныхъ лисицъ и дикихъ козъ, шакъ какъ и оныхъ сало съ различною нишью, веревками, пряжью и медвѣжьими жилами, а припомъ и нѣсколько глинной посуды, соспавляли все богатство сихъ въ злополучіи пребывавшихъ людей. Икакъ, Барміяне не преминули угостить всячески неожиданныхъ ими вовсе гостей своихъ различными звѣриными мясами, а жители съ Сѣвера прибывшіе дали напрошивъ шого вкусить онымъ съ своей

стороны давно забытой ими услаждающей соку пшпательнаго ячменя.

По окончаніи прпезы перенесли немѣдленно узники сіи всѣ свои сокровища со всемъ ихъ скарбомъ на корабль своихъ избавителей, и благопріятной Западной вѣтеръ началъ вспомошествовать съ шѣхъ поръ благополучному ихъ плаванію далѣе на край Востока. Для прекращенія жъ скуки въ уединеніи при продолжавшейся долгое время пишины на морѣ, упросилъ между шѣмъ Огаръ спасшихся чрезъ него рассказать ему обстоятельно ихъ повѣсть.

„Всѣ мы, будучи рыбаками, сказаль старшій изъ Барміянъ, отправились было нѣкогда на киповую лодку; но доплывъ до сего острова, заперши мы были вдругъ совсемъ нечаянно льдомъ при ономъ; чего ради и принуждены были наконецъ выдти на берегъ, гдѣ всячески старались сыскашь какую ни есть пещеру, или ущелье, служащую къ нашему убѣжищу, дабы въ сей преспрашной пустынѣ могли мы сохранить себя свободно отъ смертоносной стужи. Съ начала не видали мы шамъ ничего болѣе, кромѣ однихъ преужасной величины камней, кои, будучи распрескиваны отъ жестокаго мороза, опры-

опрыываясь цѣлыми горами, падали съ непонятнымъ громомъ прямо въ море. Голыя степи безъ древесъ, безъ всякаго произрашенія, покрытые глубокимъ снѣгомъ возвышенные холмы и оставленная отъ всѣхъ пварей удивительнѣйшая дупшина, составляли все наше владѣнїе на семъ оспровѣ. Мы снесли шуда попомъ съ нашего судна нѣсколько желѣза съ небольшимъ числомъ разнаго орудія, бывшаго тогда при насъ, и низложили онымъ безъ труда вскорѣ одну дикую козу, попому что живошныя береговъ сихъ, не видавъ еще никогда никого изъ людей шамъ, не знали вовсе спасашь себя отъ злоужищенія оныхъ. Послѣ шого настала ночь, которая продолжалась однакожъ весьма недолго, по шой причинѣ, что цѣлыя мѣсяцы сряду не оставляли насъ почти совсемъ лучи солнечныя; но жестокая буря свирѣпствовала во всю шу ночь на морѣ, а жопя ледъ поушру и разнесенъ былъ совершенно, токмо судно наше, единое средство, остававшееся къ нашему спасенію, унесено было въ пучину пространства морскихъ водъ, и исчезло навсегда отъ очей нашихъ. „

„Итакъ, увидѣли мы себя наконецъ въ числѣ пятерыхъ человекъ, заклю-

ченныѣ совершенно въ наспоящей тѣмницѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ неизмѣримымъ моремъ. Ощущительно были мы лишены погда всей помощи, и находились уже почти безъ всякой надежды опшрашшь опъ себя голодъ, неносную спужу и жесточайшее спремленіе въшровъ; но при всемъ томъ самая необходимость внушила въ насъ нѣкую бодрость при семъ случаѣ: низложенной нами звѣрь, служилъ всѣмъ намъ нѣскольکو днѣй сряду нищею, а къ уполенію жажды помогалъ намъ распаиваемой снѣгъ; сверхъ того, нашли мы вскорѣ множество прибыхъ къ берегамъ мѣста новаго нашего жилища деревянныхъ разныхъ обломковъ, кои приумножались иногда, случалось, приносимыми досками съ судовъ, прешерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Топоръ и ножъ воспавляли всю нашу збрую въ сей спрашной обшпели, и мы работали безпреспанно съ неушомимыми силами въ сооруженіи видимой вами сей жилищи до наступленія самой неноснѣйшей Зимы. Опъ сильнаго шренія одного куска дерева о другой, возжигали мы огонь, которой не шушили попомъ никогда съ того времени, когда наступала сильная спужа. Изъ нѣсколькихъ гвоздей, найденныхъ нами

въ

въ прибитыхъ къ берегамъ обломкахъ разбиныхъ бурю судовъ, сковали мы на крѣпкихъ каменьяхъ молотъ и два засѣла, кои насадили потомъ на большіе шесты; изъ нѣкоторагожъ корня, котрой впротчемъ былъ также для насъ даръ пекущагося о насъ моря, сдѣлали мы лукъ, а изъ гвоздей съ насажденными оспрыми наконешниками подѣлали стрѣлы. „

„Между шѣмъ, бѣлой медвѣдь, наиболѣе опаснѣйшій мепрѣшель острова сего, пишавшейся обыкновенно добычею разныхъ звѣрей, пребывавшихъ тамъ, напалъ было также и на насъ нѣкогда; но мы, будучи приуготовлены всегда къ брани съ тамошними нашими врагами, низложили вскорѣ сего супоспаша нашими копьями. Его жилы годились намъ къ различнымъ пошребамъ, кои, будучи особливо способны къ вишью, доставляли намъ между прочимъ нужныя шепивы къ лукамъ, шакъ какъ и самыя веревки къ разному употребленію, а припомъ и нитки даже, коими шивали мы напослѣдокъ для себя одежду изъ кожъ, низлагаемыхъ нами различныхъ звѣрей. „

„Лукъ со стрѣлами, смертоносное впротчемъ вдали орудіе, доставилъ намъ скоро совершенное владычество

надъ всѣми звѣрями, обсеявшими сми-
ренно до того оспрѣвъ пошѣ. Мы низ-
лагали оными медвѣдей, побивали нема-
лое число лисицъ и шолико дикихъ козъ,
сколько попребно было шокмо къ на-
шему пропишанію; нашими же удами,
на кои насаживали мы небольшіе куски
мяса, обманывали мы свободно рыбу,
и приумножали шѣмъ самымъ прощѣе
наши припасы. Вскорѣ попомъ нашамъ
мы шамъ глину, изъ коей подѣлали
немѣленно глиняную посуду, въ кошо-
рой бы можно было намъ варить все
безъ нужды, сдѣлавъ припомъ изъ
оной же и небольшую ломпаду, кою
наполняли медвѣжьимъ саломъ, дабы
въ продолжительное шеченіе долговре-
мянной Зимы могъ удобнѣе прогоня-
емъ бытъ мракъ долгой ноци; свѣ-
шильны дѣлывали мы изъ разныхъ
веревочныхъ снастей, кои приносимы
бывали нерѣдко къ намъ съ обломка-
ми разбишыхъ судовъ; а низкая нѣ-
кошорая шрава, пріятная впрошчемъ
вкусу и припомъ весьма здоровая,
служила къ перемѣнѣ нашей пици за
шполомъ. „

„Шестъ разъ пережили мы шакимъ
образомъ долгое время продолжающегося
шамъ лѣшняго дня, и шоликожъ про-
водили ужаснѣйшихъ ноцей, кой многіе
мѣсяцы

мѣсяцы сряду покрывающѣ сїю жало-
стную страну настоящею тѣмою. Отѣ
зарываемаго жилища наше глубокаго снѣ-
га и несносной спужи позднѣйшихъ мѣ-
сяцовъ Зимы, защищала насъ хижина
наша и безпреспанной въ оной огонь
совершенно. Продолжительные часы
шого времени препровождали мы въ
спрудной работѣ, которая по долговре-
мянной бытности нашей въ такомъ
мѣстѣ довольно уже сносною учини-
лась намъ: ибо наконецъ достигли мы
до шого даже, что избъ гвоздей научи-
лись дѣлать самыя иглы.»

„Размышленіежъ, что образъ на-
стоящей нашей жизни не несносенъ
еще былъ вовсе, заставляло насъ ино-
гда, при скучномъ препровожденіи вре-
мени, коего никакъ избѣжать не могли
мы совершенно, разсуждать о томъ
немало. Ахъ! помышляя я, продол-
жалъ говорить старшій избъ сихъ рыба-
ковъ, мы должны умереть нѣкогда,
и сколь щасливъ будетъ шотъ, коего
перваго избъ насъ постигнетъ лесная
участъ сїя, кто, говорю, услышитъ
гласъ ушѣвающихъ своихъ друзей, кто
надѣйся можетъ въ крайней его сла-
бости имѣть нѣкоторую помощь, и
кому наконецъ прощіе помогутъ за-
крыть очи его вѣчно. Но какая напро-

шивъ того будетъ участь оставшагося послѣ всѣхъ, копорой безъ друзей и безъ всякой помощи въ его безсиліи не въ силахъ будетъ ни сыскать пищи себѣ, ни же свободно употреблять оной, копорой не въ состояніи будетъ ничемъ пресѣчь величайшую въ таковыхъ обстоятельстввахъ человѣческую необходимость, по есть, жажду, и кѣтовъ заключеніи семъ помясь долго, наконецъ живой долженъ будетъ изсякнуть непременно. „

„Неменѣе того также спрашили оставивъ насъ и необходимыя для насъ весьма орудіи наши; попорѣ, ошъ коего зависѣла вся наша порубка и самое отраженіе несносной спужи, ишперся уже почти до половины, а ошъ ножа не оставалось и ничего даже, коихъ пошеря казалась для насъ ничемъ ненаградимою уже болѣе. Но всесильный Творецъ смертныхъ, зная всѣ пути ко спасенію оныхъ, продолжалъ говорить разумный Барміянинъ, низпославъ наконецъ по Своему безпримѣрному милосердію изъ отдаленнѣйшаго края Запада достойнаго ироя, коему поручилъ Онъ совершенно все наше спасеніе. „

По окончаніи сей речи, не преминулъ Оваръ возблагодарить Барміянца за учиненное имъ повѣспованіе, и доказавъ
пришомъ

припомъ всѣмъ его поварищамъ немалое о помъ удовольствіе, что онъ признанъ былъ достойнымъ къ прекращенію споль жестокаго и никакими впрощемъ пороками незаслуживаемаго злощасія.

„Что бы былъ, сказалъ онъ, помолчавъ прежде нѣсколько, человекъ безъ знанія наукъ, кои безъ совокупнаго общежитія недѣйствительны бы были вовсе? Малое количество мешала, плодъ совокупнаго труда рудокопа, кузнеца, угольника, горшечника, каменьщика, плотника и многихъ другихъ художествъ, сохраняли споль долго жизнь сихъ злощасныхъ Барміянъ. Опъ согласнаго между ими общежитія научились они искусно обращаться съ желѣзомъ, употребляль глину для разной посуды, вить изъ жилъ веревки, и наконецъ дѣлаль изъ кожъ низлагаемыхъ ими звѣрей для себя одежду. Но сколь впрощемъ, былъ бы человекъ злощасенъ тогда, когдабъ не зналъ онъ жить въ надлежащемъ согласіи съ подобными ему во всемъ людьми, и не премѣнно исчезъ бы, надѣюсь, весь родъ смертныхъ въ нѣсколько шокмо лѣтъ, пошому что малыя дѣти оставались бы безсомнѣнія долѣе безсильными, нежели каждой изъ звѣрей,

на

на поверхности земнаго шара пребывающих; онѣ не моглибѣ конечно промыслишь для себя никакѣ сущихъ необходимостей въ жизни, когда бы не совокупило вмѣстѣ ничемъ непреодолимое побужденіе къ согласному общежитію отца съ матерью, дабы соблюсти нѣжно неблагодарный и единое шокмо мученіе родителемъ причиняющей младый отросль рожденія своего, и не принести наконецъ въ жертву, въ прошивность внушенія ихъ взаимной любви, ихъ спокойствія, ихъ ушѣхи, ихъ обоюдной другъ ко другу должноти и самаго даже отшращения отъ несноснаго мученія, слабыхъ своихъ чадъ. „

Между шѣмъ, продолжалъ Оваръ плаваніе свое на Воспокъ нѣсколько времени еще довольно благополучно; но попомъ вспунило солнце въ знакъ Дѣвы, продолжительной день началъ уже часъ отъ часу умялшя, морскіе вѣтры спали спановишя суровѣ, густой шуманъ началъ покрывашъ поверхность моря, и плавающие большіе изо льду сосшавлявшіеся оспрова почали уже окружашъ отшсюду корабль его. Мужеспвенные жишели Сѣвера хошя и не спрашились впрощемъ нимало смерти, а особливо когда она предшавлялась

спаваялась очамъ ихъ въ образѣ копія, или меча; но они знали припомъ совершенно, что при замершихъ Сѣверныхъ берегахъ каждая пристань, каждое, говорю, мѣсто, служишь имѣли имъ настоящею могилою, что никакая страна въ самомъ неизмѣримомъ ея пространствѣ не въ силахъ произноситъ ничего необходимо нужнаго къ жизни человѣческой, что корабль ихъ никакъ не могъ противостоять сильному спре-мленію льда, что весьма невѣроятнымъ было то, населены ли были къмъ не-обитаемыя до того страны шѣ, къ ко-имъ бы они пристать вздумали когда ни ешь, и что сверхъ всего того пагуб-ная смерть, голодъ и стужа грозили имъ почти повсечасно неминуемою погубе-лію, коей никакая бодрость смертныхъ противостоять была не въ силахъ.

Итакъ, принужденъ былъ великій ирой сей уступить наконецъ по не-волѣ въ своемъ твердо предпріятомъ единожды предпріятіи; пошому что плаваніе его учинилось уже по причинѣ сильно сгустившегося воздуха столь опаснымъ, что въ каждое мгновеніе ока невидимой подъ водою камень, либо вовсе нечаянная лдяная груда, могли судно его раздробить на мелкія части. Припомъ, начали шакже убав-лялся

ляшся и припасы его; надежда же на предвидущую помощь могла не прежде исполнися, казалось, какъ шокмо въ опдаленнѣйшихъ Полуденныхъ спранахъ развѣ. Чего ради, принужденъ былъ, говорю, Оваръ уступить наконецъ жестокой сей необходимости, и обратишь плаваніе свое совсемъ въ противную его желанію спрану. Онъ привезъ благодарныхъ ему Барміянъ въ мѣсто ихъ рожденія, нагрузилъ корабль свой рѣдкими дорогими мѣхами и добычею Сѣверныхъ морскихъ звѣрей, и прибылъ потомъ благополучно при наступающей Зимѣ, по прешерпеніи наивеличайшихъ опасностей обратно въ Галголандію, перезимовавъ однакожъ у своихъ единокоренцевъ, слушавшихъ съ ужасомъ повѣспованіи слухниковъ сего ироя, кои переплыли споль многія и никѣмъ еще никогда неперебъжаемая моря, кои видали людей совсемъ другаго съ ними образа и поспороннихъ вовсе обычаевъ, и кои опважились подходить ближе къ краю дальнѣйшаго онъ пропчихъ созвѣздія, нежели бы кшо иной изъ смертныхъ помышляшь дерзалъ шо когда ни ешь.

Въ послѣдующую потомъ Весну прибылъ Оваръ паки въ Англію, привезя съ собою Королю Государства сего

не-

неоцѣненные дары Сѣвера, какъ то, моржовыя зубы, драгоценныя морскихъ звѣрей кожи Барміяи и Обдорцевъ, рога высокопочитаемаго морскаго единорога (*) и челюсти преодолѣнныхъ китовъ. Алфредъ слушалъ впрощемъ съ немалымъ удовольствіемъ приключеніи своего посланника, такъ какъ и увѣдомленіе его о предавшихся на произволъ единаго промысла еспешива людей. Чрезмѣрное его великодушіе не допускало онаго до того болѣе, чшобъ подвергнушь паки мужеспвенныхъ его мореходцевъ очевидной пагубной опасности вторичнымъ путешствіемъ въ ошдаленнѣйшіе край Сѣвера; чего ради, учинилъ онъ предпріимчивому Овару совсемъ другое предложеніе, кое гораздо легче было произвсти въ дѣйство, казалось сему премудрому Государю.

Норманецъ сей долженъ былъ во исполненіе онаго обѣхашъ все Восточное море, ишекающее изъ великаго

(*) Иначе называемаго однорога, или реноцера. Исландцы ушверждаютъ, яко бы подѣ именемъ звѣря сего разумѣтся ничто иное, какъ шокмо зубъ большой морской рыбы, извѣстной подѣ названіемъ нарвала, а въ другихъ мѣстахъ рогарипа, находящегося въ Ледовитомъ море.

каго Океана между Скандинавіею и Нѣмецкою землею и простирающееся далѣе на Воспокѣ. Чего ради, отпра- вился онѣ немѣдленно изѣ Англїи на довольно изрядно вооруженномѣ и всемѣ нужнымѣ снабженномѣ кораблѣ чрезѣ Зундѣ, раздѣляющій проливѣ острова Датскїе отѣ Государствѣ Готтеновѣ, и пробѣжалѣ нѣкопороку рѣкою, выходя- щеею изѣ древней опчизны Англовѣ: ибо, весь народѣ сей перешелѣ нѣкогда опшуда вѣ плодородную страну Бри- таннскую, оставя впусѣ прежную свою землю, копорая обипаема была тогда Датчанами. Оварѣ прибылѣ по- томѣ вѣ устьѣ рѣки Вислы, кѣ шой самой странѣ, опкуда вѣ пропчїя часпи свѣща вывозяшѣ вѣ немаломѣ количе- ствѣ прозрачную смолу, подѣ именемѣ яншаря извѣстную, выбрасываемую изѣ моря на берега. Тутѣ нагрузилѣ онѣ корабль свой симѣ душистымѣ сокрови- щемѣ, служившимѣ тогда повсюду вѣ Европѣ наружнымѣ украшенїемѣ жен- скому полу. Бѣжавши опшуда, посещилѣ онѣ также проспанные берега Эсплян- діи, суще, шакѣ сказапѣ, мѣсно пребы- ванїя благородныхѣ людей и невольни- ковѣ. Обширные лѣса покрывали здѣсь всю землю, и единожди шокмо опушо- шена была шамѣ совершенно страна нѣкая;

иная; одинъ изъ дворянъ Сарматскихъ имѣлъ въ томъ мѣстѣ свой домъ, окрестъ коего жили всѣ его невольники въ наибѣднѣйшихъ жижинахъ, обрабатывая землю въ пошѣ лица-своего для него единственно, и ожидая повседневно себѣ въ награду самонужиѣйшаго токмо пропитанія, жизнь в самую чesнъ женъ коихъ зависела ошѣ безпредѣльной власпи ихъ господина. Властелинъ сей полагалъ впрощемъ все свое благополучіе въ единой брани съ его сосѣдами и во всегдашнемъ оной подражаніи, шо есть, охотѣ; онъ старался искашь безпрестанно въ дремучихъ лѣсахъ своего владѣнія буйваловъ, и изгонялъ медвѣдей изъ ихъ зимнихъ берлогъ. Науки, художества и искусство торговли не проникли еще въ шо время вовсе до сего мѣстопробыванія суровой природы. Въ нищестѣ шомившейся крестьянинъ выгоняемъ былъ шамъ повседневно жестокосердыми надзирашелями къ работѣ, дабы господинъ его шѣмъ удобіе могъ жить въ совершенной праздности, къ шаковому упражненію, говорю, ошѣ коего не могъ онъ никогда ничего ожидать себѣ, и къ чему принуждала его единственно плѣшь немилосердаго онаго гонителя. Ишакъ, безпрестанное пришѣщеніе, въ

Часть III. Р коемъ

коемъ испощевали силы сихъ бѣдныхъ,
 жудая плапа за шяжчайше оныхъ
 труды и суще презрѣнїе, необлег-
 чающее впрощемъ никакія досто-
 нныя заслуги, учинили наконецъ зло-
 щасныхъ рабовъ сихъ неисповыми
 въ злодѣяніяхъ и совершенными врага-
 ми ихъ господину. Они сдѣлались лѣ-
 нивыми, пошому что принуждены
 они были работашь не для себя соб-
 спвенно; лукавыми, пошому что зло-
 бу свою должны они были наружно
 скрывать всячески; хищными, понеже
 не доставало имъ самонужнѣйшаго къ
 ихъ содержанію; и любоспрасными,
 для того, что ни одна дѣвица не
 оспавалась свободно въ ея цѣлому-
 дрїи, не въ силахъ будучи прошиво-
 стояшъ насильспвеннымъ ухищреніямъ
 неисповыхъ благородныхъ. Но несра-
 вненно ошущительнѣе для каждого
 была участь рабства сихъ при-
 швенныхъ злощасныхъ въ томъ,
 что онѣ не познавали болѣ никакой до-
 бродѣтели, и койхъ дѣяніи учинились
 сходными точно со звѣрскими. Большая
 часть страны той оспавляла совер-
 шенную пустыню, и самая пашня
 Сармацскихъ благородныхъ не об-
 щевала себѣ ничего ошъ недобро-
 хотныхъ ея дѣлателей, кои бы не

премѣнно впрошчемъ содѣлашь могли оную весьма плодородною. Ежегодно сжигаемо бывало шамъ великое количество ни къ чему неупотребляемаго лѣса; да и самыхъ посѣянныхъ семянъ въ разожженную землю произрашеніе было наконецъ обращено въ пепелъ; послѣ же небольшой жатвы слѣдовало обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ вѣчное неплодородіе. Наподобіе настоящей скотины, кошорую человекъ спарается кормить единственно для своего употребленія, получалъ шамъ крестьянинъ нужную себѣ пищу и совсемъ прошивной вкусу напишокъ, содѣлывающей едва покмо сносною самую необходимость. Жизнь служила оному существу бремяемъ, и смерть почиала каждой изъ нихъ истиннымъ своимъ спасеніемъ въ странѣ шой: однимъ словомъ, цѣля неизмѣримыя Государства въ сей часни свѣта пребывали тогда подъ жесточайшимъ скипетромъ нѣсколькихъ покмо благородныхъ.

При всемъ томъ, не имѣли вовсе обширнѣйшія земли сіи собственныхъ своихъ силъ, и служили совершенною добычею каждому владѣтелю, кошорому хотя нѣсколько повиновались только ему подвластныя: ибо, никакой союзъ не соединялъ сильныхъ сихъ благородныхъ

р а к б

къ совокупнымъ ихъ намбреніямъ, ни-
 что изъ нихъ не помышлялъ при-
 нять наставленія, а шѣмъ паче еще
 повелѣнія отъ другаго равнаго себѣ, и
 никто не хотѣлъ посвящать малѣй-
 шей частицы отъ своего имущества,
 для малѣйшей части отъ своей во-
 лности къ сохраненію всеобщей пользы.
 Чего ради, поодиначкѣ одинъ за другимъ
 бывали они покоряемы сильнѣйшимъ
 безъ всякаго труда, потому что въ
 несносномъ рабствѣ пребывавшія всегда
 ихъ подданныя не имѣли ничего впередъ
 надѣяться отъ ихъ жестокосердыхъ
 господъ, и при погибели оныхъ не спра-
 шивались нисколько пошерять у себя что
 либо.

Итакъ, Оваръ прибылъ наконецъ
 совершенно на край Восточнаго моря,
 до устья нѣкошорой рѣки, гдѣ въ то
 время многіе пустыя острова находи-
 лись еще совсемъ покрытыми дрему-
 чимъ лѣсомъ и непроходимыми верше-
 пами, и гдѣ говорю, въ писаніи прему-
 драго Провидѣнія назначенъ былъ быть
 наипространнѣйшій градъ, имѣвшій по
 многимъ сполнѣніямъ послѣ вознесенья
 со славою на высоту своего величества,
 отъ коего бы спс различныхъ народовъ
 должны были нѣкогда принимать зако-
 ны, и Властелиныбъ коего отъ начала зе-
 мель

жель Серяиъ до самыхъ даже предѣловъ Эспландіи неизмѣримого пространства Государство создажали. (*) Поехъ того возвратился Оваръ пакъ въ Англію, привезя съ собою въ немаломъ изобиліи различныя сокровища впаденныхъ сихъ странъ, состоящія въ разнообразныхъ кожахъ многихъ дикихъ звѣрей, набраннаго имъ въ немаломъ количествѣ яншара и сотъ дикихъ пчелъ, кои вшунъ преподають роду человѣческому примѣръ наилучшаго своего труда.

Алфредъ принялъ съ удовольствіемъ извѣстіе о настоящемъ состояніи того Государства, гдѣ Воданъ, одинъ изъ его предковъ, владычествовалъ некогда, и гдѣ оный съ престола своего низведенъ былъ послѣ къ подножію курящегося жершвенника. Онъ слушалъ также съ неменьшимъ вниманіемъ описаніе злоупотребленія, кое люди изъ даровъ естества обыкновенно производить старающіяся, естли токмо премудрые законы не соединяють ихъ силы къ общественному всему распоряженію. Чего ради, вознамѣрился онъ тогда шѣмъ усердіе разрывать узы смертныхъ, чрезъ кои

Р 3

даже

(*) Подъ симъ разумѣтъ Авторъ, чаятельно, сильное Государство славныхъ Россіянъ и оныхъ престольный градъ Петрополь.

даже и самая душа оныхъ уничижалась сильно, лишаясь самопроизвольно величайшихъ преимуществъ, содѣлывающихъ ихъ сущимъ подобіемъ премудраго своего Творца. Ипакъ, награда достойнаго Овира щедрымъ образомъ, поручилъ онъ ему попомъ въ полную власть десять числомъ къ войнѣ вооруженныхъ кораблей.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА VI.

О ДѢЙСТВИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЛЮБВИ АЛФРЕДА.

Слѣдующее предъ симъ важное происшествіе, не допустило впрощель имѣть нигдѣ мѣста описанію о любви сей великаго *Алфреда*, копорая по увѣренію многихъ имѣеть незабвенную свою памяшь подъ общимъ названіемъ *Эдгара* и *Эммы*, нѣкоей древнѣйшаго преданія пѣсни, содержаніе коей возбуждаетъ и въ наши времена даже во всѣхъ чувствіе нѣжности, подобное причинявшему до того въ прежнихъ Саксонахъ; и по увѣренію древнихъ писателей не заключаешъ ничего въ себѣ предосудительнаго для сего совершенно достойнаго Государя, копорое я здѣсь опъ слова до слова предложилъ разсудилъ за нужное.

Алфредъ, скрываясь еще у нѣкоего пасхуха (*), служившаго прежде его родителю, извѣстенъ уже былъ довольно во многихъ окрестныхъ странахъ оной подъ простымъ имянемъ *Вульфа*. Будучи въ семъ состояніи,

(*). Читай о томъ Цю книгу сего часши.

умѣлъ онъ переобразовать видъ свой столь искусно, что и самые его придворные даже не могли познать онаго. Изъ непроходимыхъ Абельнейскихъ болотъ чинилъ онъ часто съ нѣкоторыми, укрывавшимися подобнымъ ему образомъ, Саксонами разныя нападенія на злодѣйственныхъ Норманновъ, спараясь всячески вымещать надъ ними ихъ беззаконіе, прешерпяемое безпрестанно его народомъ, и снабждая при томъ своихъ подданныхъ, какъ припасами, такъ и различнымъ орудіемъ; сколь же скоро наступалъ бывало на нихъ общій непріятель со всѣми своими силами, то рассыпаясь немѣленно всѣ знающіе каждое ущелье повсюду его Саксоны, исчезали вдругъ изъ глазъ ожесточенныхъ весьма Норманновъ.

Весьма часто, говорю, сражался оный Вульфъ съ довольнымъ успѣхомъ, покуда наконецъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ немалою толпою своихъ непріятелей, долженъ онъ былъ вступить въ бой съ превосходною предъ своею силою; въ слѣдствіе чего, щощась удаленъ онъ къ нѣкоторому тѣсному мѣсту, окруженному опъсюду водою, оставя непріятелямъ весьма узкій проходъ къ оному, гдѣ онъ съ небольшимъ числомъ воиновъ полагалъ

между

между тѣмъ свободно удерживать на себя стремленіе всего ихъ ополченія. Онъ низложилъ весьма многихъ изъ смѣлыхъ сихъ грабителей, защищавшихъ себя мужественно щитами при семъ случаѣ, кои тогда считались совершенно новымъ еще изобрѣшеніемъ, и которыми Англичане въ послѣдующія времена обязаны были весьма много въ сраженіяхъ; но наконецъ, удалось одному изъ сихъ Сѣверныхъ ратниковъ поразишь копьемъ своимъ сего безвизвѣснаго всѣмъ Короля: сильной покъ крови изъ раны обезсилилъ онаго попомъ весьма скоро, и въ темнотѣ, которая послужила наконецъ Саксонамъ истиннымъ спасеніемъ, принуждены были прочіе его сооповарищи избавишь онаго отъ опасности, снеся его на себѣ съ мѣста сраженія.

По близости сего урочища находился замокъ Эдельберта, одного Саксонскаго Графа, въ которомъ оный, снабдившись достаточнымъ количествомъ разныхъ свѣстныхъ припасовъ, заключилъ себя отъ поисковъ злодѣевъ Англо-Саксонъ, и гдѣ припомъ многіе изъ скрывавшихся его соопчицей нерѣдко находили себѣ убѣжище; а кшомужъ и Норманны, зная довольно неуспрашную храбрость помянутаго Графа, и

не надѣясь преодолѣть укрѣпленіи загражденія сего замка, оставляли всегда набѣги свои на оной. Посреди еще самой ноши прибыли усращенные о уронѣ начальника своего Саксоны шуда, и убѣждали всячески прозьбою господина онаго бышь къ нему впущенными. „Вульфъ, шотъ самый Вульфъ, кричали они единогласно, копорой служилъ ужасомъ злодѣямъ нашимъ, раненъ будучи смертельно, шребуешъ нынѣ отъ шебя всевозможной себѣ помощи.„ Почтенное имя сего страшнаго мшпшеля за всѣхъ Саксонъ, извѣстно уже было довольно каждому усердному сыну опечества; чего ради, шотчасъ опверсты были врапа замка шого для онаго, и самъ Эдельбертъ принялъ его къ себѣ съ опличными знаками радости, яко настоящего ироя, происхождение коего неизвѣстно было ему однакожъ ворсе. По древнему обычаю простосердечныхъ Германцевъ шрепровождала шогда Алсвиѣа почтеннаго своего родшеля, вышешего на встрѣчу для приняшя храбраго Вульфа въ свой домъ, прекраснѣйшая и превосходнѣйшего пришомъ разума дѣвица. Изнеможенный въ сшдахъ Вульфъ прине-сенъ былъ шотчасъ въ покои сего Графа; смертельная блѣдность покрывала

все

все лице его, и ослабѣвшія онаго руки висѣли уже безъ всякаго движенія, коихъ силу нерѣдко впрошчемъ ощущали на себѣ неустрашимые Норманны. *Алсвиѳа* обнажила сама въ то время уязвленную его руку, и прилагала всевозможное спараніе о ранѣ сего великаго воина; онъ прожлажденъ былъ попомъ немѣдленно сильнымъ лѣкарствомъ, и оставленъ наконецъ одинъ въ покоѣ.

Повседневно приходилъ *Эдельбертъ* съ достойною любви его дочерію посещать въ чрезмѣрной еще слабости пребывавшего тогда у нихъ госпя; и какъ рана онаго требовала безпреспаннаго попеченія, то часно перевязывала оную *Алсвиѳа* сама нѣжными своими руками. Между тѣмъ *Вульфъ*, открывъ глаза свои, увидѣлъ вдругъ нечаянно усерднѣйшее о себѣ спараніе наипрекраснѣйшей дѣвицы; ея младость, несравненная ни съ чемъ прелести и великодушное соучастіе, пріемлемое оною въ его болѣзни, пронули чувствительнѣйшимъ образомъ нѣжное сердце младаго Государя; а продолжительное къ тому время, потребное впрошчемъ для совершеннаго исцѣленія его раны, допустило слабыя силы страсти овладѣть непременно всѣмъ его сердцемъ

при

при семъ случаѣ. Повседневно, повсѣ-
часно, сказать лучше, находилъ онъ
новыя причины допускать умужающа
спраспи своей къ Алсвиѣ; ея прѣят-
ной голосъ, любви достойная престо-
ша, прелесть ея взора и безпримѣрная
преизящность нрава оной, овладѣли на-
конецъ имъ споль безпредѣльно, что
онъ начиналъ уже впередъ чувствовать
то, что оставишь ея не въ силахъ
онъ былъ болѣе, не учинясь совершен-
но чрезъ то злощастнымъ.

Благоразумный Эдельбертъ, зная
между шѣмъ довольно достоинство
своисшвъ своей дочери, не имѣлъ съ
споронъ сей нимаалѣйшей заботы: его
собственныя дѣла, нестерпящія иногда
ни на минушу времени, опъзывали его
часто изъ замка на нѣсколько дней, и
онъ оставялъ прекрасную сѣю дѣвицу
съ Королемъ вмѣстѣ безъ всякаго по-
дозрѣнїя, котораго между шѣмъ болѣе
проходила весьма мѣдлиительно; стро-
гаяжъ добродѣтель Алфреда не про-
шивилась напрошивъ того также ни-
мало сей новой любви его. Итакъ, не
находилъ онъ нимаалѣйшаго болѣе пре-
пятствїя къ безвинному своему соеди-
ненїю съ сѣю Графинєю; но при всеиъ
томъ, хотѣлъ испытать ее прежде,
не-

нежели учинитъ онъ ее сошварителемъ въ своей жизни.

Между шѣмъ, пребывалъ *Алфредъ* все попрежнему отъ всѣхъ своихъ Саксоновъ въ совершенномъ еще невѣдѣнїи; они не знали ничего о немъ болѣе, кромѣ одиѣхъ произведенныхъ имъ мужественныхъ дѣлъ; чего ради, продолжалъ онъ безпрестанно скрывать настоящее свое состоянїе, заславляя всѣхъ, прислуживавшихъ ему, думая, что онъ былъ токмо простой, взрослый съ орудіемъ въ рукахъ Саксонскій воинъ. При всемъ однакожъ своемъ униженїи, старался онъ всячески понравиться своей красавицѣ. Она примѣшила вскорѣ явные знаки спраши къ себѣ сего незнакомаго. Невинныя доказательствъ его отличнаго къ ней почтенїя, сопряженнаго вкупѣ съ немалымъ удивленїемъ о ея прелестяхъ, открыли вскорѣ настоящій *Алфредовъ* образъ, приличный впрочемъ высокому его происхожденїю, которой *Алсвида* не могла никакъ сравнивать съ его одеждою и его низко изображавшимъ состоянїемъ; потому что склонностей и дарованїй премудраго времени не въ силахъ былъ вовсе сокрыть въ себѣ *Алфредъ*. Онъ былъ лучший стихотворецъ между Саксонами, и никто не писалъ

писалъ на шомъ языкѣ съ поликимъ искусствомъ, кое бы имѣло жопя малое подобіе съ его сочиненіями. Время пребыванія своего въ замкѣ Графа Эдельберта препровождалъ онъ съ сею дѣвицею, то въ предложеніи ей корошинъкихъ спишковъ, слагаемыхъ имъ самимъ, то въ рассказываніи различныхъ повѣстей, пріятности коихъ часъ опъ часу услаждала оную, и часы пребыванія ея съ нимъ принуждала обыкновенно продолжаться нечувствительно.

Подъ переменными всегда именами и лицами рассказывалъ ей *Алфредъ* собственные свои путешествія и свои походы; на какихъ баталяхъ и при какихъ именно случаяхъ случалось бывать ему, при коихъ однакожъ бывалъ онъ всегда дѣйствительно самъ предводительствемъ. Удивительное великолѣпіе пространнаго Рима, пріятности благоустроенной Италіи, миршовыми деревьями насажденныя рощи, благоуханныхъ лавровыхъ деревьевъ лѣса и безпрестанно цвѣтушіе въ изобиліи острова Средиземнаго моря, зналъ онъ описывать съ поливою живостию, что все то прельщало *Алсвиу* несказанно. О собственныхъ ея прелестяхъ, такъ какъ и о преимуществвахъ души ея, говорилъ онъ обыкновенно и подобіе совершенно уничтожен-

жен-

женнаго ея раба, которой очи свои не дерзая поднимашь на великую свою повелишельницу, чувствовалъ припомбъ внупренно есбъ ея прелести; собственныя же свои чувствїи изображалъ онбъ между пбмбъ въ разнообразныхъ пбсняхъ, кои хощя и называлъ онбъ давнишними, но онбъ соспавлены были имъ единствен-но для *Алсивы*, и къ ней единой принадлежали шокмо. Когдажъ, случалось, начинала она спыдится при шаковыхъ случаяхъ, тогда *Алфредъ*, опасаясь, дабы она не пресбкла его чемъ либо нбсколько дерзкую ббседу съ нею, старался всячески зашмевашь по непри-мбшнымъ образомъ другими разговора-ми, обращая все то въ приличную ея полу и званїю шушку. Всб свои пбсни украшалъ онбъ сверхъ того люпною, на которой игралъ Государь сей весьма искусно, умножая оною безмбрно оболь-щающею чувствїи силу своего прїятнаго голоса.

Сїя дщерь Графская, будучи въ перь-выхъ лбшахъ своея юности воспитываема по обычаю времянъ пбхъ въ роди-теля своего замкбъ, хощя и имбла чрезъ то самое случай видашь многихъ хра-брыхъ людей, прибзжавшихъ къ *Эдель-берту*; но прїятное услажденїе *Алфреда* и заразительное остроумїе разсуждений
его

его составляли для нее совсемъ новыя удовольствїи. Величественный видъ, переобразованный имъ нѣкою искусною краскою, не могъ вовсе зашменъ бытъ ни въ какое время, и величество души его сіяло весьма ясно изъ прїястныхъ онаго очей. Ипакъ, нечувствительно понравилось обращенїе сіе, а вскоре потомъ и самая особа незнакомаго, невинной сей красавицѣ шакъ, что сердце ея заразилось прежде, нежели сама она могла примѣнить то, что оно уже не въ ея болѣе власти находилось тогда.

Чрезмѣрное сіе впечатленїе, произведенное Королемъ Саксонскимъ въ сей дѣвицѣ, не могло долго оставаясь скрытымъ отъ пронцапельнаго *Алфреда*; чего ради, покушался онъ всячески допустить примѣнить ей въ гораздо яснѣйшихъ предъ прежними выраженїяхъ, что онъ любилъ ее спрочно. Безъ явнаго однакожъ объясненїя о своихъ чувствїяхъ, изобразилъ онъ оцупительно все дѣйствїе его сердца; а *Алсвиѳа*, не зная между шѣмъ сколь глубоко уже погрузила она себя въ страшную бездну любви, не подозрѣвала себя съ своей стороны нисколько. Она приобыкла скоро удовлетворяющъ своими взорами частые взоры *Алфреда*; а нѣж-

а ибжнй ея голосъ внушалъ припомъ
 безпрестанно прїяшнїбшую сладость ,
 кою доставляешъ обыкновенно непороч-
 ная младость тому , которой научилъ
 еную начальнымъ дбїспвїямъ любов-
 ной спрашпї. Она имбла шакже иб-
 жїя небольшїя , приличныя полу ея ,
 прїяноснї , содержанїе коихъ одному *Ал-*
фреду оставалось знанїе только , и пошо-
 му согласовала она съ нимъ во всемъ , ког-
 да оный открывалъ ей шокмо любовь
 еною подб чужимъ имянемъ .

Между тбмъ , Королевская рана за-
 жила уже совершенно ; состоянїе Го-
 сударства льспило себя не щещною
 боуде надеждою въ еущемъ она-
 го переобразованїи , и злая участь по-
 рабощенныхъ Саксонъ готовилась уже
 къ настоящему ея паденїю : словомъ ,
 ничшо не препяшшествовало величайшей
 сей перембнї , кромб какъ оставалось
 шокмо виновнику всего шого найши
 единую причину къ пробышїю еще иб-
 сколько подоуде въ замкб Графскомъ .
 Сверхъ же всего упомянушаго спосїб-
 шествовали немало и обшояшельства
 шакже къ великимъ симъ предпрїя-
 шїямъ , кои оббщали несомнїбно воз-
 двигнушъ великаго *Алфреда* пакц на
 прешолъ Саксонскїй , и благоразумный
 юноша сей имблъ припомъ довольно
 Часть III С какъ

какъ разума, такъ и понятія немече-
нѣе, зная совершенно, сколь неоснова-
тельно было бы то, когдабъ онъ вре-
мянное, по есшъ, спрасшь свою, пред-
почесшь вздумалъ вѣчному, по есшъ,
долгу, коимъ обязанъ онъ былъ своему
народу и собственному его достоин-
ству. Не смотря однакожъ на то, не
могъ онъ освободиться вдругъ изъ прѣш-
ныхъ узъ прекрасной его *Алсвины*, не
удовольствовавъ себя прежде сильнѣи-
шимъ въ томъ удостовѣреніемъ, что
сердце оной совершенно уже ему одно-
му принадлежало. Чего ради, вознамѣ-
рился онъ шѣмъ еще болѣе пришворяш-
ся, что самое жопя и вовсе для него несро-
дно было; но онъ обнадеживалъ себя при-
томъ шѣмъ, что недолговременное му-
ченіе, предприемлемое имъ причинишь
дѣвицѣ сей, долженъ спвуешъ награждено
бышь вмѣсто того безпрестанною къ
ней горячностію съ его стороны.

Между шѣмъ случилось, что *Эдель-
берту* должно было оплучишься тогда
на нѣкоторое знаменитое рыспаніе,
которое учредилъ у себя нѣкто, по-
добной ему знашней вельможа; и
какъ рука *Алфредова* не позволяла еще
покусишься ему къ нѣкому прину-
жденію шѣлесныхъ онаго силъ, то
Эдельбертъ оставилъ его тогда въ сво-
емъ

онъ замкъ, сооруженномъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Въ нѣкопородѣ пещерѣ каменной шой горы выходилъ небольшой источникъ прохлаждающей воды, служащей сущимъ убѣжищемъ онъ несноснаго лѣшняго зноя для дщери Графа. „Вульфъ, сказала нѣкогда искренная сія красавица, не знаешь еще преимущественнѣйшей выгоды сего замка?“, и пошомъ повела она его шощасъ въ шу пещеру. Напрощивъ шого, цѣломудренный *Алфредъ* не предпринималъ еще никогда въ мысляхъ своихъ ничего такого, чрезъ чшобъ добродѣтель прекрасной *Алвины* могла поколеблема бышь жопя нѣсколько, не смотря на то, что онъ ей весьма нравился, а пришомъ и сама она, какъ зналъ онъ, никакъ уже не въ силахъ была скрывать шо болѣе, почишая его однакожъ всегда за протшой шокмо породы храбраго юношу, къ коему никогда и ни за чшо преклонилса не думала она вовсе, сколь ни пріятнымъ быди ей всѣ его прензящныя качесшва.

Будучи такимъ образомъ наединѣ съ сею дѣвицею, сыскалъ наконецъ *Алфредъ* случай сказать ей откровенно между прочими разговорами слѣдующее. „Теперь свершилось все, сказалъ онъ ей съ посшояннымъ видомъ, я дол-

женѣ оставишь нынѣ сей замокъ, то самое мѣсто, гдѣ наслаждался я безпреснанно несмѣшными знаками безпримѣрной благосклонности. Но я остаюсь между шѣмъ весьма неблагодарнымъ за все то, желая лучше никогда бы не пользовался сею честию. „ При произнесеніи *Алфредомъ* сихъ словъ, казалась *Алсвита* приведена бытъ въ немалое удивленіе; а пришворявшейся Король продолжалъ говорить паки. „Мнѣ не возможно никакъ того скрышь, чшобъ я, видая наипрекраснѣйшую *Алсвиту* шоль часто, не пѣнилъ ею чрезмѣрно, и чшобъ всѣ прелести, какъ и безпримѣрная ея добродѣтель не учинили наконецъ всю остальную жизнь мою совершенно несносною. „

Приличная полу ея спыдливость покрыла пріятнымъ цвѣтомъ прекрасное лицо дѣвицы сей при семъ случаѣ, и надмѣнность ея предковъ поколебала сильно предложеніе, предпріятое человекомъ, которой вовсе недостойнымъ оной казался ей бытъ. Но при всемъ томъ однакожъ, заступало нѣчто въ нѣжномъ ея сердцѣ за сего незнакомаго, и ушояло сильно волненіе гнѣва ея прошивъ шаковаго дерзкаго поступка. „Вульфъ забылъ конечно, сказала она пошомъ съ прискорбнымъ видомъ, чшо онъ,

онъ, будучи раненымъ, принявъ былъ въ замокъ моего родищеля какъ такой раникъ, которому пошребна была шокмо помощь наша, и пришомъ вовсе не для того, чшобъ оному, учинишя неблагодарнымъ ѣбкогда за оную. „ Вульфъ ничушь не забылъ *Алсвиинныхъ* достоишсѣвъ. перебилъ Король шотчасъ слова своей возлюбленной, онъ знаетъ одинъ всю цѣну прекраснѣйшей дѣвицы въ свѣтѣ, которую огорчаетъ онъ нынѣ столь много; но ешь шакія чувствѣи въ смершныхъ, какъ не безизвѣсно ему, койжъ никакая сила разума помрачитъ, или испребишь, сказашъ лучше, не въ сосшоянѣи; сверхъ же шого и никшо не ощущалъ никогда, надѣюсь, шoliko горячностикъ кому либо изъ смершныхъ, сколько ощущаю я къ несравненной ни съ чемъ *Алсвиѣ*. Умирашь, считаю я легчайшимъ для себя средшвомъ, пошому чшо смерть видалъ я весьма чашшо и пришомъ весьма близко предъ собою; но не въ силахъ буду я скрышь шого, сколь злощасшнымъ почитаешь бы я себя шалъ шогда, когдабъ *Алсвиѣ*, наипрѣяшнѣйшій предметъ моего воображенѣи вздумала презирашь меня. „

„Мнѣ довольно извѣстны всѣ безпримѣрные подвиги достшойнаго *Вульфа*,

пресѣкла речь онаго скромнымъ образомъ благоразумная сія дѣвица; родителю мой чщитъ въ немъ безъ всякаго сомнѣнія таково война, который, не щадя нимаго свою кровь, проливалъ многожди оную единственнѣ за спасеніе своихъ единоземцевъ Саксонѣвъ; но сіе не соспавляешъ еще нимаго презрѣнія, думаю я, когда я убѣгашь должна подобныхъ шведимъ предложеній, кой впротчемъ не могушь имѣти никакого дѣйствія. Не отъ меня зависишь уничтожашь различіи, учиненныя самою добродѣтелію между различными степенями людей. Вульфъ найдешъ конечно красавицу приличную его соспоянію, которая спрасшныя его изъясненія усердно слушаешь не опречешся, и припомъ оныя награждаешь безпреняшственнѣ всегда можешъ. „

„Ишакъ, участь моя рѣшена нынѣ совершенно, вижу я, сказалъ Алфредъ съ притворнымъ видомъ, кошорой измѣнялъ впротчемъ глубочайшее его прискорбіе при семъ случаѣ. Хошяжъ и съ величайшимъ неудовольствіемъ принужденнымъ нахожу я себя оставишь пріятное сіе мѣсто, продолжалъ говоришь Король, но Алсвиои не въ силахъ будешъ однакожъ преняшствовашъ тому, чщобъ я подвергъ злощастную

зую мою любовь съ собою вкупѣ опасностямъ, въ кои влечетъ меня нынѣ мое сословіе. Она не воспретявшиуспѣшному нисколько, говорю, чтобы дражайшее въ изображеніе не было послѣднимъ моимъ пріятнѣйшимъ ощущеніемъ, а имя оной послѣднимъ моимъ словомъ въ жизни.,,

„Но Вульфъ, произносящъ пощомъ самая невинность устами красавицы сей слова въ полномъ изумленіи оной, можетъ ли, будучи благоразумнѣйшимъ и достойнѣйшимъ весьма юношею, бысть сподобъ неосновательна въ пребываніи оубъ дѣвцы, дѣвцы душеподательствуемой снѣжью спрѣжайшей добродѣтели; какъ же вѣщамъ, кои исполнить она никакъ не въ силахъ, не позоритъ притомъ весьма свою природу? Можеть ли нисколько надѣяться оубъ, чтобы ~~в дѣлѣ~~ ~~сдѣлать~~ сдѣлала оубъ когда нибудь поступокъ, не можеть ли желать оубъ того, чтобы ~~в дѣлѣ~~ ~~сдѣлать~~ сдѣлала учинилась нисколько почтенія достойному ея родителю? Но вспавъ все это, продолжая изъяснить она, естли бы анда я не желѣла бы оубъ хощя природу Вульфа, что самъ, усколъ велико естъ различіе между имъ и родомъ ~~в дѣлѣ~~ ~~сдѣлать~~ сдѣлала, погубъ, можеть быти, могъ оубъ аснѣтъ себя

тебя еще въ некоторую надежду: въ усѣхъ
хб своего желанія.,

„Предстоящій въ глазахъ твоихъ
Вульфъ; отвѣтствовалъ на шо: *Ал-
фредъ*, ничуть не менее отъ благородной кро-
ви происходящъ, увѣряю себя; возлю-
бленная Графиня; но щасще оказало
ему шокмо съ нѣкоего времени въ своей
благосклонности. Онъ нынѣ бѣденъ и
принужденъ по нѣкоторому случаю,
оставя свое опечесство, подвергнушь
себя жесточайшей участи настоящаго
состоянтя; честь побудила его проли-
вать, не щадя нимаго, кровь свою, пре-
бующую вовсе неукротимаго имщенія,
и острый мечъ законовъ виситъ без-
престайно надъ главою онаво.,

„*Алсвиона* надъ бѣдностью начала ша-
кимъ образомъ успокоивалась: мало по-
малу; и особливо, когда узнала она,
нѣто природа *Вульфовъ* не заключала
въ себѣ болѣе нѣхъ неопровергаемыхъ
препятствій, кои въображала себѣ пре-
жде: сія дѣйствительная Дарованія щасствія
презираема она совершенно; пошому что
тнющаи Благородныхъ *Сактоновъ*, знала
она, лишаась имѣнтя ихъ на славящихъ
ними руками побѣдоносныхъ разбой-
никовъ оставила себѣ во удовольствіи
нѣте всего потеряннаго: тми единый
шокмо мезъ; дабы не спырались по-
нѣе

чпе-

чтенія, кое оказываемо было всегда ихъ
высокой породѣ. Ишакѣ, обольщающія
сѣи воображеніи жоня и облегчиди до-
вольне оцущишельно онѣ прискорбія
нѣжное сердце прекрасной сей дѣвицы;
но строгая ея добродѣтель не въ си-
лахъ была однакожъ поколебашъ ея
при семъ случаѣ, дабы предашя совер-
шенно сладкой надеждѣ, възстающей
шайно и приномѣ со снаракомъ въ ономъ.
„Обоюдный разговоръ нашъ происходишъ
весьма долго, кажущая мнѣ, сказала она
попомѣ, которой продолжашъ намъ
долге между собою возбраняешъ и вре-
мя и обспряшельства.“

Алфредъ, починяя послѣднія сѣи
слова совершеннымъ знакомъ соучастія
хѣ сабѣ, въ его обожаемомъ предметѣ,
обѣщавшемъ впрошчемъ весьма много
его страши, не вмениялъ болѣе себѣ
въ слабости, осматся еще попомѣ нѣ-
скольце дней, въ семъ замкѣ; и какъ
Графъ, господинъ онаго, положиавъ бышъ
между нѣмъ вскорѣ у себя цаплиной
ловли, коя соснавала лучшее упраж-
женіе между благородными людьми
Самсонской націи, но починяя искрен-
но храбраго *Вульфа*, не хотѣвъ онѣ
его исключишъ изъ числа принимающъ
нѣмъшихъ участіе въ сей благороднѣй-
шей забавѣ того времени. *Алфредъ* же

съ своей стороны, упражняясь въ младыхъ своихъ лѣтахъ безпрестанно почти въ разнаго рода охожахъ, что составляло тогда пріятнѣйшее его упражненіе, зналъ по тому самому весьма искусно управлять соколомъ, изъ чего *Милосива* конечно не трудно было заключить, и заключить пріятно охоту, что *Вульфъ* долженъ былъ непремѣнно такого происхожденія, кое врожденнымъ было благороднымъ упражненію.

Онаго соколъ изловилъ между шбмъ весьма рѣдкую птицу, кою поднося онъ дщери Графской, съ пріятнѣйшимъ видомъ просилъ ее пріятно о позволеніи оплучиться ему изъ замка. Сіе извѣстіе произвело въ ней мгновенно огузительнѣйшее соболѣзнованіе, такъ, что шбмъ сильнѣе пріятна она тогда въ свое сердце, шбмъ болѣе находила пренесполненнымъ свое глубочайшимъ воображеніемъ о помышляемомъ ею безпрестанно проѣ.

Алфредъ не преминулъ посѣщать ее и въ послѣдующій по томъ день, и по многихъ обыкновенныхъ между ими происходившихъ привѣтствіяхъ, сказалъ ей наконецъ открытымъ образомъ. „Я иду нынѣ шуда, *Милосивая* Государыня, куда долгъ и честь зовушъ меня непремѣнно; вѣчно одна-кожъ

кожѣ оббѣгаю я обожаю мена любва
достойную Алсвиу, и вѣчно буду при-
томъ оплакивать свое несчастіе, чѣмъ
судьба спасши моею не позволила мнѣ
открыть себя совершенно ей. „ Она
вздыхала внутренно при произнесеніи
сихъ словъ, и наступающій отбѣздъ
Алфредовъ возбуждалъ въ ней столь
сильное прискорбіе, что не въ силахъ
была она и перенести почти того во-
все. Ахъ! для чего столькія достоин-
ства повержены въ столь низкую степе-
нь, размышляла она сама съ собою,
для чего Алсвиа не рождена была луч-
ше въ простомъ паспущемъ со-
стояніи!

Алфредъ продолжалъ изъясненіи
свои потомъ гораздо съ большимъ предъ
прежнимъ бодростію. „Вульфъ, гово-
рилъ онъ, не покуся бы никогда
открыть любви своей благородной кро-
ви дѣвицѣ, когда бы считалъ онъ не-
возможнымъ то, что Алсвиа могла
быть съ нимъ нѣкогда несчастливою.
Состояніе его не есть вовсе такимъ,
кое бы могло лишить сколько ни есть
надмѣнности Графской дщери. Но
когдабъ любила она меня соотвѣт-
ственно моею къ ней горячности, пог-
дабъ рука моя вознесла меня, можешъ
бышь, на высоту, на коей былъ бы я,
надѣ-

надбюю, менѣе я недоспойнымъ. Ишакъ, смѣю ли ласкати я себя тѣмъ только, продолжалъ говорить албениный ея спрашно Король, што одно различіе сосноянн дблаетъ меня шого недоспойнымъ? Дерааю ли надбнися я, говорю, на шо, чие Алсвиеа позволитъ любишь себя шогда, когда приближусь я, и когда сравняюсь я шокмо совершенно съ ея соснояннемъ?,,

Дбвица сія приспнжена будучи пакы Алфредомъ, опшвнспвоваа ему, пошуня пришомъ глаза свои въ землю. „Какъ можешъ шребрвати отъ меня шого Вульфъ, чего исполнитъ я не въ силахъ вовсе? И чемъ надбнися возбудишь онъ надежду во мнѣ, копорая при всемъ шомъ будешъ безпреспанно обманывати меня шокмо? Весьма легко случишся можешъ, што онъ забудешъ при всегдашнемъ звукѣ оружія младую свою подругу, съ копорою единый шокмо случай сдблалъ его знакомымъ; благородно рожденной же дбвицѣ, живущей въ уединеніи замка и во всякомъ пришомъ довольствіи, будешъ весьма шо предосудительно, когда она предаспся совершенно слбдспвіямъ любовной спрашни, копорая въ одномъ шокмо вымышленномъ смыслѣ позволена бышь можешъ равному съ ея поломъ человѣку. Ишакъ,

иди

иди благополучно, достойный Вульфъ, продолжала говорить она, спускай, и будь столь же великъ, сколь добродѣшелевъ ты; мойжъ напрошивъ того усерднѣйшаго желанія о твоемъ благополучи, не оставяшъ повсюду за собою слѣдоващя.

Алфредъ, недоволенъ будучи искреннимъ симъ отзывомъ, покушаяся паки всячески довести дѣвицу сію къ яснѣйшему признанію ея соотвѣстствія въ его страсти. „Итакъ, иду я, иду отсюда преисполненъ совершеннаго опчаянтія, сказалъ съ жаромъ Король Саксонскій, иду изъ сихъ мѣстъ, исплевая часъ отъ часу отъ жестокаго жара, кошорой вскорѣ долженъ меня съжечь непремѣнно. Естлибъ Алсвиѳа не презирала меня дѣйствительно, то неравенство степени состоянія ея съ моимъ исчезло бы конечно скоро, знаю я, изъ глазъ оной; горячность ея ко мнѣ низвела бы оную къ Вульфѣ неминуемо; и она почувствовала бы совершенно, что власть надъ искреннимъ сердцемъ имѣешь также иъкую цѣну для достойной красавицы. Но ахъ! злощасный Вульфъ, не только не возбуждаетъ въ ней любви какой къ себѣ, но ниже самаго соболѣзнованія. Прекрасная Алсвиѳа облегчила бы непременно, когдабъ почищала она жоня нѣ-
сколькѣ

снолвка уиасшь его сожаабнїя достпой-
ною , единымь словомь , словомь непо-
мрачающимь нимадо спрогой ея добро-
дѣшеля , все Вульфого злополучїе . ,

„Словосїе , которое произнесши уста-
ми моими , должна я шеперь , сказала , на
шо закрасївшись юная красавица , ешь
поиспїишї жеспокое для меня слово .
Но я вижу , и вижу шо не должно , что
Вульфъ ничемь не удовольствуеть себя
совершенно прежде , покуда не призна-
юсь я ему вѣ шомь , что люблю его
равномѣрно спрасши онаго кѣ себѣ ;
однакожѣ я надѣюсь пришомь , что не
будешѣ онѣ шоль неправосуденѣ , шшобѣ
не могѣ шого предшавить себѣ , что
рука моя зависшѣ единшвенно ошѣ
власши родишеля , а любовь моя пре-
будешѣ навсегда неразлучною сѣ моею
рукою . Миѣ извѣсно и шо также ,
что шомѣ , которой почиаетѣ добро-
дѣшель , не будешѣ конечно шребовашѣ
ошѣ меня нималѣйшаго поползновенїя
на какое либо порочное и противное
добродѣтели и чеспї дѣло . Но ешь
ли хочешѣ онѣ бышѣ однимь шѣмь до-
воленѣ , шшобѣ я ошкрыла ему сѣ спго-
роны своей желанїи мои , шо скажу
ошкровенно , что желаю весьма сравне-
нїя обоюдному нашему сосшоянїю , и
шшобѣ поздолено миѣ было канонцѣ
ска-

сказать самое то, чего онъ пребудетъ отъ меня споль усиленно. Она подала ему попомъ пошчасъ свою руку, допустила оную поцѣловашъ ему, безъ всякаго препяшствія, и хошѣла наконецъ немѣдленно оцъ него удалиться.

„Нѣшъ, нѣшъ,“ сказалъ великодушный сей любовникъ, *Алсвие* не должна цышашъ долге въ томъ горестныя мыслъ, что она любишь должна, недостойнаго яко бы. Еі не саѣдуешъ болѣе допускашь разрывашь свое сердце между позволенною склонностію и сопрошивленіемъ должностей, предписанныхъ ея полу и сеспрянію. Она узришь, узришь скоро, что ничего не учинишь прошивнаго требованіемъ ея природы, когда шокмо пребудетъ навсегда благосклонною къ *Вульф*у. Превосходнѣе предъ прежнимъ будетъ любить онъ ее за все то, пошому что нѣжности оной обязанъ онъ единственнo ея безпримѣрному великодушію, побѣждающему всю надмѣнность ея благородства.„ Послѣ шаковыхъ извясней облобызавъ еще съ восхищеніемъ ея руку, возвратился онъ наконецъ назадъ въ *Аелней*.

Спустия попомъ нѣсколько мѣсяцовъ, разсудилъ *Алфредъ* за нужное, по одержаніи славной побѣды надъ *Норман-*

мак-

маннами, успановишь великолѣпнѣйшее поржештво для всѣхъ опличившихъ себя въ военныхъ подвигахъ и вспомошествовавшихъ ему къ низверженію съ себя ига разоренной Англіи, въ коемъ числѣ и Эдельбертъ находился равнобрно. Къ конскимъ рыскальникамъ онаго, кои учреждены были единственно въ знакъ воспоминовенія славнаго сего пораженія непріятелей Государства, приглашены были также и всѣ благородныя женщины побѣдоносныхъ Сраженій. Каждый изъ всадниковъ сядая другъ предъ другомъ, о пріобрѣтеніи достойныхъ даровъ, приличныхъ ихъ заслугамъ, въ огражденномъ съ всѣхъ сторонъ нарочно къ тому употребленномъ пространномъ мѣстѣ, а пріеманный всѣми подданными единодушно пропадавшій столю долгое время Король, сидѣлъ при семъ случаѣ весьма на возвышенномъ престолѣ, по спорну коего поспановленъ былъ шуль, убранный великолѣпнымъ образомъ для шой красавицы, кошорая раздавашь должна была знаки оныя удостоившимся чести шой. Одинъ изъ благородныхъ, подошедъ пошомъ къ прекрасной Алсвиѣ, требовалъ ее имянемъ своего Государя къ исправленію сей имянной должности. Родитель

оной,

оной, проникнувъ шощасъ мысли: Короля Саксонскаго, которой дѣлалъ ему честь сію предъ всѣми прошими въ возведеніи дочери его на престолъ при семъ случаѣ, приказалъ ей немѣдленно заступитъ по мѣсто. Ишакъ Король, сошедъ съ престола, и подавъ почтенной сей дѣвицѣ руку, возвелъ ее къ ея мѣсту. „Здѣсь естъ, и на всегда будешь, мѣсто для достойной *Алсвины*, сказалъ онъ припомъ оной. Она услыша слова сии, и вскинувъ на него нечаянно свои очи, увидѣла шощасъ въ Государѣ ея шого самаго *Вульфа*, освобожденнаго совершенно ошъ прикрываемой его прежде гнусной краски и облеченнаго въ наивеликолѣпнѣйшее одѣяніе, кое не должно было достойно его великой особы. Повелѣвая сѣспъ оной, сказалъ *Алфредъ* между шѣмъ обробѣвшей сильно подлѣ себя *Алсвинѣ*. „Дерзаетъ ли *Алфредъ* надѣшся шеперь приобрести по самое, къ чему *Вульфъ* прежде никакимъ образомъ достигнуть не въ силахъ былъ? И смѣетъ ли искать онъ паки благосклонности къ себѣ отъ *Алсвины* мынѣ, безъ чего онъ жизнь свою считаешь совершенною шягосшю? Она поклонясь ему попомъ съ досподолжнымъ подобосшрасшѣемъ, и опушя глаза

Часть III.

Т

свои

свои въ землю, сказала между тѣмъ весьма тихо. „ Та, которая любила просиата шоммо вонна, знаешь конечно жо, что она нѣмъ болѣе еще почищать должна великаго *Алфреда*. „ Выговоря сии слова, смотрѣла она пошомъ со внимантемъ на различныя конскія рысканія, раздавала достойнѣйшимъ въ оныхъ драгоценнѣйшіе подарки, и въ самой шомъ же вечеръ дала руку свою, а съ нимъ и сердце вкупѣ въ полную явственъ восхищенному ошъ радости *Монарху*, утнися онаго супругою, кою любилъ ошъ одну ни съ кѣмъ нераздѣльно во всю свою жизнь.

Конецъ II^а Части.

Погрѣшности.

Стрѣ:	Стро:	Напечатано.	Читай.
12 я.	4 я.	изтреблены	истреблены
18	27	въ полѣ	въ поле
38	—	возприяли	восприяли
41	21	защищаемые	защищаемыя
49	—	Книга III.	Книга I.
50	3	нивы,	нивы
73	24	не укроши- мымъ	неукроши- мымъ
78	2	на море,	на морѣ,
113	17	Афредъ,	Афредъ,
—	23	въ сердце	въ сердце
139	18	спежаніе	спяжаніе
144	15	то,	то
151	21	тшей,	Тшей,
—	27	притомъ.	притомъ.
161	13	отторгая	отженя
163	11	ебразсудно	безразсудно
172	1	вырѣзанными	выдѣланными
—	15	ко Двору. Бы- ли	ко Двору, бы- ли
194	25	не обходимо- сти	необходимо- сти
225	31	въ море.	въ морѣ.
268	10	ея	ее
—	14	досшойнства	досшонства

STATE OF MICHIGAN

NAME	RESIDENCE	AGE	SEX
ALLEN, JOHN	ANN ARBOR	35	M
BROWN, MARY	ANN ARBOR	28	F
CHAMBERLAIN, WALTER	ANN ARBOR	42	M
COOPER, ELIZABETH	ANN ARBOR	31	F
DAVIS, THOMAS	ANN ARBOR	55	M
EDWARDS, SARAH	ANN ARBOR	25	F
FISHER, HENRY	ANN ARBOR	48	M
GARLAND, MARY	ANN ARBOR	33	F
HARRIS, JAMES	ANN ARBOR	60	M
JACKSON, ELIZABETH	ANN ARBOR	22	F
KELLY, THOMAS	ANN ARBOR	50	M
LEWIS, MARY	ANN ARBOR	38	F
MORRIS, HENRY	ANN ARBOR	45	M
NICHOLS, SARAH	ANN ARBOR	27	F
OLIVER, JAMES	ANN ARBOR	58	M
PATRICK, ELIZABETH	ANN ARBOR	30	F
QUINN, THOMAS	ANN ARBOR	40	M
ROBERTS, MARY	ANN ARBOR	24	F
SMITH, HENRY	ANN ARBOR	52	M
TAYLOR, SARAH	ANN ARBOR	29	F
WALKER, JAMES	ANN ARBOR	65	M
WATSON, ELIZABETH	ANN ARBOR	35	F
WELLS, THOMAS	ANN ARBOR	47	M
WHITE, MARY	ANN ARBOR	26	F
YOUNG, HENRY	ANN ARBOR	53	M

